

ISSN (online) 2959-6270

ISSN (print) 2959-6262

**Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University**

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК BULLETIN

**«Әлеуметтану және саяси ғылымдар»сериясы
Серия «Социологические и политические науки»
Series of «Sociological and Political sciences»
№1 (85) 2024**

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University

ХАБАРШЫ

ВЕСТНИК

BULLETIN

«Әлеуметтану және саяси ғылымдар»сериясы
Серия «Социологические и политические науки»
Series of «Sociological and Political sciences»
№1 (85)

Алматы, 2024

КеАҚ Абай атындағы
Қазақ ұлттық педагогикалық
университеті

ХАБАРШЫ

«Әлеуметтік және саяси ғылымдар»
сериясы, №1 (85), 2024
2001 ж. бастап шығады.
Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір

Бас редактор:

ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, филос.ғ.д., проф.
Р.Б. ӘБСАТТАРОВ

PhD, **Ж.Ж. Қуанышбаева**
(жауапты хатшы)
г.ғ.м. **Қ.А. Кантаева**
(тех.хатшы)

Редакция алқасы:

ҚР ҰҒА академигі, э.ғ.д., проф.
С.Т. Сейдуманов

ҚР ҰҒА академигі, э.ғ.д., проф.
З.К. Шаукенова

с.ғ.д., проф., **Е.К. Алияров**
с.ғ.д., проф., **Г.О. Насимова**
э.ғ.д., проф. **Г.С. Абдирайымова**
с.ғ.д., проф., **Ж.Қ. Симтиков**
PhD (саяс.), проф. **Лим Че Ван**
(Оңтүстік Корея)

э.ғ.д., проф. **Н.П. Нарбут** (Ресей)
ф.ғ.д., проф. **И.А. Рау** (Германия)
с.ғ.д., проф. **С.В. Решетников**
(Белоруссия)

PhD (соц.), проф. **Лоранс Тен** (Франция)
ф.ғ.д., проф. **Е.А. Харьковченко**
(Украина)

с.ғ.д., проф. **Н.П. Медведев** (Ресей)
с.ғ.д., проф. **Б.М. Торогелдиева**
(Қырғызстан)

с.ғ.д., асс. проф. **А.Қ. Құрманғали**
с.ғ.д., доцент **А.Ж. Мұқажанова**
PhD (соц.), **Ж.К. Каримова**

© Абай атындағы
Қазақ ұлттық педагогикалық
университеті КеАҚ, 2024

ҚР Мәдениет және ақпарат
министрлігінде 2021 жылы наурыздың
19-де қайта тіркелген
№КЗ89VPY00033638

Басуға 24.04.2024. қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 14,75 е.б.т.
Тапсырыс 233.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы Қазақ ұлттық
педагогикалық университеті КеАҚ
«Ұлағат» баспасы

М А З М Ұ Н Ы
С О Д Е Р Ж А Н И Е
C O N T E N T

ӘЛЕУМЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF SOCIOLOGY

Абдыкулова Г. Формирование гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе: анализ причин возникновения и влияния на положение женщин 5

Әбдіқұлова Г. Қазіргі қазақстандық қоғамда гендерлік стереотиптердің қалыптасуы: пайда болу себептері мен әйелдердің жағдайына әсерін талдау
Abdykulova G. Formation of gender stereotypes in modern kazakh society: analysis of the causes and impact on the status of women

Қалиева Г.Б., Абаған А.Б., Мионг С. Оңтүстік Кореядағы орта азиялық заңсыз еңбек мигранттар мәселесі 24

Kaliyeva G. B., Abagan A. B., Myong Soon-ok The problem of illegal labor migrants from central Asia in South Korea

Қалиева Г. Б., Абаған А. Б., Мионг С. Проблема нелегальных трудовых мигрантов из центральной азии в Южной Корее

Uderbayeva L.D. Research and practice basis of genius in sociology 37

Удербоева Л.Д. Научно-практические основы гениальности в социологии

Удербоева Л.Д. Әлеуметтанудағы данышпандықтың ғылыми-практикалық негіздері

САЯСИ ҒЫЛЫМДАР ПРОБЛЕМАЛАРЫ
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Абсаттаров Р.Б. Размышления о социально-политической активности людей 47

Әбсаттаров Р.Б. Адамдардың әлеуметтік-саяси белсенділігі туралы ойлар

Absattarov R.B. Reflections on the social and political activity of people

Ким Г.Н. Пропагандистская и просветительская деятельность корейских театральных кружков на советском дальнем востоке 58

Ким Г.Н. Корея театр үйремелерінің кеңестік қиыр шығыстағы үгіт-тәрбиелік қызметі

НАО Казахский национальный
педагогический
университет имени Абая

ВЕСТНИК

Серия «Социологические и
политические науки»
№1 (85), 2024

Выходит с 2001 года.

Периодичность – 4 номера в год

Главный редактор:
член-корр. НАН РК, д.филос.н., проф.
Р.Б. АБСАТТАРОВ

PhD, Ж.Ж. Куанышбаева
(ответ. секретарь)
м.г.н. К.А.Кантаева
(тех. секретарь)

Редакционная коллегия:
Академик НАН РК, д.с.н., проф.

С.Т. Сейдуманов

Академик НАН РК, д.с.н., проф.

З.К. Шаукенова

д.п.н., проф., Е.К. Алиев

д.п.н., проф. Г.О. Насимова

д.с.н., проф., Г.С. Абдирайымова

д.п.н., проф., Ж.К. Сымтиков

PhD (полит.), проф., Лим Че Ван

(Южная Корея)

д.с.н., проф., Н.П. Нарбут (Россия)

д.ф.н., проф., И.А. Рау (Германия)

д.п.н., проф., С.В. Решетников

(Белоруссия),

PhD (соц.), проф., Лоранс Тен (Франция),

д.ф.н., проф., Е.А. Харьковченко

(Украина)

д.п.н., проф., Н.П. Медведев (Россия)

д.п.н., проф., Б.М. Тороев

(Кыргызстан)

д.п.н., асс. проф., А.К. Курмангали

д.п.н., доцент, А.Ж. Мукажанова

PhD (соц.), Ж.К. Каримова

© НАО Казахский национальный
педагогический университет
имени Абая, 2024

Зарегистрировано

в Министерстве культуры и информации РК

переучет 19 марта 2021 г.

№KZ89VPY00033638

Подписано в печать 24.04.2024.

Формат 60x84 1/8. Объем 14,75 уч.-изд.л.

Заказ 233.

050010, г. Алматы,
пр. Достык, 13

Издательство «Ұлағат»
НАО Казахского национального
педагогического
университета имени Абая

Kim G.N. Propaganda and educational activities of
Korean theater circles in the Soviet far East
Saparov B.Zh. About the spiritual sources of
interconfessional consent of Kazakhstan people..... 71
Сапаров Б.Ж. О духовных истоках межконфес-
сионального согласия казахстанцев
Сапаров Б.Ж. Қазақстан халқының конфессио-
наларалық келісімінің рухани көздері туралы

ШЕТЕЛ ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ МІНБЕСІ ТРИБУНА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ TRIBUNE OF FOREIGN SCIENTISTS

Laurence Tain New western families: gender dynamics
and patterns of filiation in contemporary France 80
Лоуренс Тэйн Жаңа батыс отбасы: Қазіргі
Франциядағы гендердік динамика және
филиациялық үлгілер
Лоуренс Тейн Новые западные семьи: гендерная
динамика и модели филиации в современной
Франции

Kim Ён Суль Вопросы статуса и управления
корейскими беженцами из Украины в южной
Корее..... 92
Ким Ён Суль Оңтүстік Кореядағы корейлік
Украина босқындарының мәртебесі мен басқару
мәселелері
Kim Young Sool Status and governance issues of
ukrainian refugees in South Korea

МЕРЕЙТОЙ ЮБИЛЕЙ ANNIVERSARY

Абсаттаров Р.Б. Выдающийся ученый-кореевед
(Ким Герман Николаевич 70 лет) 108

Авторлар туралы мәлімет..... 114

Сведения об авторах
Information about the authors

**NJS Abai Kazakh National
Pedagogical University**

BULLETIN
Series of
«Sociological and Political sciences»
№1 (85), 2024

Periodicity – 4 numbers in a year
Publishing from 2001

Editor-in-Chief:
*member-correspondent of NSA of RK,
doctor of philosophical science, professor*
R.B. ABSATTAROV

PhD Zh.Kuanyshbayeva
(executive Secretary)
master **K.A. Kantayeva** (technical secretary)

EDITORIAL BOARD:
*academician of NSA of RK, doctor of sociological
science, professor*

S.T. Seidumanov
*academician of NSA of RK, doctor of sociological
science, professor*

Z.K. Shaukenova
doctor of political science, professor

Y.K. Aliyarov
doctor of political science, professor

G.O. Nasimova
doctor of sociological science, professor

G.S. Abdirayimova
doctor of political science, professor

Zh.K.Simtikov
doctor of political science, professor

Lim ChaeWan(South Korea)
doctor of sociological science, professor

N.P. Narbut (Russia)
doctor of philosophical science, professor

I.A. Rau (Germany)
doctor of political science, professor

S.V. Reshetnikov (Belarus)
doctor of sociological science, professor

Lourans Ten (France)
doctor of philosophical science, professor

Ye.A. Kharkovshchenko (Ukraine)
doctor of political science, professor

N.P. Medvedev(Russia)
doctor of political science, professor

B.M. Toregaldieva (Kyrgyzstan)
doctor of political science, associate professor

A.Kurmangali
doctor of political science, associate professor

A.Zh. Mukazhanova
PhD (soc) Zh.K. Karimova

© NJS Abai Kazakh National Pedagogical
University, 2024

The journal is registered by the
Ministry of Culture and Information RK
19 March 2021. №KZ89VPY00033638

Signed to print 24.04.2024. Format 60x84 1/8.
Volume 14,75 – ubl.literature. . Order 233.

050010, Almaty, Dostyk ave., 13.
Publishing house «Ulagat»
NJS Abai Kazakh National Pedagogical
University

**ӘЛЕУМЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF SOCIOLOGY**

МРНТИ: 04.71.21

10.51889/2959-6270.2024.85.1.001

*Абдыкулова Г.**

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,

Астана, Республика Казахстан

*e-mail: gabdykulova@mail.ru **

**ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ
КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: АНАЛИЗ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ И
ВЛИЯНИЯ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН**

Аннотация

В современном Казахстане вопрос гендерного равенства приобретает особую актуальность. Несмотря на законодательное закрепление прав женщин в стране, они сталкиваются с проблемами, подчеркивающими необходимость более широкого признания гендерного равенства как общественной нормы. Исследование в социогуманитарной науке Казахстана часто ограничивается констатацией гендерного дисбаланса, уделяя мало внимания анализу его причин.

Цель исследования – изучение гендерных проблем и положения женщин в исторической перспективе, а также выявление факторов, влияющих на формирование гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе. Авторы, опираясь на историографический анализ трудов по истории Казахстана различных периодов, ставят задачу проанализировать положение женщин в обществе. Исторический сравнительный анализ позволяет восстановить картину положения женщин и описать формирование стереотипов о гендерном дисбалансе в традиционном казахском обществе.

Исследование выявляет несколько значимых выводов. Во-первых, несмотря на ключевую роль женщин в дореволюционном периоде и их защиту степными законами и традициями, гендерное разделение труда, ограничение прав и низкое социальное положение женщин формировали ошибочные стереотипы о гендерном неравенстве. Во-вторых, эти стереотипы послужили движущей силой для борьбы с гендерным неравенством в последующие периоды. Благодаря успешной политике Советского правительства, женщины были представлены во всех сферах государственной деятельности. Однако, после получения Казахстаном независимости в 1990-х годах, женщины были вытеснены из многих сфер, что авторы связывают с ложными стереотипами о гендерных ролях, зафиксированными в письменных источниках XIX века.

Ключевые слова: гендерное равноправие, женщины, казахское общество, гендерные стереотипы, современный Казахстан, социальное положение женщин, права женщин

Г. Әбдіқұлова*

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана, Қазақстан Республикасы

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҚОҒАМДА ГЕНДЕРЛІК СТЕРЕОТИПТЕРДІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ: ПАЙДА БОЛУ СЕБЕПТЕРІ МЕН ӘЙЕЛДЕРДІҢ ЖАҒДАЙЫНА ӘСЕРІН ТАЛДАУ

Аңдатпа

Қазіргі Қазақстанда гендерлік теңдік мәселесі ерекше өзекті болып табылады. Елде әйелдер құқықтарының заңмен бекітілгеніне қарамастан, олар гендерлік теңдікті әлеуметтік норма ретінде көбірек мойындау қажеттілігін көрсететін қиындықтарға тап болуда. Қазақстанның әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдарындағы зерттеулер көбінесе гендерлік теңгерімсіздік туралы мәлімдемемен шектеледі, оның себептерін талдауға аз көңіл бөледі.

Зерттеудің мақсаты – гендерлік проблемаларды және тарихи тұрғыдан әйелдердің позициясын зерттеу, сонымен қатар қазіргі қазақ қоғамындағы гендерлік стереотиптердің қалыптасуына әсер ететін факторларды анықтау. Авторлар әр кезеңдегі Қазақстан тарихына қатысты еңбектерге тарихнамалық талдау жасауға сүйене отырып, әйелдердің қоғамдағы орнын талдау міндетін қойды. Тарихи салыстырмалы талдау әйелдер жағдайының бейнесін қалпына келтіруге және дәстүрлі қазақ қоғамындағы гендерлік теңгерімсіздік туралы стереотиптердің қалыптасуын сипаттауға мүмкіндік береді.

Зерттеу бірнеше маңызды нәтижелерді көрсетеді. Біріншіден, революцияға дейінгі кезеңдегі әйелдердің шешуші рөліне және оларды дала заңдары мен дәстүрлерімен қорғауына қарамастан, еңбектің гендерлік бөлінісі, құқықтарының шектелуі және әйелдердің әлеуметтік жағдайының төмендігі гендерлік теңсіздік туралы қате стереотиптерді қалыптастырды. Екіншіден, бұл стереотиптер кейінгі кезеңдерде гендерлік теңсіздікке қарсы күрестің қозғаушы күші болды. Кеңес үкіметінің табысты саясатының арқасында әйелдер мемлекеттік қызметтің барлық салаларында өкілдік етті. Алайда Қазақстан 1990 жылдары тәуелсіздік алғаннан кейін әйелдер көптеген салалардан ығыстырылды, мұны авторлар 19ғ. жазба деректерде жазылған гендерлік рөлдер туралы жалған стереотиптермен байланыстырады.

Түйін сөздер: гендерлік теңдік, әйелдер, қазақ қоғамы, гендерлік стереотиптер, қазіргі Қазақстан, әйелдердің әлеуметтік жағдайы, әйелдер құқығы.

G. Abdykulova*

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

FORMATION OF GENDER STEREOTYPES IN MODERN KAZAKH SOCIETY: ANALYSIS OF THE CAUSES AND IMPACT ON THE STATUS OF WOMEN

Abstract

In contemporary Kazakhstan, the issue of gender equality is gaining particular relevance. Despite the legal establishment of women's rights in the country, they face challenges that underscore the need for a broader recognition of gender equality as a societal norm. Research in Kazakhstan's socio-humanitarian science often confines itself to acknowledging gender imbalance, with insufficient attention given to analyzing its causes.

The research aims to study gender issues and the status of women from a historical perspective, identifying factors influencing the formation of gender stereotypes in modern Kazakhstani society. Drawing on historiographical analyses of works spanning different periods in the history of Kazakhstan, the authors task themselves with analyzing the position of women in society. Historical

comparative analysis allows the authors to reconstruct the situation of women retrospectively and describe the process of shaping stereotypes about gender imbalance in traditional Kazakh society.

The study reveals several significant conclusions. Firstly, despite women playing a crucial role in the pre-revolutionary period and being protected by steppe laws and traditions, gender division of labor, restrictions on rights, and the low social status of women contributed to erroneous stereotypes about gender inequality. Secondly, these misconceptions became a driving force for combating gender inequality in subsequent periods. Thanks to the successful policies of the Soviet government, women were represented in almost all spheres of state activity. However, with Kazakhstan gaining independence in the 1990s, women were marginalized in many areas, a phenomenon the authors attribute to false gender role stereotypes documented in written sources from the 19th cent.

Keywords: gender equality, women, Kazakh society, gender stereotypes, modern Kazakhstan, social status of women, women's rights.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Целью данной статьи является исследование исторической динамики гендерного равенства и гендерных стереотипов в Казахстане на протяжении трех ключевых исторических периодов: дореволюционного, советского и современного. Задачи исследования включают анализ гендерных проблем и положения женщин на различных этапах исторического развития Казахстана, определение ключевых факторов, формирующих гендерные стереотипы в современном казахстанском обществе, а также разработку путей минимизации гендерной дискриминации и решения гендерных проблем.

Статья рассматривает широкий спектр источников, включая как казахстанские, так и зарубежные работы исследователей, занимающихся гендерными вопросами. Производится анализ исторических корней гендерной асимметрии и культурных традиций, оказывающих влияние на формирование гендерных стереотипов в казахском обществе.

Для достижения цели исследования применяются историографический анализ и сравнительный анализ источников по истории Казахстана. В работе используются социологические методы исследования, такие как анализ текстов, интервьюирование и фокус-группы. Применяется интердисциплинарный подход, учитывающий социологические, культурные, исторические и психологические аспекты.

Исследование выявляет ключевые моменты исторической эволюции гендерного равенства и гендерных стереотипов в Казахстане на различных исторических этапах. Определяются факторы, влияющие на формирование гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе, и предлагаются пути преодоления гендерной дискриминации и решения гендерных проблем. Производится анализ полученных результатов с учетом их практической значимости и обсуждаются возможные направления дальнейших исследований и меры по содействию гендерному равенству в обществе.

ВВЕДЕНИЕ

Усиление роли женщин и повышение их экономической, социальной и политической активности представляют собой неоспоримые реалии современного мирового сообщества. Эти изменения являются результатом долгосрочных глобальных тенденций в области гендерного равенства и эмансипации. В частности, в развитых странах мира, в которых вопрос гендерного равенства не стоит остро на повестке дня и не является общественной проблемой, женщины могут полноправно конкурировать с мужчинами и занимать лидирующие позиции в любой сфере деятельности. Так как, как пишут современные казахстанские исследователи, «наиболее развитые демократические общества воспринимают равные возможности для участия женщин в политической и общественной жизни как необходимые для достижения прогресса в социально-экономическом развитии и решения актуальных политических, социокультурных, расовых, этнических и других проблем» [1].

На протяжении веков во многих странах с традиционалистским менталитетом, в том числе и в Казахстане, идея равенства женщин и мужчин воспринималась как парадоксальное явление. Женщина находилась в полной зависимости от гендерных установок в семье и в обществе. Даже сегодня в современном казахстанском обществе, который после выхода из состава Советского Союза и обретения независимости встал на путь демократического развития, ограничение прав женщин, основываясь на гендерных стереотипах, является одним из вполне допустимых естественных рефлексов.

Однако активная деятельность Казахстана в деле интеграции страны в мировое сообщество, ратификация международных соглашений сделало невозможным дальнейшее игнорирование, существовавших в республике гендерных вопросов. Поэтому на протяжении последних десятилетий государство предприняло различные шаги для установления фактического равноправия и улучшения положения женщин в стране. В частности, важным шагом на пути к установлению гендерного равенства стало участие Казахстана в 1995 году в IV Всемирной конференции по вопросам женщин в Пекине. При президенте страны Н.А. Назарбаеве был создан Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике, утверждены Национальный план действий по улучшению положения женщин [2] и Стратегия гендерного равенства [3].

Тем не менее, как следует из доклада Asian Development Bank по оценке гендерного равенства в Казахстане, сделанного в 2018 г., в Казахстане вопросы гендерного равенства все ещё далеки от полного разрешения. По мнению экспертов, для решения этой проблемы «в повестке дня развития Казахстана гендерное равенство должно быть учтено в каждой реализуемой государственной программе» [4]. Содержание доклада свидетельствует о том, что на сегодняшний день применение принципов гендерного равенства на всех уровнях государственной деятельности и общественной жизни в стране все еще остаётся актуальной задачей.

Примечательно, что принижение роли женщин является явлением, не ограничивающимся исключительно территорией Казахстана. Этот феномен широко распространён в различных культурах и обществах, где он проявляется в многообразных формах, отражая глубоко укоренившиеся гендерные стереотипы и иерархии. Американские учёные-социологи Sharlene Nagy Hesse-Biber, Gregg Lee Carter пишут, что невидимый барьер, так называемый, «стеклянный потолок» - положение, когда на формально равные возможности для обоих полов, существует множество неформальных, невидимых барьеров, препятствующее продвижению и карьерному росту женщин, существует во многих странах мира [5]. К примеру, несмотря на значительные достижения в области гендерного равенства, в США все еще существуют гендерное неравенство, особенно в бизнесе и политике, а также в отношении заработной платы. В Японии сохраняется гендерный разрыв, в частности, в корпоративном и политическом мире, где женщины сталкиваются с барьерами на пути к высоким должностям и лидерским ролям.

Международный масштаб данной проблемы подтверждают исследования Nicholas D. Kristof and Sheryl WuDunn [6], Sheryl Sandberg [7], Judith Butler [8]. Эти работы представляют собой различные перспективы и анализы женских вопросов в контексте глобального неравенства и дискриминации.

В нашей стране сформировался стереотипный подход к вопросу гендера, поэтому данная тема мало обсуждается в исторической науке Казахстана. Тем не менее в начале 2000-х годов в научных исследованиях вопросы гендерного равенства и положения женщин в обществе начали обретать актуальность. В этот период наблюдался повышенный интерес к изучению вовлечения и участия женщин в общественно-политической жизни страны на различных этапах её исторического развития. В значительной мере этот интерес находит отражение в работах историков А.К. Балтабаевой, Р.О. Балгозиной, И.В. Стасевич [9, С.16, 20, 23], Г.Т.Мусабалиной [10], Г. Абдыкуловой [11], которые освещали широкий спектр аспектов, связанных с гендерными вопросами в различных исторических контекстах.

Параллельно, важный вклад в изучение гендерной тематики внесли социологи Р.Б. Сарсембаева [10, С.21], А.К. Сабитова [12], Максим Кан [13], Khairullayeva V. [1] и др. Их исследования сосредоточены на более глубоком анализе социальных, культурных и политических аспектов гендерного равенства в Казахстане.

Отмеченные работы способствуют всестороннему пониманию роли женщин в исторической ретроспективе, а также выявлению существующих барьеров на пути к гендерному равенству в современном казахстанском обществе.

На наш взгляд, в Казахстане, где этническое большинство составляют казахи, проведение глубоких социальных изменений, связанных с переосмыслением гендерных ролей, не может быть осуществлено исключительно на декларативном уровне. Это обусловлено тем, что стереотипное представление о гендерных ролях в традиционном обществе остается актуальными в исторической памяти народа. Корни гендерной асимметрии прослеживаются в глубоком прошлом, в эпоху существования казахского традиционного общества. Особенности обычаев по отношению к женщинам в этом обществе были подробно документированы в работах российских исследователей XIX в. (на их основе сформировалась письменная история казахов). По нашему мнению, именно исторические корни, культурные традиции, а также традиционное восприятие женщины в казахском обществе лишь в образе матери и хранительницы домашнего очага, сложившееся благодаря письменным источникам XIX в., являются значимыми факторами, влияющими на замедление процесса достижения гендерного равенства в современном Казахстане.

В связи с этим в рамках данного исследования на основе источников по истории Казахстана XIX в. и современных научных исследований будут изучены гендерные проблемы и положение женщин на различных исторических этапах развития Казахстана и предпринята попытка определения ключевого фактора, которое оказало влияние на формирование гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе. Вместе с тем, в результате исследования будет представлено новое видение путей минимизации гендерной дискриминации в Казахстане и преодоления гендерных проблем.

Новизна данного исследования заключается в применении научного подхода, основанного на историческом сравнительном анализе, с целью определения причинно-следственных связей в процессе формирования гендерных стереотипов.

Исследование нацелено на анализ исторической эволюции гендерного равенства и гендерных стереотипов в Казахстане на протяжении трёх ключевых исторических периодов: дореволюционного, советского и современного. К дореволюционному периоду авторы данной статьи относят время, начиная от присоединения казахских земель к Российской империи в начале XVIII в. до революции 1917 г., когда в России была свергнута монархия (1731-1917 гг.). Советский период в истории Казахстана связан с установлением советской власти и охватывает время с 1917 до 1990 г. Современный период в истории Казахстана рассматривается с 1991 г., со времени выхода страны из состава Советского союза и обретения независимости, и по сегодняшнее время.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В представленной работе в целях определения причин формирования гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе применен метод исторического исследовательского дизайна. Этот подход позволил провести анализ прошлых событий с целью понимания гендерных тенденций в казахском социуме.

В данной работе используется социологический подход для анализа гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе. Социология позволяет рассматривать гендерные отношения как социальное явление, влияние которого простирается на различные сферы жизни, включая экономику, политику, культуру и семейные отношения.

Для достижения цели исследования проводится историографический анализ трудов по истории Казахстана различных периодов с учетом социологических аспектов. Этот анализ позволяет выявить ключевые моменты в истории положения женщин в казахском обществе и дать основания для анализа формирования гендерных стереотипов.

Для более глубокого понимания гендерных стереотипов и их влияния на положение женщин в современном обществе используются качественные методы исследования, такие как анализ текстов, интервьюирование и фокус-группы. Эти методы позволяют получить детальные данные о представлениях и ожиданиях общества относительно роли и поведения женщин.

Проводится сравнительный анализ положения женщин в различные исторические периоды, включая дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Этот анализ позволяет выявить изменения в гендерных отношениях со временем и их влияние на формирование стереотипов о ролях мужчин и женщин.

Исторический и сравнительный анализ, проведенный на основе изучения трудов российских исследователей XIX в. и научных трудов прошлого столетия, позволяет выделить ключевые этапы эволюции восприятия гендерных ролей в казахском обществе. Исследование положения женщин как в традиционном казахском, так и в современном казахстанском обществе выявило глубинные причинно-следственные связи, лежащие в основе формирования гендерных стереотипов. Это позволило проследить, как исторически закреплённые представления о гендерном дисбалансе продолжают влиять на современное восприятие гендерных ролей в Казахстане.

В целях изучения исторического контекста гендерных отношений в Казахстане главное внимание уделялось исследованиям и другим источникам по истории Казахстана XIX века. Для определения динамики дальнейшего развития гендерной тематики в XX столетии рассмотрены исторические и социологические научные труды исследователей советского периода и современных казахстанских авторов. В качестве вторичных источников использованы научные исследования зарубежных учёных. Это позволило проанализировать различные точки зрения и интерпретации гендерных проблем в Казахстане, а также увидеть их в контексте мирового опыта и тенденций.

В работе при оценке источников XIX в. применён критический подход, что является ключевым аспектом исследования. В ходе проведённого анализа трудов российских путешественников и исследователей XIX века, освещающих гендерные взаимоотношения в рамках традиционного казахского общества, а также источников по истории Казахстана этого времени была выявлена тенденция к субъективной и односторонней интерпретации роли женщин. По мнению авторов, это привело к закреплению и распространению ошибочных представлений о гендерном неравенстве, что, в свою очередь, оказало заметное влияние на дальнейшее закрепление стереотипов и направления гендерной политики в Казахстане в советский период.

Исследование подчёркивает, что в современном казахстанском обществе продолжают существовать исторически сформированные представления о гендерных ролях, которые искажают восприятие гендерных взаимоотношений, в свою очередь устойчивые гендерные стереотипы тормозят процессы установления гендерного баланса.

С целью определения степени изученности рассматриваемого вопроса проведен историографический анализ трудов по гендерной проблематике. Содержание исследований, вошедших в основу данной работы и посвящённых различным аспектам гендерного неравенства, показали сложность и глубину гендерных проблем в стране. Анализ данных работ ещё раз подчеркнул необходимость детального изучения природы возникновения гендерного неравенства в казахском обществе и пересмотра и реконструкции истории Казахстана в контексте гендера.

Полученные данные анализируются с использованием качественных и количественных методов, таких как тематический анализ, статистические методы и интерпретация результатов.

Этот анализ позволяет выявить основные тенденции и закономерности в формировании гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе. Рассматриваемая проблема носит междисциплинарный характер, чем обусловлено использование при проведении исследования комплекса исторических и социологических трудов.

В целом, применённые методы и подходы способствовали достижению цели и выполнению задач исследования, направленных на понимание причин укоренения гендерных стереотипов в современном Казахстане и определение перспектив достижения гендерного равенства. Методологическая часть статьи учитывает разнообразные аспекты исследования гендерных стереотипов в современном казахстанском обществе с использованием социологического подхода и качественных методов анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Состояние гендерного равенства и положение казахских женщин в дореволюционный период. История Казахстана берет свое начало с древнейших времен. Она основывается на археологических, этнографических источниках, источниках материальной и духовной культуры, письменных источниках зарубежных стран, в которых имеются сведения о Казахстане, архивных материалах. Казахские исторические исследования, основанные на анализе данных источников, позволяют сформировать объективную и всестороннюю картину цельной истории Казахстана.

Собственно казахских письменных документов, описывающих исторические институты общества дореволюционного периода, практически не было, поскольку обычаи и традиционные практики кочевников передавались устно. Поэтому в формировании истории Казахстана дореволюционного периода значительную роль сыграли письменные источники, оставленные российскими путешественниками и исследователями, которые посетили казахские земли после начала процесса присоединения Казахстана к Российской империи и проводили этнографическое изучение региона. Их труды представляли собой ценные источники информации о социальной структуре, обычаях, культуре и истории казахского народа. Предоставляли уникальную возможность для понимания внутренней жизни казахского общества и изменений, происходивших в этот период.

В этнографических записках исследователей имелись обширные описания повседневной жизни казахов, семейно-брачных отношений, обычаев и традиций, бытовых практик, сквозь призму которых ясно просматривалась роль женщин в семье и обществе. Согласно их общему наблюдению, положение женщин в казахском обществе характеризовалось как однозначно сложное, обусловленное множественностью факторов, оказывавших влияние на их жизнь и социальный статус [14; 15].

В своих трудах исследователи сходились во мнении о том, что казахская женщина, ограниченная в правах, несла на себе тяжелый груз обязанностей и выполняла большую часть домашних хозяйственных работ, при этом даже период беременности не предоставлял ей освобождения от них [14; 16], что подтверждало наличие высокой степени физической и социальной нагрузки на женщин в данном обществе.

Б. Юзefович, изучавший социальное взаимодействие в казахских семьях, обращал внимание на ограниченную роль женщин в общении. Он отмечал: «они [женщины] не принимают участия в общем разговоре, и ежели появляются, то разве только для каких-либо услуг. Вообще, между ними не принято, чтобы женщины присутствовали там, где собираются мужчины» [16]. Данное наблюдение указывало на строгие гендерные нормы, ограничивавшие общественное участие женщин и поддерживавшие их подчинённое положение.

Приведённые выше факты отражались в работах многих других дореволюционных исследователей и единодушно свидетельствовали о наличии строгой гендерной дифференциации и ограниченной социальной мобильности женщин в традиционном казахском обществе.

Однако, по нашему мнению, взгляд российских этнографов на положение женщин был субъективен. Так как в приведённых случаях необходимо было учитывать культурный контекст, в котором женщины воспитывались и взаимодействовали в обществе. Например, невмешательство женщин в общие разговоры с мужчинами было связано с глубоко укоренившимися традициями и обычаями казахского народа, устанавливающими определённые границы в общении между полами. Казахская девушка с детских лет приучалась уважительно относиться к мужчинам, которые выполняли роль главы рода и семьи. Эта практика отражала уникальные аспекты казахской культуры, где четко определенные границы в общении между полами являлись частью социального уклада, направленного на поддержание гармонии и порядка в обществе. И являлись важным элементом культурного наследия, который подчеркивает значение семейных ценностей и уважения к старшим в казахской культуре.

В противовес российским исследованиям, в работах казахстанских ученых отмечается, что в контексте внутрисемейных отношений в казахском обществе женщина исторически обладала значительной властью и возможностями влияния на решения, принимаемые ее мужем и детьми. Мужчины традиционно согласовывали семейные дела с женой, признавая ее ум и мудрость. В отсутствие мужа женщина автоматически принимала на себя роль главы семьи, самостоятельно управляя всеми ежедневными вопросами и проблемами. Эта роль женщины как «первого помощника» своего мужа особенно выделялась в сфере хозяйственных функций, где она часто брала на себя основную ответственность [10].

При этом власть женщины в семье носила скрытый, недемонстративный характер. Хотя женщине было запрещено публично выражать свое мнение в общественной сфере, внутри семьи она пользовалась глубоким уважением и почетом в качестве матери и имела значительный авторитет. Эта уникальная динамика в семейных отношениях, характерная для казахского общества, определяла для женщины, если не полное равноправие с мужчинами, то, по крайней мере, сравнительно свободное и нормальное правовое положение в рамках традиционной семейной структуры [10; 17].

В казахстанских научных исследованиях также подчеркивается, что в кочевом казахском обществе женщинам придавался особый статус. Согласно традиционным законам казахского народа, девушка не рассматривалась как объект для развлечений или рабыня; она имела равные права в условиях суровой кочевой жизни [18].

Взаимоотношения в семье в традиционном казахском обществе были сложными и многогранными, в которых женщина играла ключевую, хотя и часто невидимую роль. Семейное положение женщин регулировалось на основе устного права и традиций казахов. Несмотря на ограничения в публичном выражении своего мнения, в пределах семьи женщина пользовалась глубоким уважением и почетом, особенно в роли матери. Имела сильное влияние в семейных делах и принятии решений. Это обстоятельство не ушло от внимания российских исследователей, наблюдавших за повседневным бытом народа. В итоге, после присоединения казахских земель к Российской империи, царские чиновники выработали стратегию использования женщин как инструмента манипуляции в реализации имперских планов по контролю над казахскими землями. Данная политика воплощалась в рекомендациях, содержащихся в документах XIX века, среди которых выделяется рекомендация обучения «киргизских девиц» (в российских документах казахи назывались «киргизами») в русских женских школах с целью реализации планов по русификации неславянских народов империи. Этот подход основывался на идее, что «когда она станет женой киргиза и матерью, то будет влиять на своего мужа и детей, склоняя их на русскую сторону» [19].

В контексте изучения социального статуса женщин в казахском обществе особое внимание следует уделить вопросу создания семьи, при которых действительно проявлялась бесправность женщин. Казахские женщины зачастую не имели права выбрать себе мужа

самостоятельно и могли быть выданы замуж без своего согласия. В то же время мужчины-казахи имели право выбрать себе жену по своему усмотрению.

Изучая этот аспект казахской культуры, Б. Юзёфович отмечал, что каждый казах имел право иметь не более четырех жен, что соответствовало религиозным убеждениям казахомусульман. Однако он также указывал, что редко встречал мужчин, полностью использующих это право. Чаще всего казахи имели двух жен, а бедняки – только одну [15]. Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что многоженство не было широко распространено среди казахов, особенно после присоединения Казахстана к России.

Стоит отметить, что в исключительных случаях казахские женщины прибегали к использованию российских законов для защиты своего права на свободный выбор мужа. После проведения реформ 1867-1868 годов, российское законодательство начало действовать на территории Казахстана, предоставляя женщинам новые юридические механизмы защиты своих прав. В случаях, когда женщины подвергались противоправным действиям, в частности выдаче замуж без их согласия, они имели возможность обращаться с жалобами к генерал-губернатору [20]. Этот факт свидетельствовал о начале процесса интеграции российской правовой системы в жизнь казахского населения и об усилении роли имперской власти в регулировании личных и семейных отношений в казахском обществе.

Впоследствии, в советский период при описании истории Казахстана, записки российских исследователей XIX в. способствовали созданию исторической канвы, на которой были отображены ключевые события, культурные и социальные аспекты жизни казахского общества того времени. Однако интерпретация исторического развития казахского общества на основе этих трудов, несомненно, требовала критического подхода, так как в них не был учтен контекст времени. По нашему мнению, наблюдения, представленные исследователями, не отражали в полной мере сложность и многообразие жизни женщин в казахском обществе. Акцент на негативном восприятии обязанностей женщин и их роли в домашнем хозяйстве не учитывал культурные и социальные нормы в казахском обществе того времени. Тем не менее в дальнейшем время, после присоединения Казахстана к России, и в советский период, при отсутствии собственно казахских письменных свидетельств, труды российских путешественников и исследователей XIX в. заняли центральное место среди источников, освещающих историю Казахстана дореволюционного периода [1] и именно эта интерпретация легла в основу гендерной политики в последующее время. А женщины стали рассматриваться как ключевой фактор в изменении социокультурных установок в казахском обществе и обеспечении контроля над населением.

Состояние гендерного равенства и положение женщин в советский период. Как указывается в предшествующем разделе, работы российских этнографов о характеристиках патриархального воспитания казахских женщин способствовали формированию заблуждения о якобы крайнем бесправии и рабском статусе женщин в казахском обществе. Эта концепция была зафиксирована в письменных исторических источниках Казахстана в начале советской эпохи. В результате последующий анализ гендерных вопросов в контексте истории казахского общества производился исключительно с учетом этих первоначальных представлений.

В следующем историческом периоде одними из главных шагов нового правительства - Советской власти, были действия по установлению гендерного равенства в Казахстане. Были провозглашены декреты об отмене калыма (**калым** – выкуп за невесту, выражавшийся в уплате определённого количества скота, денег и других материальных ценностей. Выплачивался родителям невесты при сватовстве – Г.А.), об установлении равноправия, которые законодательно расширили права казахских женщин.

С сентября 1919 г. Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков) начал создавать партийные комитеты по работе среди женщин [21], работа отделов которого - «женсоветов», была направлена на активизацию деятельности женщин в борьбе за свои права и участия в строительстве социализма.

Таким образом, в начале XX века произошло значительное изменение социального статуса казахских женщин. Осуществленные правовые реформы направлялись на освобождение женщин от устоев патриархальных традиций и обеспечение их равноправия с мужчинами. Этот процесс ознаменовал собой важный этап в развитии гендерных отношений в казахском обществе, открывая женщинам новые возможности для участия в общественной, политической и экономической жизни страны.

В этот период начался процесс формирования нового образа казахской женщины. Характерным для этого времени стало появление литературных героинь, которые в художественных произведениях казахских писателей советской эпохи отражали образ женщин, «осознавших полноту свободы», предоставленной им советской властью [22]. Эти литературные образы не только знаменовали новую эру в казахской литературе, но и активно способствовали формированию в сознании советских казашек представления о ключевой роли советской власти в их эмансипации и освобождении от патриархальных устоев. По сути, стали символом новой социальной идентичности женщин в казахском обществе.

Однако, по нашему мнению, в этот период политика советской власти была направлена не столько на установление гендерного равенства в казахском обществе, а скорее на ускорение советизации в республике, разрушение традиционных устоев и русификацию. Как отмечалось ранее, «освобожденные» женщины должны были стать помощниками в достижении этих целей.

На протяжении почти всего XX века положение женщин в казахстанском советском обществе только укреплялось. Гендерная политика, направленная на активное продвижение женщин и установление равноправия и де-юре, и де-факто, давала свои результаты. Женщины реализовывали свой потенциал во всех сферах жизнедеятельности. Они трудились и в сфере науки, и техники, и инженерии, и геологии, и на руководящих должностях. Среди высокообразованных граждан 62% составляли женщины и только 38% - мужчины. Женщины составляли более 50% трудоспособного населения [9, С.47-48].

Они плодотворно работали и достигали успехов во всех сферах, которые традиционно считались «мужскими». Женщины-директора совхозов, женщины-механизаторы, женщины-шахтеры, женщины-строители, женщины-экономисты и т.д. стали обыденным явлением, символизируя разрушение стереотипов о гендерных ролях в профессиональной сфере. Этот процесс способствовал не только увеличению трудовых ресурсов, но и социальному прогрессу, демонстрируя равенство возможностей для всех членов общества. Расширение горизонтов для женщин в профессиональной сфере оказало значительное влияние на общественное мнение, изменяя традиционные представления о роли женщины в обществе и доказывая, что гендерные различия не являются препятствием для профессионального развития и достижения успеха в любой области.

«Женсоветы», организации, призванные поддерживать и развивать роль женщин в обществе, продолжали свою деятельность на протяжении всего советского периода. К 1970-м годам XX века их количество достигло 4250. В их работе было задействовано около 28,5 тысяч женщин [9, С.48]. Женсоветы активно способствовали продвижению женщин в общественно-политической сфере. Их деятельность охватывала широкий спектр задач, включая улучшение условий труда женщин, повышение их образовательного и профессионального уровня, а также участие в решении социальных и культурных вопросов. Женсоветы играли ключевую роль в интеграции женщин в политическую жизнь страны, внося вклад в развитие гендерного равенства и укрепление социальной справедливости в советском обществе.

Таким образом, в советскую эпоху, благодаря успешно реализованной гендерной политике в Казахстане, был достигнут значительный прогресс в обеспечении гендерного равенства. Практически в каждой сфере деятельности наблюдалось активное участие женщин. Они не только вовлекались в общественно-политическую жизнь государства, но также были широко представлены в производственной, культурной и образовательной сферах.

Эта политика привела к существенным изменениям в положении женщин в обществе. Она не только предоставила женщинам доступ ко всем областям профессиональной деятельности, но и способствовала фактическому достижению гендерного равноправия.

Состояние гендерного равенства и положение женщин в современном Казахстане. Выход из состава Советского союза и обретение Казахстаном независимости в 1991 г. ознаменовало собой начало нового периода в истории страны. Политические и социально-экономические изменения кардинально изменили жизнь казахстанских женщин. Особенно тяжело сказался на положении женщин экономический кризис начала 1990-х гг. Ухудшающееся экономическое положение в стране, характеризовавшееся такими негативными явлениями, как нарастающий дефицит на потребительском рынке, рост цен, снижение реальных доходов населения, безработица, привели к еще большему усугублению социального положения. Социальная сфера, существовавшая за счет налоговых поступлений, столкнулась с острым финансовым дефицитом.

В это время начал наблюдаться процесс обеднения значительных слоев населения. Это касалось не только лиц, оказавшихся без государственной поддержки, но и тех, кто имел постоянную работу. Одним из ключевых негативных аспектов этого времени была задержка выплаты заработной платы. Многомесячные задержки в выплате зарплаты приводили к усилению финансовых трудностей среди работающего населения, усугубляя общую экономическую ситуацию и увеличивая уровень бедности в стране.

Кризис, охвативший государство, неизбежно привел к возникновению финансовых трудностей в каждой казахстанской семье. В условиях усугубляющейся экономической нестабильности, на женщин легла особая ответственность. В эти сложные времена перед ними встала задача мобилизации своих сил и возможностей для поддержания благополучия своих семей.

В этот период женщины во многих семьях приняли на себя роль «добытчика», что стало значительным отступлением от традиционных гендерных ролей [23]. В условиях обострения экономического кризиса, женщины в Казахстане, стремясь обеспечить свои семьи, начали активно заниматься мелкой торговлей. Этот шаг, предпринятый из-за острой необходимости в материальном обеспечении детей и семьи, непреднамеренно привел к тому, что женщины стали ключевым звеном в развитии малого предпринимательства в стране.

Данный переход к предпринимательской деятельности был обусловлен вескими причинами. Перед женщинами стояла задача не только обеспечения семьи, но и поддержания ее стабильности в сложные времена. Материнский инстинкт и стремление к финансовой независимости способствовали тому, что многие из них смогли успешно адаптироваться к новым экономическим условиям.

Как показала последующая практика, эти действия женщин оказали неоценимый вклад в экономику страны. Они не только спасли от экономической катастрофы сотни и тысячи семей, но и заложили основы для развития малого предпринимательства [23].

В дальнейшие годы деловая активность женщин только усилило их присутствие в секторе малого и среднего бизнеса и продемонстрировало их предпринимательский потенциал и возможности [24]. Кроме этого, предпринимательство стало самым перспективным способом решения проблемы безработицы среди женщин на всем протяжении 1990-начале 2000-х годов.

Тем не менее, несмотря на значительный рост экономической активности женщин, это не привело к радикальному изменению их общественного положения. В государственной и общественной сферах женщины продолжали занимать более низкие позиции по сравнению с мужчинами. Этот феномен отражал глубоко укоренившиеся гендерные стереотипы и неравенство, которые продолжали существовать в обществе, несмотря на формальное равенство полов, провозглашенное на законодательном уровне.

Участие Казахстана в IV Всемирной конференции по проблемам женщин, проведенной под эгидой ООН в Пекине в 1995 году, оказало значительное влияние на политику страны в области гендерного равенства. Это событие стало ключевым детерминантом в формировании первого опыта республики в привлечении женщин к общественно-политической жизни страны.

Принятие международных обязательств по обеспечению и расширению прав и возможностей женщин, согласно итогам конференции, стимулировало Казахстан к принятию решительных мер в этом направлении. Это означало необходимость внедрения политик и мер, направленных на устранение гендерного неравенства и продвижение равноправия в различных сферах жизни.

Формально осуществление плана по формированию гендерного баланса в республике началось в 1995 г. с создания Президентом страны Н.А. Назарбаевым Совета по проблемам семьи, женщин и демографической политике, который в 1998 г. был преобразован в Национальную комиссию по делам семьи и женщин (далее - Комиссия). В 1999 г. Комиссией, при содействии неправительственной организации Феминистская Лига, был проведен комплексный анализ положения женщин в Казахстане и проводимой в их (женщин) отношении государственной политики.

Исследование выявило ряд значительных проблем в этой области. Так, составляя основную часть электората – 53% [25], женщины представляли абсолютное меньшинство в составе политической элиты государства [9, С.68].

Несмотря на то, что женщинам был обеспечен равный с мужчинами доступ к государственной службе, фактически основная их часть – 54% - трудилась в качестве рядовых административных служащих [9, С.69]. Как отмечалось в докладе Комиссии, «на фоне явного преобладания среди специалистов с высшим специальным образованием (среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщины составляли 62%), женщин были сосредоточены, в основном, в нижних эшелонах управления» [26].

При таких условиях основная масса женского населения концентрировалась в определенных секторах экономики, традиционно воспринимаемых как «женские» области деятельности. К таким сферам относятся образование, здравоохранение и социальное обслуживание. В этих секторах женщины составляли более 70% работников [27].

Здесь, вне пределов политической арены, где гендерные барьеры могут быть менее выражены, женщины Казахстана обладали возможностью развития карьеры и достижения руководящих позиций. Как правило, на районном и областном уровнях в сфере образования женщины возглавляли учебные заведения, в сфере медицины заведовали поликлиниками, лабораториями. В этих секторах численность женщин-руководителей всегда составляла большинство. Однако, если речь шла о руководстве высшим учебным заведением, то тут предпочтение тоже отдавалось мужчинам. К примеру, в 1999 г. из 51 государственного высшего учебного заведения только в двух ректорами были женщины [26].

Значительно больше было женщин на руководящих должностях в профсоюзах, неправительственных организациях, занимающихся социальными проблемами. Но меньше всего было женщин-руководителей в таких областях, как искусство, культура, средства массовой информации, хотя и в этих сферах рядовых работников-женщин было большинство [26].

В конце 1990-х гг. Национальная комиссия по делам женщин, получив более широкие права и полномочия, в целях разрешения проблемы негласного дискриминационного отношения к женщинам начала предпринимать активные действия в выработке наиболее эффективных мер по улучшению положения женщин в стране и по обеспечению их необходимыми условиями для участия в политической, экономической и культурной жизни страны. Результатом первого года работы стала разработка важнейшего документа - Национального плана действий по улучшению положения женщин в Республике Казахстан, который был утвержден постановлением Правительства в 1999 г. [26].

Национальный план включал 12 приоритетов, определенных 4-ой Всемирной конференцией 1995 г. «Стратегической целью» плана было создание условий и разработка действенных механизмов для повышения активности и роли женщин в общественно-политической жизни страны [26].

Разработка Комиссией Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан (далее - Стратегия), реализация которой началась только через 10 лет после знаковой Пекинской конференции, стала следующим шагом в решении проблемы гендерного дисбаланса в казахстанском обществе [28].

Реализация Стратегии была запланирована на 2006-2016 гг. Она была нацелена на «обеспечение реального равенства прав и возможностей мужчин и женщин» в стране. «Ожидаемыми результатами» Стратегии должны были стать гендерная «чувствительность» государственных служащих и руководителей всех уровней, равное участие женщин во всех процессах социального развития и т.д. [3].

Параллельно со Стратегией, с 2009 г. был введен в действие Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», по которому осуществлялась регуляция общественных отношений, касающихся создания условий для гендерного равенства во всех сферах государственной и общественной жизни [29]. Так, в период с конца 1990-х гг. и до конца первого десятилетия 2000-х гг. в Казахстане были созданы необходимые нормативно-правовые условия для установления в обществе гендерного равенства.

Результативность принимаемых государственных мер начала наблюдаться в течение второго десятилетия 2000-х гг. В частности, наметились первые положительные тенденции в вопросе вовлечения женщин в систему государственного управления. Стал наблюдаться постепенный рост числа женщин в государственных органах разных уровней. Увеличилась численность женщин среди политических государственных служащих. Если в 2015 г. их было 39, то в 2018 г. стало 43. В течение 2015–2018 гг. женщины составили 55% рядовых государственных служащих. В составе Мажилиса почти 30% составляли женщины (29 депутатов из 107). В Сенате Парламента три комитета из шести возглавили женщины-сенаторы [9, С. 69]. Если сравнить приведенную статистику с ситуацией, имевшей место десятилетие назад, то были наглядны позитивные изменения в решении проблемы гендерного равенства в системе государственного управления. Хотя, если учесть общее соотношение мужчин и женщин в органах государственной власти и численность женщин в республике вообще [30], то доля женщин, участвующих в решении важных государственных вопросов, в том числе касающихся самих женщин, являлась все еще небольшой.

Примечательно, что в эти годы, не имея реального «допуска» в систему политического государственного управления, женщины активно продвигались в экономической сфере деятельности. В этой сфере были созданы относительно благоприятные условия для самореализации женщин. В результате, в течение короткого времени бизнес в Казахстане обрел «женское лицо» [23].

Однако, в Казахстане по сегодняшний день практически нет женщин, которые бы руководили крупным бизнесом. Женщины во главе крупных предприятий – явление исключительно редкое, хотя создание условий и инвестирование в женское предпринимательство могло бы открыть широкие возможности для раскрытия потенциала казахстанских business-women. В мировой практике уже существуют примеры, когда женщины являются руководителями крупного бизнеса. К примеру, в США «женщины все более активно действуют в таких нетрадиционных для них секторах, как строительство, обрабатывающая промышленность, агробизнес и транспорт» [23]. В Казахстане для женского предпринимательства характерна отраслевая специфика – наличие традиционно феминизированных отраслей, когда женщины чаще всего занимаются бизнесом в таких сферах, как торговля, услуги, общественное питание, гостиничное хозяйство и т.п.

Таким образом, краткий анализ условий, создаваемых для установления гендерного равенства в казахстанском обществе в современный период, позволил сделать несколько выводов: 1) принимаемые государственные меры были действенны в решении гендерных вопросов в системе государственного управления. Однако, несмотря на эти позитивные

изменения, доля женщин в решении ключевых государственных вопросов оставалась относительно небольшой. Это подчеркивает, что, хотя был достигнут определенный прогресс, проблема гендерного равенства в государственном управлении все еще требовала дальнейшего развития и улучшения; 2) несмотря на их ограниченное участие в системе политического государственного управления в рассматриваемое время в Казахстане отмечается значительный прогресс женщин в экономической сфере. Создание благоприятных условий для самореализации женщин в экономике привело к быстрому возрастанию их роли в бизнесе, придав ему «женское лицо». Это указывает на успешную адаптацию и интеграцию женщин в бизнес-среду, хотя их присутствие в руководстве крупного бизнеса все еще остается минимальным - женское предпринимательство часто ограничивается традиционно феминизированными отраслями, такими как торговля, услуги и гостиничный бизнес; 3) несмотря на создание государственного органа по решению проблем женщин, принятие Стратегии гендерного равенства, закона, гендерный баланс в стране до сих пор не установлен. Де-юре построение казахстанского общества происходит с учетом гендерного подхода, и законных барьеров для равноправного участия женщин в политической или экономической жизни государства нет. Тем не менее «женское лицо» в стране имеет лишь социальная сфера деятельности и сфера малого бизнеса.

ОБСУЖДЕНИЕ

История Казахстана по большей части представляет собой событийную историю. Эта особенность обуславливает ограниченность исследований в области гендерных вопросов в казахстанской исторической науке. Поэтому проведение анализа гендерных аспектов в казахском обществе сталкивается с трудностью формирования источниковой базы для исследования.

Реконструкция гендерной динамики требует тщательного извлечения соответствующей информации из доступных источников, охватывающих различные этапы исторического развития. При работе над темой основными источниками для исследования вопросов гендерного равенства послужили труды дореволюционных российских авторов Н. Коншин [14], Б.Юзефович [15], Ш.М.Ибрагимова [16]. В их работах, через призму описаний повседневной жизни казахского общества, прослеживается положение женщин в семейной и социокультурной структуре. Эти источники предоставляют возможность анализа роли и статуса женщин в традиционной казахской среде, а также выявления динамики изменений в гендерных отношениях изучаемого времени.

В данном контексте труды дореволюционных российских авторов представляют собой исключительные источники, поскольку сведения об истории Казахстана в период до его присоединения к России, в значительной степени, представлены устными источниками. В связи с этим, реконструкция истории Казахстана дореволюционного периода преимущественно осуществляется на основе трудов исследователей XVIII-XIX веков. До 1990-х гг. эти труды были основополагающими при изучении событий и тенденций того времени.

Даже в современный период в источниках и трудах по истории Казахстана не часто встречаются упоминания о роли женщин в истории народа и государства. В «написанной» истории упоминаются имена всего лишь около 2-х десятков женщин, которые по тем или иным обстоятельствам оказались в гуще исторических событий и просто не могли не войти в историю благодаря своему происхождению, выдающимся качествам или талантам.

Тем не менее, по нашему мнению, это обстоятельство не свидетельствует о реальном «отсутствии» роли женщин в процессе исторического развития казахского общества и государства. Главной причиной, по которой женщины оказались «за кадром» истории, является существование субъективного взгляда в казахстанской науке, основанного на неприятии возможности признания женщин как важных фигур в истории Казахстана.

Отсутствие альтернативных письменных источников об истории гендерных отношений в казахском обществе привело к тому, что в советскую эпоху суждение о фактическом положении женщин в казахском обществе сложилось на основе описаний в записках русских путешественников и этнографов. В них женщина представляла в образе абсолютно бесправного и безвольного существа, основная задача которой заключалась лишь в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей [14;15;16]. Узкое восприятие гендерных отношений в казахской семье способствовало формированию представления о гендерном неравенстве, что в дальнейшем стало основой для гендерной политики, реализованной в Казахстане в советский период.

В период установления Советской власти в Казахстане в первой четверти XX в. активно муссировалась тема женского бесправия. Женщины были избраны Советами в качестве орудия борьбы с патриархальным казахским обществом. Внося разброд и разногласия в казахских семьях и в обществе, внушая женщинам мысли о существовании и необходимости разрешения социогендерных проблем, советская Россия распространяла социализм в казахском крае.

Художественные произведения советского времени, через которые продвигались идеи о гендерном неравенстве в казахском обществе, еще более укрепили в сознании народа положение о крайнем бесправии женщин [22].

Однако в современный период в среде учёных, занимающихся изучением социальной истории, часть исследователей начала ставить под сомнение, это положение. Согласно их исследованиям, в традиционном казахском обществе женщина была очень уважаема и почитаема. И социальное положение женщин в казахском обществе не было настолько удручающим, как представляли дореволюционные российские исследователи [10;11;31].

Существование правовой защиты женщин подтверждали тексты «Жеті жарғы» - законов казахского хана Тауке, правившего в Казахском ханстве в начале XVIII в. [32, С.208]. Основные нормы этого закона в качестве норм обычного права применялись казахами накануне и во время присоединения Казахстана к России. А в XIX в. биями (би – должность судьи в традиционном казахском обществе), на основе уже существовавших норм в отношении регулирования вопросов, связанных с правами женщин, были определены основные гражданские права женщин [32, С.208].

В конце XIX в. в казахском крае были открыты школы для девочек [33], что свидетельствовало о признании важности образования для женщин в этот период.

Произведения фольклора, такие как легенды, поэмы, пословицы, поговорки, обрядовые песни, представляющие культурное наследие народа, также подтверждали глубокое уважение к женщинам и почитание их как матерей.

Тем не менее, в течение всего советского периода в истории Казахстана, в республике целенаправленно осуществлялась государственная политика по устранению гендерного дисбаланса, которая достигла своего апогея, и в результате в последние десятилетия существования Советского Союза женщины в Казахстане были представлены во всех сферах трудовой деятельности [9, С.48].

После выхода республики из состава Советского Союза в стране наступил экономический кризис, который привёл к массовой безработице и разрушению установившегося ранее гендерного баланса. Однако дальнейшее игнорирование растущей гендерной диспропорции в различных сферах деятельности, особенно в сфере государственного управления, было невозможным.

В частности, установление гендерного баланса было одним из ключевых условий вовлечения Казахстана в деятельность международных организаций. Это стало стимулом для усиления внимания в последние десятилетия к вопросам гендерной дискриминации, стереотипов, исследованию гендерных отношений, а также проблемам, связанным с гендерным равенством и участием женщин в политической и экономической жизни. К примеру, 19 января 1994 г. Казахстан стал первой центральноазиатской страной, ставшей членом Азиатского банка развития. Членство в организации было высоким достижением

страны для этого периода своей истории. Однако членство предполагало неукоснительное выполнение определённых обязательств, одним из которых была разработка и принятие всеобъемлющей гендерной политики, которая будет включать в себя цели, меры и механизмы по достижению гендерного равенства в стране [4].

Еще одними из детерминантов обращения к проблеме гендерного неравенства стали участие Казахстана в 1995 году в IV Всемирной конференции по вопросам женщин в Пекине, а также рекомендация на 23-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН правительствам стран-членов ООН принять меры для обеспечения женщинам «равного доступа и полноценного участия во всех областях и на всех уровнях жизни, особенно на руководящих должностях, в политических партиях и политической деятельности, во всех министерствах и ключевых учреждениях, принимающих решения, а также в местных органах власти» [34].

С этого момента вопросы гендерного неравенства в стране приобретают особую актуальность, и наблюдаются усилия по решению накопившихся проблем в данной сфере. Казахстан стремится обеспечить женщинам равные возможности для участия в политической и экономической деятельности [1]. Активно проводятся гендерные исследования, направленные на выявление сфер, где гендерное неравенство ярко выражено и присутствуют факты дискриминации по половому признаку.

При этом, необходимо отметить, что в стране существует противоречивое отношение к вопросам установления гендерного равенства. В частности, авторы отмечают, что «в последнее время стало принято настаивать на преимуществе национального способа организации гендерных отношений в интересах возрождения традиций, определения национальной и культурной идентичности казахского народа». В рамках этой идеологии идет мифологизация и поэтизация золотого века казахской истории, во время которой роль обычных женщин в казахском обществе была незаметной, вторичной, а деятельность носила лишь обслуживающий характер [12].

Наличие такого отношения к женщинам действительно отмечаются в повседневной жизни женщин. Исследования вопросов частного гендерного равенства частично подтверждают эту теорию [16].

Таким образом, проведённый краткий историографический анализ использованных в работе трудов, демонстрирует, что вопросы гендерного равенства в республике, исторические предпосылки его формирования являются все ещё актуальными. По нашему мнению, этот процесс тормозит противоречивое отношение общества к необходимости его установления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изучение гендерных проблем и положения женщин на различных исторических этапах развития Казахстана на основе анализа источников, использованных в работе, показало, что в истории Казахстана зафиксировалось представление о гендерном дисбалансе и рабском положении женщин в период существования традиционного казахского общества. Основным фактором формирования этого гендерного стереотипа и основой для дальнейшего его использования в идеологических целях в последующем – советском периоде послужили записки и труды российских путешественников и исследователей Казахстана XIX в., в которых социальное положение женщин было описано лишь с негативной точки зрения.

В 1990-е годы, несмотря на переход к новому демократическому пути развития, в стране не удалось разрушить гендерные стереотипы в отношении женщин. В современном казахстанском обществе до сих пор сохраняется отношение к женщинам, основанное на ошибочных стереотипах, сформировавшихся в прошлых столетиях. Эти стереотипы заключаются в восприятии женщины исключительно как хранительницы домашнего очага, что серьёзно препятствует установлению гендерного равновесия и вовлечению женщин во все сферы трудовой деятельности, особенно в сферу государственного управления.

Примечательно, что социальная сфера, в которой сосредоточена деятельность основной части казахстанских женщин в современный период, всегда была и остается исконно

«женской». Деятельность в этой сфере соответствует стереотипным представлениям о роли женщин в семье и обществе, согласно которым ее место – у домашнего очага, а обязанности – это воспитание детей и забота о здоровье членов семьи.

Без полного разрушения этого стереотипного мышления попытки установления гендерной гармонии в Казахстане бесперспективны. Хотя ясно, что прогресс в области гендерного равенства может существенно способствовать социально-экономическому и политическому развитию Казахстана и усилению имиджа страны на международной арене.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования молодых учёных по проекту «Жас галым» на 2022–2024 годы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР13268739 «Повседневная жизнь женщин Казахстана (1991-2021 гг.): исторический экскурс, динамика изменений и перспективы (на материале областей Северного Казахстана)».

Литература:

1 Khairullayeva V., Sarybayev M., Kuzembayeva A., Yermekbayev A., Baikushikova G. *Gender Policy in Kazakhstan. Journal of International Women's Studies. Vol.24. (1), Article 25. P. 1* // URL: https://vc.bridgew.edu/jiws/vol24/iss1/25?utm_source=vc.bridgew.edu%2Fjiws%2Fvol24%2Fiss1%2F25&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (дата обращения: 13.10.2023).

2 Архив президента Республики Казахстана (АПРК). Ф. 5Н. Оп. 6/1. Д. 1322. Л. 86-106

3 Об утверждении Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 29 ноября 2005 года N 1677// «Казахстанская правда». 3 декабря 2005 г. №333–334.

4 *Kazakhstan Country Gender Assessment.* – Asian Development bank, 2018.

5 Sharlene Nagy Hesse-Biber, Gregg Lee Carter. *Working women in America: split dreams.* - 2nd ed. – New-York: Oxford University Press, 2005. – 300 p.

6 Nicholas D. Kristof and Sheryl WuDunn. *Half the Sky: Turning Oppression into Opportunity for Women Worldwide.* – New-York: Knopf, 2009. – 294 p.

7 Sheryl Sandberg. *Lean In: Women, Work, and the Will to Lead.* – New-York: Alfred A. Knopf, 2013. - P. 247.

8 Judith Butler. *Gender Trouble.* Routledge Classics. – New York-London, 2006. – 272 p.

9 Абдыкулова Г. Повседневная жизнь женщин города Нур-Султан (1991-2019 гг.). Дис. ... д-ра философии (PhD). Евразийский нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева.. – Нур-Султан, 2021. – 195 с.

10 Мусабалина Г.Т. Женица в традиционной казахской семье в XVIII-XIX вв.: исторический аспект. // Қазақ хандығы тұсындағы ханымдар мен арулар: халық. гыл. тәжіриб. конф. матер. – Астана: Форма Плюс баспасы, 2015. – 304 с.

11 Абдыкулова Г. Положение женщины в казахском обществе // «Алаш мұраты және рухани жаңғыру: тағзым мен тағылым» атты Алаштың 100 жылдығына арналған республикалық семинар материалдары. – Астана, 2018.– 231 с.

12 Sabitova A.K. *Gender Studies in Central Asia, Kazakhstan Case. The Journal of World Women Studies.* – 2018. – Vol. 3, Issue 1. – P. 21-22.

13 Maxim Kan. *Are gender attitudes and gender division of housework and childcare related to fertility intentions in Kazakhstan?* // *Genus. Journal of Population Sciences.*– 2023. – №21.

14 Кошкин Н. Труды по казахской этнографии. 2-е изд. доп. – Астана: «Алтын кітап», 2007. – 110 с.

15 Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // *Этнографические заметки.* (Библиотека казахской этнографии, т. 34). – Павлодар: НППФ «ЭКО», 2006. – 262 с.

16 Ибрагимов Ш. М. Очерки быта казахов. 2-е изд. доп. – Астана: «Алтын кітап», 2007. – 148 с.

17 Zhanar Abdikadyrova *The Role of Women in Kazakh Nomadic Society* // URL: <https://www.semanticscholar.org/author/Zhanar-Abdikadyrova/2104766181> (дата обращения: 13.10.2023).

18 *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication - TOJDAC* ISSN: 2146-5193, September 2018 Special Edition, p. 2404-2419.

19 Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX-начале XX в.). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. А., 2004. – 169 с.

20 О провах женщин // Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). –Ф.64. –Оп.1. –Д.634. –Л.1-2

21 Доклад о Создании партийные комитеты по работе среди женщин // Центральный государственный архив РК. – Ф. 30. – Оп. 18. – Д 23. Л. 6

22 Майлин Б. Ж. Коммунистка Раушан: рассказы / Б. Ж. Майлин; пер. с казах. - Алма-Ата; М.: Казахстанское краевое изд-во, 1935. – 136 с.

23 Абдыкулова Г. Развитие женского предпринимательства в современном Казахстане // Южный Урал: история, историография, источники. Вып 8. / отв. Ред. Р.Г. Буканова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – 148 с.

24 *Kazakhstan Country Gender Assessment*. Asian Development bank, 2018.

25 Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. – Астана: Агентство РК по статистике, – 1999. – 210 с.

26 Стратегический план по повышению активности и роли женщин в общественно-политической жизни // Государственный архив Северо-Казахстанской области. –Ф. 669. – Оп.1. –Д 581. – Л. 71.

27 Buribayev Y.A., Khamzina Z.A. Gender equality in employment: The experience of Kazakhstan // *International Journal of Discrimination and the Law*. – 2019. – Vol. 19. Iss. 2.

28 Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 54. Оп.1пр. Д 501. Л. 73

29 О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Закон Республики Казахстан от 8 декабря 2009 года № 223-IV // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000223> (дата обращения: 10.01.2024).

30 Қазақстанның әйелдері мен ерлері. 2011-2015. Статистикалық жинақ. – Астана, 2016. – 136 б.

31 Кундакбаева Ж. Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920-1930 годы: монография. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2017. – 350 с.

32 Қазақ әдет-ғұрып құқығының материалдары. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 208 с.

33 Алтынсарин И. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1978. – 352 с.

34 *General Assembly, 2000* // URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2FS-24%2F2&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения: 10.01.2024).

References:

1 Khairullayeva V., Sarybayev M., Kuzembayeva A., Yermekbayev A., Baikushikova G. Gender Policy in Kazakhstan // *Journal of International Women's Studies*. – Vol.24. (1), Article 25. – P. 1. // URL: https://vc.bridgew.edu/jiws/vol24/iss1/25?utm_source=vc.bridgew.edu%2Fjiws%2Fvol24%2Fiss1%2F25&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (data obrashcheniya: 13.10.2023).

2 Архив президента Республики Казахстан (APRK). Ф. 5N. Оп. 6/1. Д. 1322. Л. 86-106

3 Ob utverzhdenii Strategii gendernogo ravenstva v Respublike Kazahstan na 2006-2016 gody. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 29 noyabrya 2005 goda N 1677// «Kazahstanskaya pravda». 3 dekabrya 2005 g. №333–334.

4 *Kazakhstan Country Gender Assessment*. – Asian Development bank, 2018.

5 Sharlene Nagy Hesse-Biber, Gregg Lee Carter. Working women in America: split dreams. - 2-nd ed. – New-York: Oxford University Press, 2005. – 300 p.

6 Nicholas D. Kristof and Sheryl WuDunn. Half the Sky: Turning Oppression into Opportunity for Women Worldwide. – New-York: Knopf, 2009. – 294 p.

7 Sheryl Sandberg. Lean In: Women, Work, and the Will to Lead. – New-York: Alfred A. Knopf, 2013. - P. 247.

8 Judith Butler. *Gender Trouble*. Routledge Classics. – New York-London, 2006. – 272 p.

9 Abdykulova G. *Povsednevnyaya zhizn' zhenshchin goroda Nur-Sultan (1991-2019 gg.)*. Dis. ... d-ra filosofii (PhD). *Evrazijskij nac. un-t im. L. N. Gumileva.* – Nur-Sultan, 2021. – 195 s.

10 Musabalina G.T. *Zhenshchina v tradicionnoj kazahskoj sem'e v XVIII-XIX vv.: istoricheskij aspekt*. // *Kazaq handyzy tısyndazy hanymdar men arular: halyq. zyl.-tazhirib. konf. mater.* – Astana: Forma Plyus baspasy, 2015. – 304 s.

11 Abdykulova G. *Polozhenie zhenshchiny v kazahskom obshchestve* // «Alash muraty zhane ruhani zhangyru: tagzym men tagylym» atty Alashtyn 100 zhyldygyna arnalgan respublikalyk seminar materialdary. - Astana, 2018. - 231 s.

12 Sabitova A.K. *Gender Studies in Central Asia, Kazakhstan Case*. *The Journal of World Women Studies*. – 2018. – Vol. 3, Issue 1. – P. 21-22.

13 Maxim Kan. *Are gender attitudes and gender division of housework and childcare related to fertility intentions in Kazakhstan?* *Genus. Journal of Population Sciences*. – 2023. – №21.

14 Konshin N. *Trudy po kazahskoj etnografii*. 2-e izd. dop. – Astana: «Altyn kitap», 2007. – 110 s.

15 Yuzefovich B. *O byte kirgizov Turgajskoj oblasti* // *Etnograficheskie zametki*. (Biblioteka kazahskoj etnografii, t. 34). – Pavlodar: NPF «EKO», 2006. – 262 s.

16 Ibragimov Sh. M. *Ocherki byta kazahov*. 2-e izd. dop. – Astana: «Altyn kitap», 2007. – 148 s.

17 Zhanar Abdikadyrova *The Role of Women in Kazakh Nomadic Society* // URL: <https://www.semanticscholar.org/author/Zhanar-Abdikadyrova/2104766181> (data obrashcheniya: 13.10.2023).

18 *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication - TOJDAC* ISSN: 2146-5193, September 2018 Special Edition, p. 2404-2419.

19 Rahimbekova A.K. *Rol' imperskogo faktora v transformacii kazahskogo obshchestva (XIX-nachale XX v.)*. Diss. na soisk. uch. st. k.i.n. A., 2004. – 169 s.

20 *O provah zhenshchin* // *Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK)*. – F.64. – Op.1. – D.634. – L.1-2

21 *Spravka o Sozdanie partijnye komitety po rabote sredi zhenshchin* // *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv RK*. – F. 30. – Op. 18. – D 23. L. 6

22 Majlin B. *Zh. Kommunistka Raushan: rasskazy* / B. Zh. Majlin; per. s kazah. - Alma-Ata; M.: Kazahstanskoe kraevoe izd-vo, 1935. – 136 s.

23 Abdykulova G. *Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva v sovremennom Kazahstane* // *Yuzhnyj Ural: istoriya, istoriografiya, istochniki*. Vyp 8. / otv. Red. R.G. Bukanova. – Ufa: RIC BashGU, 2018. – 148 s.

24 *Kazakhstan Country Gender Assessment*. Asian Development bank, 2018.

25 *Kratkie itogi perepisi naseleniya 1999 goda v Respublike Kazahstan*. – Astana: Agentstvo RK po statistike, 1999. – 210 s.

26 *Strategicheskij plan po povysheniyu aktivnosti i roli zhenshchin v obshchestvenno-politicheskoj zhizni*// *Gosudarstvennyj arhiv Severo-Kazahstanskoj oblasti*. –F. 669. –Op.1. –D 581. – L. 71

27 Buribayev Y.A., Khamzina Z.A. *Gender equality in employment: The experience of Kazakhstan*. *International Journal of Discrimination and the Law*. – 2019. – Vol. 19. Iss. 2.

28 *Nacional'nyj arhiv Respubliki Kazahstan*. F. 54. Op.1pr. D 501. L. 7329

29 *O gosudarstvennyh garantiyah ravnyh prav i ravnyh vozmozhnostej muzhchin i zhenshchin. Zakon Respubliki Kazahstan ot 8 dekabrya 2009 goda № 223-IV* // URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000223_ (data obrashcheniya: 10.01.2024).

30 *Kazakstannyn ajelderı men erlerı. 2011-2015. Statistikalık zhinak*. Astana, 2016. – 136 b.

31 Kundakbaeva Zh. *Modernizaciya rannej sovetskoj epohi v sud'bah zhenshchin Kazahstana, 1920-1930 gody: monografiya*. Almaty: KazNU im. Al'-Farabi, 2017. – 350 s.

32 *Kazak adet-guryp kuckygyny materialdary*. – Almaty: Zheti zhargy, 1996. – 208 s.

33 Altynsarin I. *Sobranie sochinenij v trekh tomah*. T.3. – Alma-Ata: Nauka Kazahskoj SSR, 1978. – 352 s.

34 *General Assembly, 2000* // URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2FS-24%2F2&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>(data obrashcheniya: 10.01.2024).

ҒТАХР: 04.41.41

10.51889/2959-6270.2024.85.1.003

Г.Б. Қалиева^{1*}, А.Б. Абаган¹, С. Мионг¹
¹ Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы
e-mail: gulden.qali@gmail.com *

ОҢТҮСТІК КОРЕЯДАҒЫ ОРТА АЗИЯЛЫҚ ЗАҢСЫЗ ЕҢБЕК МИГРАНТТАР МӘСЕЛЕСІ

Аңдатпа

2007 жылдан бастап Кореяда Орта Азиядан келген еңбек мигранттарының, оның ішінде заңсыз иммигранттардың саны күрт өсті. Қазақстанды қоспағанда, Өзбекстан мен Қырғызстан азаматтарына Кореяда заңды түрде жұмыс істеуге мүмкіндік беретін EPS (Employment Permit System) бағдарламасы ұсынылды. Корея үкіметі тарапынан ұсынылған ресми еңбек етуге мүмкіндік беретін бағдарламаның барына қарамастан заңсыз иммигранттар саны өсуде. Заңсыз мигранттар арасында тұрақсыз жалақы мен шамадан тыс ауыр, әрі қауіпті еңбекпен айналысуға тәуекел жасауы, медициналық сақтандырудың болмауынан амбулаториялық көмекке жүгінбеуі, еңбек мигранттары құқықтарының бұзылуы сияқты бірқатар себептер бар. Бұл Корея Республикасында заңсыз еңбек етушілер мәселесін әлеуметтік деңгейге дейін көтеріп отыр. Зерттеу нәтижелері аталған мәселелерді шешу үшін мүдделі елдер арасында келісімге немесе институционалдық шараларға жүгіну керек екенін көрсетеді. Әлеуметтік маңызы бар мәселе аталмыш мақалада қарастырылады. Ғылыми жұмысты жазу барысында әлеуметтік желілердегі жаңалықтар негізге алынып, Кореядағы заңсыз жұмыс істейтін Орта Азиялық еңбек мигранттарының сұхбаттары талданды.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Оңтүстік Корея, заңсыз еңбек мигранттар.

G.B. Kaliyeva^{1*}, A.B. Abagan¹, Myong Soon-ok¹
¹ Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

THE PROBLEM OF ILLEGAL LABOR MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN SOUTH KOREA

Abstract

Since 2007, the number of labor migrants, including illegals, from Central Asia has risen sharply in Korea. There is an EPS (Employment Permit System) program that supports people coming from Uzbekistan and Kyrgyzstan, excluding Kazakhstan, to work as legal workers in Korea, but it has not worked suitably. Illegal workers are not only recognized as a social problem in Korea, but they suffer disadvantages in wages and working hours under illegal employment, and violations of their basic rights due to risks to the working environment and difficult access to health care. This study reveals of the problems of illegal labor migrants from Central Asia in South Korea by analyzing media news, articles on social networks, and interviews with Central Asian migrant workers. The results of the study suggest that there should be a urgent need for an agreement or institutional measures between the countries concerned to solve these problems.

Keywords: Central Asia, South Korea, illegal migrant workers.

Калиева Г.Б.^{1*}, Абаган А.Б.¹, Мионг С.¹

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
г. Алматы, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМА НЕЛЕГАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Аннотация

С 2007 года в Корее резко возросло число трудовых мигрантов, в том числе нелегалов, из Центральной Азии. Существует программа EPS (Employment Permit System), которая поддерживает людей, приезжающих из Узбекистана и Кыргызстана, за исключением Казахстана, для работы в качестве легальных работников в Корее, но она не сработала должным образом. Нелегальные работники не только признаны социальной проблемой в Корее, но и страдают от невыгодной заработной платы и продолжительности рабочего дня при нелегальной занятости, а также от нарушений их основных прав из-за рисков для рабочей среды и затрудненного доступа к медицинскому обслуживанию. Таким образом, в этой научной статье были затронуты проблемы нелегальных трудовых мигрантов из Центральной Азии в Южной Корее. В ходе написания научной работы были проанализированы новости, опубликованные в социальных сетях, интервью с центральноазиатскими трудовыми мигрантами, незаконно трудящимися в Корее. Результаты исследования свидетельствуют о том, что должна существовать настоятельная необходимость в соглашении или институциональных мерах между заинтересованными странами для решения этих проблем.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южная Корея, нелегальные трудовые мигранты.

НЕГІЗГІ ЕРЕЖЕЛЕР

Мақалада Орталық Азиядан Оңтүстік Кореяға заңсыз еңбек миграциясы мәселесі қарастырылып, осы құбылыстың әртүрлі аспектілеріне баса назар аударылады. Зерттеудің негізгі мақсаты – заңсыз мигранттардың визалық мәселелерін, медициналық көмекке қолжетімділігін және жалақы деңгейін талдау. Зерттеу сонымен қатар Қырғызстан, Өзбекстан және Тәжікстан азаматтарына ерекше назар аудара отырып, Орталық Азияның әртүрлі елдерінен келген заңсыз мигранттар санының өсу динамикасын, сондай-ақ EPS (Еңбекке рұқсат беру жүйесі) бағдарламасының тиімділігін және оның әсерін зерттейді. Зерттеу әдістемесі заңсыз мигранттармен сұхбат, әлеуметтік желі деректері мен БАҚ жарияланымдарын талдау, сондай-ақ Корея Республикасы Сыртқы істер министрлігімен қатар Еңбек министрлігінің статистикалық деректері мен ресми басылымдары сияқты сапалы әдістерді қолдануды қамтиды. Зерттеу нәтижелері заңсыз көші-қонмен байланысты негізгі проблемаларды анықтауға, сондай-ақ оларды еңсерудің ықтимал шешімдері мен шараларын ұсынуға мүмкіндік береді. Мақаланың талқылауы мен қорытындылары заңсыз көші-қон проблемасын шешу үшін елдер арасындағы ынтымақтастықтың маңыздылығын және еңбек жағдайларын жақсарту және мигранттардың құқықтарын қорғау шараларын әзірлеу қажеттілігін көрсетеді. Орталық Азияның әртүрлі елдерінің азаматтары үшін визалық проблемаларды талдауды, азаматтардың аймақтан Кореяға көшу себептері мен ерекшеліктерін, сондай-ақ визасыз режимнің заңсыз көші-қон динамикасына әсерін қарастыруды қамтиды.

КІРІСПЕ

Корея Республикасының келешектегі жағдайына болжам жасай отыра, елде жұмыссыздар мен еңбекке жарамды халықтың пайыздық көрсеткішінің азаятындығын ILO (International Labor Organization) ғылыми сараптама жасай отырып алға тартты. MOEL (Ministry of

Employment and Labor) Корея Республикасының Еңбек министірлігі құрылыс саласындағы үлкен еңбек тапшылығының барын баяндамасында көрсетіп отыр [1]. Кореяда жұмыс істеуге белсенді халық шамамен 60 пайызды құрап, бұл көрсеткіш корей халқының 25 миллионға жуығы жұмыс істеу керектігін білдіреді. Халықтың жарты пайызы ғана еңбекке жарамды болғандықтан, экономикалық өсімнің пайыздық көрсеткішін сақтау үшін сырттан еңбек күшіне мұқтаждық байқалады. Оңтүстік Корея Республикасына шет елден келіп, еңбек етушілер қатары күн сайын өсті. Әсіресе, заңсыз еңбек мигранттарының ерекше көбеюі Кореядағы әлеуметтік мәселенің ушығуына себеп болып отыр. Оңтүстік Кореяның 2018 жылғы Әділет министрлігінің хабарламасына сәйкес, елдегі заңсыз еңбек мигранттарының саны 355 126 адамды құраған [2]. Бұл көрсеткіште, Тайланд, Қытай, Вьетнам, Моңғолия, Филиппин, Қазақстан, Ресей, Өзбекстан азаматтары көш бастап тұр. Елдегі заңсыз мигранттардың мәселесі тек Кореяның ғана емес, заңсыз еңбек етуге келетін мемлекет азаматтары үшін де әлеуметтік мәселесі ретінде қарастырылады.

Заңды жұмыс істеу құқығын иемдене алмаған мигранттар арасында адам құқықтарының қорғалмауы, әлеуметтік көмекке мұқтаждық, медициналық көмек ала алмау, заңды құқықтарының болмауынан жауапты органдардың көмегіне жүгіне алмау сынды мәселелер туындайды. Бұл еңбек мигранттарының заңды еңбек етуге мүмкіндік беретін бағдарлама мен мемлекеттік тараптың қолдауын қажет ететінін көрсетеді. Қос мемлекет арасында еңбек келісімдерінің орнатылып, жұмыс визасының қажеттілігінің жоғары екендігін дәлелдейді. Медициналық сақтандыру сынды өзге де құжаттарының болмауы себебінен, мигранттар арнайы мемлекеттік көмекке қол жеткізе алмайтындығы жиі кездесетін әлеуметтік мәселенің біріне айналған. Бүгінде Кореяда еңбек ететін мигранттар арасында денсаулық мәселелері мен жұмыста орын алатын жазатайым оқиғалар көп тіркелген. Осыған орай жақында орын алған оқиғаның біріне тоқталып өтейік. Оңтүстік Кореядағы Кануондо провинциясының Яңяң қаласында заңсыз еңбек етіп жүрген қазақстандық мигрант Әли, 2020 жылы өзі тұрып жатқан жатақханадан өрт шыққандығын сезіп, өз басына қатер төніп тұрғанына қарамастан 10 корейлік азаматты құтқарып қалған [3]. Корей азаматтарын өлімнен арашалап, өз өмірін қатерге тіккен азаматымыздың денесін күйік шалып, жағдайы нашарлағанына қарамастан заңсыз еңбек етіп жүргендігін еске алып, ауруханаға бармай, бірден оқиға орнынан кетуге мәжбүр болған. Бұл заңсыз жұмыс істеп жүріп, жазатайым жағдайға душар болған азаматтардың медициналық көмек алудан жалтарынуының бірден бір дәлелі. Оқиға жайлы корей ақпараттық сайттары жарыса жаза, арнайы жаңалықтар мен корей теле бағдарламаларынан да көрсеткен еді. Алайда, отқа оранған жатақхана тұруға жарамсыз болып, аялдайтын жері де болмай, медициналық сақтандыруының болмауынан да медициналық көмекке жүгінбей, жасаған ерлігіне қарамастан жасырынуға мәжбүр болған. Оның ерекше қаһармандық ісін байқап, көз жұма қарай алмаған жергілікті 3500 тұрғын петиция жинап, үкімет органдарынан мәселесін қарастыруды талап етеді. Заңды құжаты жоқ қазақстандық азаматтың ісіне кешірім жасап, әрі арнайы визаның берілуіне өтініш жазып, ауруханада ем алуына қаржы жинап берген. Қазақстандық азаматтың ерлігін жоғары бағалаған Корея Республикасы оған елде тұруға ықтиярхатта ұсынды [4].

Қазақстан, Өзбекстан және Қырғызстан азаматтарынан бөлек, Оңтүстік Кореяда Тәжікстан азаматтарының алғашқы ағымы пайда бола бастады. Бұл жайлы автор Алимшоқ Мехрзода «Asia-Plus» журналының 2022 жылдың қазан айының 18 жұлдызындағы баяндамасында хабарлаған еді [5]. Баяндамада сұхбат беруші тәжік азаматшасы Сурая Бобоназарова, әуелі Ресей азаматтығын алып Кореяға турист ретінде барғанында бірден жұмыс тауып 3 жыл қатарынан еңбек еткен. Осы уақыт аралығында, Сурая Бобоназарова сырттан келген мигранттар, әсіресе ауыл шаруашылығы, зауыт, құрылыс компанияларында, ал әйел азаматшалар көбіне тазалық жұмыстарымен айналысатындығын айтты. Алғашқы кезде Сурая 80000 вон көлемінде еңбекақы алса, уақыт өткен сайын үстемақы қосыла, тапқан нәпақасын отбасына көмек ретінде, сондай-ақ жеке қажеттіліктеріне жұмсаған. Бүгінде Орталық Азия елдері ішінде Өзбекстан мен Қырғызстан азаматтары еліндегі экономикалық жағдайларға байланысты Оңтүстік Кореяға жұмыс істеуге ниет білдіріп отыр [6].

Олар жас ерекшеліктеріне қарамастан, отбасылық қажеттіліктерінің орнын толтыру үшін ауыр жұмыс жасауға келісе береді. Сонымен қатар, Қазақстан азаматтарының шет елге еңбек ету мақсатында жиі баратындығын ел президенті Қасым-Жомарт Тоқаевта жоққа шығармай, алдағы уақытта оларды заңды түрде еңбек ету құқығына ие бола алатындай жағдайдың жасалынуы керек екендігін айтып өткен. Қазақстандық азаматтардың шетелде жоғары білікті талап етілетін салаларда ғана жұмыс істемейтіндігін, олардың көпшілігі қарапайым қызмет көрсету саласында жүргендігін ашып айтты. Сонымен қатар, жоғары төлемақыға байланысты, өз елдерінде орындауға келіспейтін ауыр жұмыс түріне келісе беретіндігін тағы да қосып өтті. Мұндай жағдайлар бүгінде жұмысшылар арасында жиі кездесетіндігін, еңбек қатынастары ресми түрде реттелмейтіндігін көрсеткен еді. Заңсыз еңбек қатынастарында үнемі әртүрлі әлеуметтік-тұрмыстық қиындықтар туындайтындығын да атап өткен болатын [7].

Корей үкіметі мемлекеттегі заңды құжаты жоқ еңбек мигранттарын елден азайту аясында «ашық есік» саясатын жиі жүргізеді. Елдегі еңбек мигранттарының заң бұзушылық әрекеттеріне кешірім жасап, айыппұлдан босатады. Түрлі жеңілдіктерді жасау арқылы Кореядағы заңсыз еңбек мигранттарын елден өз еріктерімен шығуды ұсынады. Өткен жылы Оңтүстік Корея Республикасының Әділет министрлігінің шығарған қаулысына сәйкес, 2022 жылдың 7 қарашасынан бастап 2023 жылдың 28 ақпан арасында елде жүрген заңсыз мигранттар өз отанына қайтуына болатындығын, егер көрсетілген уақыт арасында елден шықпаса, оларға үкімет арнайы қаулы қарастырмақ екендігін жеткізді. Көрсетілген мерзім арасында өз еркімен елден шыққан мигранттарға ешқандай жаза қолданбай, олардың заңсыз әрекеттері кешірілетіндігін тағы баяндады [8]. Аталмыш қаулы күшіне ене сала, елдегі заңсыз мигранттар іздестіріліп, тексеріс жұмыстары басталған. Бұған дәлел ретінде, қараша айында қаулы күшіне ене сала араға көп уақыт салмай, Кореяда заңсыз жұмыс жасайтын қазақстандық азаматтар әлеуметтік желідегі «Qazaq alliance in Korea» парақшасында рейд жұмыстары күшейтіліп, тексеріс үстінде ұсталып қалғандарын хабарлаған [9].

Зерттеудің мақсаты – Оңтүстік Кореядағы Орта Азиялық заңсыз еңбек мигранттарының әлеуметтік мәселелерін анықтап, анализ жасау. Заңды құжаты жоқ мигранттар арасында нақты қандай әлеуметтік мәселелердің кездесетіндігін анықтау мақсатында, ғылыми мақалалар, әлеуметтік желі, БАҚ ақпарат көздері мен мигранттардан алынған сұхбаттар легіне анықтама беру. Заңсыз мигранттар мәселесін шешудегі мемлекет басшылары мен жоғары лауазымды тұлғалардың шығарған үкімдерімен, олардың мәселесін шешу жолдарын қолға алу сынды әрекеттеріне талдау жасау.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы – Заңсыз мигранттардың арасында үнемі кездесетін виза, медицина және еңбекақы сынды мәселелерді түсіндіру. Мигранттар құқықтарының қорғалуын бағалаумен қатар, елге заңсыз бару жолдары мен жұмысқа орналасу сынды әдіс-тәсілдерін көрсету. Аталмыш мәселені шешу мақсатында екі елдің мемлекет басшылары мен жоғарғы үкіметтік органдардың қаулысы мен идеяларын сараптау.

ЗЕРТТЕУ ӘДІСНАМАСЫ

Зерттеу әдістемесі деректерді жинау мен талдаудың сапалы әдістерін қолдануды қамтиды. Зерттеу аясында Орталық Азиядан келген заңды құжаты жоқ мигранттар, оның ішінде Өзбекстан, Қазақстан, Қырғызстан және аймақтың басқа да елдерінің азаматтарымен анонимді сұхбат жүргізілді. Сұхбат әртүрлі жерлерде, соның ішінде көші-қон орталықтарында, қоғамдық орындарда және онлайн-коммуникациялық платформалар арқылы жүргізілді.

Сонымен қатар, талдау үшін әлеуметтік желілер мен Telegram, Instagram және TikTok сияқты медиа-басылымдардың деректері пайдаланылды. Бұл бірінші қолмен ақпарат алуға және заңсыз мигранттардың пікірлері мен тәжірибесін тікелей көздерден бағалауға мүмкіндік берді. Қосымша деректер Корея Республикасының Сыртқы істер министрлігі Орталық Азияның әртүрлі елдерінде жүргізген мақалалары мен сұхбаттарынан алынды. Бұл деректер

корейлық шенеуніктердің заңсыз көші-қон мәселесіне қатысты ұстанымын және осы құбылысқа байланысты проблемаларды түсінуге мүмкіндік берді.

Зерттеу барысында заңсыз мигранттар санының өсу динамикасына талдау жасалды, сонымен қатар Орталық Азияның әртүрлі елдерінен азаматтардың Оңтүстік Кореяға көшуінің негізгі себептері анықталды. Талдау осы құбылысқа әсер ететін әлеуметтік, экономикалық және саяси факторларды ескере отырып жүргізілді.

Осы әдістердің барлығы Орталық Азиядан Оңтүстік Кореяға заңсыз еңбек көші-қоны мәселесін жан-жақты түсінуге және одан әрі зерттеу мен шешуді қажет ететін негізгі аспектілерді анықтауға мүмкіндік берді.

Оңтүстік Кореядағы Орта Азиялық заңсыз мигранттар мәселесін зерттеу үшін БАҚ бетіндегі сұхбат пен өз тарапымыздан жүргізген сұхбат, әлеуметтік желідегі және БАҚ басылымдарындағы ақпараттарға негізделіп, сараптама жүргіздік. Өз тарапымыздан сұхбатты анонимді түрде 15.09.2022 - 20.07.2023 аралығында 25-29 жастағы бір өзбекстандық және жеті қазақстандық азаматынан алынды. 2023 жылдың қараша айында Оңтүстік Кореядағы Ансан қаласында мигранттармен кездесу арқылы, анонимды сұхбаттар алынды. Сұхбат өзбекстандық, қазақстандық, қытайлық және этникалық корей азаматтарымен жүргізілді. Ансан қаласындағы жергілікті миграциялық орталық пен қатар, полиция қызметкерлерінен де сұрақтар алынды. Сондай-ақ, зерттеу үшін Оңтүстік Кореяда заңсыз иммигрант ретінде кемінде 3 жылдан 5 жылға дейін тәжірибесі бар адамдар жүктеген телеграм, инстаграм, тикток сияқты танымал әлеуметтік желілердегі сұхбат мақалалары мен хабарламалары пайдаланылды. Сеул қаласында орналасқан «Қазақстан Республикасының Корея Республикасындағы елшілігінде» болып, жауапты хатшымен кездесу ұйымдастырылып, тақырып аясында сұхбаттар алынды. Жауапты өкілдерден алынған сұхбаттар мен кездесулер және мигранттар шоғарланған мекендердегі жағдайларды тікелей көзбен көре отыра, ақпараттар жинау, ғылыми зерттеу жұмысына үлкен серпіліс берді. Зерттеу барысында Өзбекстандағы, Қырғызстандағы, Қазақстандағы Корея Республикасының Сыртқы істер министрлігінің заңсыз мигранттар жайлы, оның ішінде Қазақстан Республикасының Президенті Қасым Жомарт Тоқаевтың дискурстары мен сұхбат мақалалары талданды. Бұл деректер Кореядағы заңсыз иммигранттар арасында кездесетін қиындықтармен әлеуметтік мәселелерге, әрбір мүдделі елдің қарсы шара қолдану керек екендігін көрсетеді.

Зерттеу әдістемесі Орталық Азиядан Оңтүстік Кореяға заңсыз еңбек миграциясы мәселесін терең түсінуге бағытталған деректерді жинау және талдаудың сапалы әдістерін қолдануды қамтиды. Осы зерттеу аясында Орталық Азияның әртүрлі елдерінен келген заңсыз мигранттармен, соның ішінде Өзбекстан, Қазақстан, Қырғызстан, сондай-ақ аймақтың басқа да елдерінің азаматтарымен анонимді сұхбаттар жүргізілді. Сұхбат жеке және онлайн байланыс платформалары арқылы, сондай-ақ көші-қон орталықтары мен қоғамдық орындар сияқты әртүрлі жерлерде жүргізілді.

Қосымша деректер көздеріне құжатсыз мигранттардың алғашқы түсініктері мен пікірлерін беретін әлеуметтік желілер мен БАҚ жарияланымдарынан алынған ақпарат кірді. Сонымен қатар, Кореяның заңсыз көші-қон мәселелері бойынша ресми ұстанымын түсіну үшін Орталық Азияның әртүрлі елдерінде Корея Республикасының Сыртқы істер министрлігі жүргізген мақалалар мен сұхбаттар талданды.

Талдау көптеген факторларды, соның ішінде заңсыз көші-қон проблемасына әсер ететін әлеуметтік, экономикалық және саяси аспектілерді ескере отырып жүргізілді. Мәліметтерді жинаудың әртүрлі әдістерін қолдану арқылы мәселе туралы кең түсінік алуға, миграцияның негізгі факторлары мен себептерін анықтауға және мәселені шешудің ықтимал жолдарын анықтауға мүмкіндік туды.

НӘТИЖЕЛЕР МЕН ТАЛДАУЛАР

Зерттеу жұмысының негізгі бөлімі үш категориялық нәтижеден тұрады. Бірінші категория жалпы заңсыз иммигранттар арасындағы виза мәселелерін қамтиды. Екінші категорияда

олардың арасында үнемі орын алатын қолжетімді медицинаның мүмкін болмауы, яғни медициналық сақтандыру құжаттарының жоқтығы басты негізге алынады. Соңғы категория бойынша еңбекақы мәселелеріне талдау жасалынды. Оңтүстік Кореяға Орта Азия мемлекеттерінен жұмысқа барушы еңбек мигранттар арасында визаға қатысты түрлі мәселелер орын алады. Визасыз режимді пайдаланып елге еңбекақы табу үшін баратындар қатары ұлғайған. Сол себепті бұл мәселе бірнеше әлеуметтік мәселелердің екі ел арасында ушығуына әкеліп соқты. Оңтүстік Корея Әділет министрлігінің 2018 жылғы статистикасы Өзбекстан мен Қазақстан азаматтары арасында заңсыз мигранттардың өскендігі жайлы хабарлады [10]. Алайда, Оңтүстік Корея үкіметі шет елдік азаматтарды еңбекке тарту мен оларды заңдастыру мақсатында 2003 жылы EPS (Employment Permit System) атты бағдарламасын іске қосқан. Бұл бағдарлама арқылы Қырғызстан мен Өзбекстан азаматтары заңды еңбек ету құқығына ие. Қазақстан Республикасы мен Корея Республикасы арасында еңбек келісімдері орнатылмағандықтан, қазақстан азаматтарына заңды еңбек ету мүмкіндіктері қарастырылмаған. Алайда Корея үкіметі шет елдік жұмысшыларға арнайы бағдарламаларды енгізгенімен заңсыз еңбек етушілер қатары әлі де көбейіп отыр. Әлеуметтік желіде қазақстандықтар аталмыш еңбек келісімдерінің Кореямен орнатылғандығын қалайтындықтарын жеткізген болатын. Бағдарламаның ерекшелігіне тоқталар болсақ, EPS бағдарламасы аясында жұмысқа барғандарға арнайы E9 визасы беріледі. Осы виза төңірегінде шамамен 3 жыл қатарынан жұмыс жасауға болады. Виза арнайы біліктілікті талап етпейтін жұмыс түрлеріне арналған. E9 визасын қолданушылар виза уақыты аяқтала сала 1 жыл 10 айға дейін созылу мүмкіндігіне ие, сондай-ақ TOPIK (Test of Proficiency in Korean) корей тілін білетіндігін растайтын емтиханды тапсыру міндеті жүктеледі. Жұмыс орны қанағаттандырмаған жағдайда оны ауыстыру құқығына ие болады. Жұмысшының құқықтары қорғалып, жұмыс беруші компания тарапынан медициналық сақтандырулары толық қамтамасыз етіледі. E9 визасын қолдануға мүмкіндік алғандар саны 241554 жетсе, Орталық Азия азаматтары арасында бұл виза түрін қолданушылар саны өте аз. Бұл көрсеткіш тек заңды түрде еңбек атқарушылардың қолданыстағы визалары жайлы болса, бүгінгі таңда мұндай бағдарламалар төңірегінде заңды жұмысқа барушылар саны заңсыз мигранттардан аз. Өзбекстан азаматтарының 10 пайызынан астамы шет елдерде жұмыс жасаса, олардың басым бөлігі Оңтүстік Кореяда шоғырланған. Нақтырақ айтсақ, Өзбекстан мемлекетінің 75000 аса азаматы Кореяда жұмыс жасайды [11]. Бұл көрсеткіштің ішінде қанша адамның заңсыз түрде жұмыс жасап жатқаны белгісіз. Орталық Азияның өкілі ретінде Кореяда заңсыз жұмыс істеп жатқан еңбек мигранттарының арасынан Өзбекстан көш бастап тұр. Оңтүстік Корея еңбек министрлігінің шенеунігі Пак Чонгил мырзаның 2014 жылы өзбекстандық «Озодлик» радиосына берген сұхбатында, Кореядағы өзбекстандық азаматтардың заң бұзушылыққа бару әрекеттерінің көбеюі мемлекетке үлкен қиындық туғызып, екі ел арасындағы қарым-қатынасқа кері әсер тигізуі мүмкін екендігін алға тартқан. Сондай-ақ жоғарыда атап өткеніміздей виза мерзімі өтсе де жасырын еңбек етуін жалғастыратынын баса назарға алған. Корей үкіметі бұл мәселеден хабардар болып отырса да, әлі нақты оңтайлы шешімді қарастыра алмай жатқанында айтып отыр [12]. Бұл ретте, қырғызстандық азаматтардың ахуалына тоқталар болсақ, 2018 жылғы Қырғызстан Республикасының мәліметіне сәйкес, Кореядағы қырғыз азаматтарының 30% дан астамы заңсыз еңбек етеді. Бүгінде Қырғызстаннан бес мыңға жуық адам еңбек етті десек, олардың әрбір үшеуі заңсыз қызмет жасап жүргендер [13]. Заңды еңбек етуге мүмкіндік беретін келісімдердің болуына қарамастан, заңсыз еңбекке келуші мигранттардың көбеюі, Қырғызстан мен Корея арасындағы келісімдердің талапқа сәйкес орындалмай жатқандығын көрсетеді. Сонымен қатар, соңғы уақытта Кореяда қырғызстандық заңды құжаты жоқ еңбек мигранттарының толассыз көбеюі, қырғыз азаматтарына жалпы Кореяға келуге арналған басқа да виза түрлерін алуды күрделендірген. Туристік визаны былай қоя тұра, медициналық визаның өзіне қол жеткізу мүмкін болмай тұр. Оған қоса, соңғы

уақытта Тәжікстаннан барушы еңбек мигранттарының қатарының ұлғайып бара жатқанын тағы еске алу керек [14].

БАҚ пен әлеуметтік желідегі заңды құжаты жоқ мигранттардың берген сұхбаттарын қарастыра келе, Қырғызстан мен Өзбекстан, Тәжікстан азаматтарының Оңтүстік Кореяға жұмысқа келуінің себептері келесідей: төмен жалақы, болашағына сенімсіздікпен қарау, жұмыс тапшылығы, арзан жұмыс күші, отбасылық құндылықтардың жетіспеушілігі, пәтер-ақы, көлік және жеке кәсіп ашу.

Қазақстандық азаматтарымыз визасыз режим немесе туристік виза арқылы Кореяға келіп, кейін заңсыз мигранттардың қатарын толтыру қалыпты жағдайға айналған. 2014 жылы Корея мен Қазақстан арасындағы визасыз режим арқылы Кореяға келіп, кейін жұмыс істеп кеткен жастар саны ұлғая бастағаны туралы «Хабар 24 агенттігінің» ғаламтордағы сайтында жазылған. Оңтүстік Корея мен Қазақстан арасында 2014 жылға дейін қалыпты виза режимі бойынша Кореядағы қазақстандық мигранттар саны 359 болса, 2014 жылы визасыз режимнің орнауынан кейін бұл сан 2018 жылы 11 413 жеткен. Ал бүгінгі таңда Кореяда заңсыз жұмыс жасаған 13000 жуық қазақстандықтардың жүргені белгілі болып отыр. Ал жалпы статистика бойынша, Қытай мен Оңтүстік Шығыс Азия елдерінен барушы заңсыз мигранттармен салыстарғанда, Қазақстаннан еңбек етуге барушылар саны аз [15]. Алайда, қазақстандықтар тай, қытай, вьетнам, монғол және филиппиндіктерден кейінгі алтыншы орынға жайғасқанын келесі көрсеткіштен көрсек болады:

Кесте 1. 2014-2018 жыл арасында Оңтүстік Кореяда тіркелген заңсыз еңбек етуші мигранттар

	2014	2015	2016	2017	2018	% of the total population
Total number	208,778	214,168	208,971	251,04	355,126	100%
Thailand	44,283	52,519	56,099	68,449	138,591	39.0%
China	70,311	67,333	55,831	62,827	71,070	20.0 %
Vietnam	26, 932	26,563	27,862	31,691	42,056	11.8%
Mongolia	7,409	8,274	10,146	12,719	15,919	4.5%
Philippines	12,814	12,358	11,295	11,954	13,020	3.7%
Kazakhstan	359	1,337	2,914	7,214	11,413	3.2%
Russia	1,165	1,600	3,849	8,533	10,906	3.1%
Indonesia	7,237	7,269	7,181	7,626	8,110	2.3%
Uzbekistan	4,627	4,680	4,452	5,241	6,162	1.7%
Cambodia	3,115	3,556	3,886	4,715	5,897	1.7%
Sri Lanka	4,232	4,460	4,580	4,823	5,100	1.4 %
Others	26,294	24,219	20,876	25,249	26,882	7.6%

Сілтеме: Korea immigration service statistics. Ministry of Justice, 2018 [10].

Заңды құжаты жоқ қазақстандық мигранттар, Корея мен Қазақстан арасында жұмыс визасының орнатылып, еңбекпен қамту бойынша қызмет ететін ресми орталықтардың ашылып, үкімет тарапынан қолдау алу арқылы, бұл мәселенің шешімін табуға болатынын ғаламтор беттерінде жиі айтады. Қазақстандықтар отбасылық жағдайын жақсарту, жеке кәсіптерін ашу немесе мемлекет қарыздарынан құтылу сынды түрлі әлеуметтік себептерге байланысты шет елге еңбек етуге баруға мәжбүр болады. Оңтүстік Корея Республикасында бірнеше жыл қатар еңбек етіп жүрген азаматтарымыз бар [16]. Солардың ішінде Кореяда төрт

жылдай жұмыс жасап жүрген, әлеуметтік желіде «Легендарный казах» деген атпен танымал отандасымыз аталмыш тақырыпта сұхбат берген болатын. Шын есімі Арыстанбек Кореядағы еңбек күнінің қалай өтетіндігі, қандай жұмыстар атқарып, қаншалықты табыс табатындығы жайлы бөліседі. Өз тәжірибесі аясында «YouTube» каналында «Легендарный казах» атты есіммен блогтар түсіріп, халықпен бөліседі. Арыстанбек біздің тақырып аясында кішігірім сұхбат беріп, «YouTube» және әлеуметтік желідегі посттарына толықтай қол жетімділікке рұқсат беріп, сілтеме көрсетуімізді сұрады. Сұхбат аясында қозғалған тақырыпқа тоқталып өткіміз келеді. Азаматтың айтуынша, 2021 жылдың қыркүйек айынан бастап, Кореяның кедендік одағында тексеріс әжептәуір күшейген. Тексерістің күшейтілуіне себеп, соңғы уақытта бұл мемлекеттегі заңды құжаты жоқ еңбек мигранттарының көбеюімен байланысатындығын ашып айтты. Сұхбаттасымыздың сөзіне сүйенер болсақ, «Ең бірінші орында құжат мерзімінің өтпеуі немесе құжат мерзімінің аяқталуына кемінде 6 айдан кем болмауына назар аудару. Елден шығуға шектеудің болмауы, яғни мемлекетке көп мөлшерде қарыз немесе басқада айыппұлдың түрлерінен таза болу маңызды. Келесі этап (К-ЕТА) Korea Electronic Travel Authorization рұқсат қағазы, 2021 жылдың 1 қыркүйегінен бастап Кореяға келуші туристер электронды түрде онлайн өтініш жіберіп, корейлық тараптан рұқсатнама қағаз алып қана елге кіре алады. Бұл құжаттың құны шамамен он доллар, сондай-ақ, туристік визаға ие болғандар міндетті түрде алдын ала қонақ үйді брондауы керек. Себебі, Кореяны саяхаттау мақсатында келуші адамдар, нақты турист екендіктерін барынша дәлелдеуі тиіс. Кедендік одақта Кореяға келген туристерден әуелі қонақ үй мен тұратын мекен-жайлары міндетті түрде сұралады. Жұмысқа келуші мигранттар қонақ үйге тегін брон жасаса да, Кореяға келген соң қонақ үйден өтінімін қайтарып алуына болады. Соңғы қадамы кедендік одақта қойылатын сұрақтарға дұрыс жауап беру, яғни Корея жайлы ақпараттар мен туристер баратын орындарды білу абзал», – деп жауап беріп, Кореяға келудің әдіс-тәсілдерін сұхбатымызда ашып айтты. Сонымен қатар, өзінің әлеуметтік желідегі және «YouTube» каналындағы блогымен бөлісіп, сілтеме берді. Онда азамат, Кореяда еңбек ету арқылы қаржы мәселесін шешкендігін айтты. Отбасына және жақындарына да көмек қолын соза алғандығымен бөлісіп кетті. Осы уақытқа дейін зауытта, фабрикада, құрылыста және жүк тасу сынды кез келген жұмысқа төзімділік танытып, адал еңбекпен ақша тапқан. Тіптен, Кореяға еңбекке келуге дайындалып жүргендер мен осында жұмыс істеп жүрген азаматтарымыздың алаяқтарға алданып қалмауы үшін барынша көмек көрсеткендігін айтады. Кореядағы еңбек табысы мен қатар шығатын шығындарға да баға беріп кетті. Бір күнде 220.000 вон (корей ақшасы) тауып, 23 күнде 5.060.000 вонға дейін табатындығын айтты. Қазақстан ақшасына айналдырғанда айына, 1.500.000 теңге шамасында табатындығын растады. Ай сайынғы пәтерақы 700.000 вон, 150.000 вон коммуналдық төлемге, 1.500.000 вон тамақтану, азық түлік пен басқа да қажеттіліктерге кетсе, 500.000 вон баламның керекті тамағы мен жөргектер кетеді дейді. Қазақстандағы депозитіме 700.000 вон құямын, сонда қолыма артық 857.000 вон түседі, қазақстандық теңгемен шамамен 350.000 дейді. Деседе, елімізде де пәтераның қымбаттауы мен кететін шығындарды есептесек, онда өз қажеттіліктеріңе және депозитке қаражат жинай алмайтын едік деп тарқатты. Ал мұнда, жұбайы және кішкене баласымен тұрып жатқандықтан шығын әжептәуір көп шықса да, Кореяда еркін тұрып, орташа өмір сүруге және Қазақстанға инвестиция құюға жақсы мүмкіндік екенін алға тартты. «Әсіресе, бойдақ, отбасын құрмағандар үшін Корея ақша табуға қолайлы мекен. Мен Кореяда отбасын құрмас бұрын әр күн сайын 100-150\$ көлемінде қаражат таптым. Отбасыңмен және кішкентай баламен тұрудың да қиындықтары бар, дегенмен болашақ мақсатқа жету үшін финансы тұрғысында көмек керек. Осы мақсатта Кореяда еңбек етуіміздің де өз себебі бар. Кореяда еңбек ететін мигранттарымыз үшін қаражат тауып, Қазақстанға инвестиция құю керек. Сол үшін шекара асып, шет елде еңбек етуге келеміз. Бірақ, қос мемлекет арасында еңбек келісімі орнап, қазақтар еңбек ету құқысына ие болса онда тұрақты жұмысымыз, құқығымыз болар еді», деп тарқатты Арыстанбек [17].

Виза мәселесінің қиындығына қарамастан Кореяға еңбек етуге барушылар қатары жылдан жылға өсуде. Корея үкіметі заңсыз мигранттар қатарын азайту мақсатында кейбір елдерге арнайы бағдарламаларды іске қосса да, оның нәтижесіз болғандығын байқаймыз. Орталық Азия бойынша тек санаулы мемлекеттерге Кореяда заңды еңбек етуге рұқсат етілген. Визасыз режимді пайдаланып, турист мақсатында барып, артынша тиісті уақытта отандарына оралмай елде қалушылардың ұлғаюы екі ел арасындағы үлкен мәселеге айналып отыр. Заңсыз еңбек етушілердің жеке құқықтарының қорғалу төмендігі жиі орын алатын жағдай. Нақтырақ айтар болсақ, медициналық сақтандыруы жоқ заңсыз мигранттар амбулаториялық көмек ала алмайды. Ауыр жұмыстан кейін денсаулықтары сыр берсе де жұмыстарын жалғастыруға мәжбүр екендіктерін айтып жатқан мигранттар жетерлік. «Неліктен өзбек пен қырғыз азаматтары Корея Республикасына еңбек мигранты тұрғысында заңды түрде бара алады да, ал қазақстандықтарға ондай жағдай қарастырылмаған, тіптен Өзбекстан мұндай келісімді 2004 жылдары аясында жасаса, одан бері қанша уақыт өтті» [18] – деген ойларын айтып жатқан қазақстандықтар сан мыңдаған. Оларда арнайы заңды бағдарлама мен келісімнің болмауына орай заңсыз қызмет етуден бөлек денсаулық мәселелеріне де жауапкершілікпен қарап, қажетті көмекті ала алмайтындықтарын алға тартты. Мигранттар арасында қаза болған шет ел азаматын отанына қайтару барысында болатын мәселелер жиі орын алып жатады, осы сынды өзекті оқиғалар бүгінде Орталық Азиядан келген заңсыз еңбек мигранттар арасында жиі таралуда. Аталмыш мәселеге дәлел ретінде медициналық жәрдемге мұқтаж болған 75 жуық қазақстандықты айтуға болады [19]. Олардың денсаулық жағдайларының ушығуына байланысты көз жұмғандығын Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігінің мәлімдемесінде айтылды. 2019 жылғы ҚР СІМ Айбек Смадияровтың мәлімдемесіне сәйкес тағы 7 адам ауыр жұмысты көтере алмай көз жұмған. Ауыр еңбек күшіне шыдай алмаған небәрі 30-40 жастағы жастардың мәйітін елге қайтару үшін кемінде 6000-7000 доллар төңірегінде өтемақы жүктелендігін ескертті. Кореяда жұмыс жасап жүрген мигранттың айтуынша, олар 8 сағат бойы демалыссыз жұмыс жасайды. Әрбір екі сағат сайын тек он минуттық демалыс берілсе, бұл уақыт тынығып алу үшін жеткіліксіз. Қазақстан мигранттардың 10-15 пайызын құрайтын әйелдер үшін мұндай жұмыс өте ауыр. Бүгінде мұндай мәселенің Кореяда кең етек алауына байланысты, заңсыз еңбек мигранттарының мәселесін тез арада шешу жолдарын қарастыруымыз керектігіне көзіміз жетті [20]. Сонымен қатар, Сеул қаласында орналасқан еліміздің елшілігінде хатшы қызметіндегі Тоққұлов Бауыржан Серіктесұлымен болған сұхбатта, Кореяда еңбек ететін қазақстандық еңбек мигранттары жайлы тақырып қозғалған болатын. Тақырып аясында, Кореядағы елшілігімізге күнделікті мыңдаған хаттардың келіп түсетіндігі баяндалған. Онда Қазақстан азаматтарында заңды еңбек етуге келісімдедің болмауы, визаның жоқтығынан кездесетін қиындықтар, медициналық көмекке жүгіне алмау, адам құқықтарының тапталуы сынды өзекті мәселелердің орын алатындығын баяндады. Елшілік, бірнеше рет жауапты өкілдерге Корея мен Қазақстан арасында еңбек келісімдерінің орнатылуы керек екендігіне ұсыныстар жасағандығын айтып өтті. Жуық арада, Еңбек министрліктері тарапынан Қазақстандық азаматтарға жұмыс визасы берілетіндігі хабарлануы керек екендігінен үмітті екендігін жеткізді. Әрі корейлік жауапты тараптар, еліміз тарапынан ұсыныс түссе, қазақстандық азаматтармен еңбек келісімін жасауға дайын екендігін жеткізіпті.

Жоғарыда көрсетіп отырғанымыздай, заңсыз мигранттар медициналық көмекке мұқтаждықтарына қарамастан, бұл мәселеле әлі де өз шешімін таба алмай отыр. Денсаулық жағдайларының ушығуына байланысты қаза болғандар саны көп болмаса да, ауыр жаракат алғандар саны аз емес. Екі елдің мигранттар мәселесіне жауапты мемлекет қызметкерлері заңсыз иммигранттардың медициналық ахуалының ушығуына байланысты мәселені тез арада қарастыруды ұсынып отыр. Алдағы уақытта осы мәселе өзінің оңтайлы шешімін табады деген үміттеміз.

Орталық Азиядан Кореяға барушы иммигранттар материалдық жағдайын көтеру аясында, виза немесе денсаулық мәселелерінің туындауына қарамастан еңбек етуге барады. Осы тұста

мигрант атанудың себептерін бірнеше топқа бөліп қарастырып көруге болады. Мигранттар арасында жиі кездесетін фактордың бірі, отбасындағы қомақты қаржының жетіспеушілігі және материалдық дағдарыс, жұмыс мүмкіндіктерінің болмауы, жұмысқа орналасудағы қиындықтар, жұмыс тәжірибесінің болмауы, төмен жалақы жұмыс екендігін алға тартты. Тәжікстан мен Өзбекстан келесі себептерді атап көрсетті: тұрғын үй, автокөлік сатып алу, үйлену, оқу ақысын төлеу, отбасын асырау, отанда шағын бизнес ашу үшін бастапқы қаржыны жинақтау [21], [22].

Қырғызстан мен Қазақстан азаматтарына, отбасына қаржылық көмек көрсету басты позиция, сол себепті мұндай экономикалық мәселелер оларды шет елде заңсыз жұмыс істеуге итермелейді. Мәселені сараптауда, ғаламтор желісіндегі «the village» сайтының 2018 жылының 4 ақпан айындағы шығарылымындағы 22 жастағы Каринаның сұхбатын сараптадық. Ол осыдан 3-4 жыл бұрын отбасылық жағдайындағы экономикалық қиындықтар мен жеке кәсібін ашу мақсатында Кореяда шамамен бір жылдан аса көлемде жұмыс жасау арқылы аптасына 350-520 доллар көлемінде пайда тапқандығын айтты. «Арнайы косметика шығаратын және қорап жинайтын фабрикада жұмыс жасау өзім ойлағаннан да күрделі болды. Соған қарамастан табыс көзінің жоғары болуы осы елде ұзақ уақытқа қалып, қомақты ақша жинауыма себепкер болды». Сонымен қатар, 24 жастағы тағы бір сұхбаттасуымыз зауытта жұмыс жасап күніне 100 доллар көлемінде ақша тапқандығын айтты. Азық-түлік пен жататын жері тегін болып, осы жұмыста тұрақты істеп, үш жыл қатарынан жақындарына қомақты қаржымен көмектескендігін жеткізді. Болашақта ел аралап тіптен отбасын құруға да алдын ала қаржыны жинап қойғанын айтып таңқалдырды. Кореяда жұмыс жасап жүрген сұхбаттасуымыздың айтуынша, олар көбіне Сеул немесе Пусан сынды ірі қалаларда емес, адам аз шоғырланған кішігірім қалаларда жұмыс жасаудың тиімді екендігін айтып қалды. Үлкен қалада шығынның көп болуы мен қымбатшылықтың себебінен жұмысқа келуші мигранттарға ірі қалаларда еңбек ету оларға тиімсіз екендігін алға тартты. «Біз мұнда көңіл көтеру үшін емес, аз уақытта қомақты қаржы тауып, отбасының және өзіндік әлеуметтік қажеттіліктердің орнын толтыру үшін келгендіктен, жақсы өтемақымен, ақшаны үнемдеуге болатын жерлерде жұмыс істеуді тиімді деп санаймыз», – деді. Жеке немесе отбасылық қаржы мәселесін шешу аясында заңсыз мигрант атану себептерін талқыға салдық. Олар әлеуметтік мәселенің туындауына қарамастан қомақты қаржы жинау үшін заңсыз еңбек ету әрекеттеріне мұқтаждық танытқандарын айтады. Жоғары еңбекақы алу аясында шетелге заңсыз жұмысқа бару себептері тікелей экономикалық жағдайларына байланысты. Алайда мұндай мәселелерді шешу мемлекет тарапынан да қарастыруды талап ететіні анық [23],[24].

Көрсетілген зерттеу нәтижесі бойынша, заңсыз мигранттар виза мәселесінің қиындықтары мен түрлі әлеуметтік мәселелердің орын алуына қарамастан заңсыз иммигрант атанады. Қаржы табу мен жеке бас немесе отбасылық қажеттіліктерінің орын толтыру мақсатында шет елде еңбек етуге мұқтаж. Медициналық қажеттіліктердің орын алуына қарамастан ұзақ уақыт бойы еңбек ету процессін жалғастыруға шетелдегі жоғары еңбекақы шабыттандырады. Олардың арасында кездесетін әлеуметтік мәселелерді анықтау үшін, мемлекеттік жауапты қызметкерлердің аталмыш мәселені шешу жолдарына тоқталдық. Осылайша, әлеуметтік желі мен БАҚ ақпарат көздерінде жарияланған сұхбат-мақалалар мен авторлық сұхбаттарға сәйкес, бүгінде мұндай мәселенің институционалдық деңгейде қарастырылып, еңбек қатынастары мәселесін реттеу керектігін ұсынамыз.

ҚОРЫТЫНДЫ

Қазіргі уақытта Корея Республикасына заңсыз еңбек етуге келетін шетелдік азаматтар саны күннен күнге артуда. Орта Азия елдерінен Кореяға жұмыс істеуге барушылар саны жылдан жылға өсуде. Мәселенің нәтижесі Кореяда еңбек ететін заңды құжаты жоқ мигранттардың әлеуметтік мәселесінің ушығуына себеп болып отыр. Оңтүстік Кореяда заңсыз еңбек етуші мигранттар арасында ресми жұмыс істеуге мүмкіндік беретін EPS бағдарламасы іске қосылса да, оның ойлағандай жүзеге аспауы бағдарламаның саясатын қатаңдату керектігін байқатады. Сонымен бірге, заңсыз мигранттардың тікелей медициналық көмек ала алмау сынды бірнеше мәселелерге тап болатындығы талқыланды. Олар қаржылық дағдарыстан шығып,

экономикалық жағдайын жақсарту мақсатында кез-келген тәуекелге баруға дайын, алайда мұндай мәселенің жалғасы екі елдің еңбек қарым-қатынасына нұқсан келтіруі мүмкін. Сол себепті, заңсыз мигранттар тек Оңтүстік Кореядағы шешімін табуы керек әлеуметтік мәселе ретінде ғана емес, екі елдің арасында да үлкен жауапкершілікті талап ететін іс. Осы орайда мигранттар мәселелерінің екі жақты қарастырылып бейбіт келісімдер жолымен шешілгендіктерін қалайтындықтарын айтады. Корея Республикасы Орталық Азия елдерімен мигранттар мәселесін заңдастырып, оларды біржақты ету мақсатында арнайы шараларды қарастыруды қажетсінеді. Заңды жұмыс істеуге мүмкіндіктер ашу, заңды еңбек етуге шақыру екі ел арасында экономикалық, саяси-әлеуметтік, психологиялық, медициналық сынды бірнеше мәселелердің шешімін табуға мүмкіндік береді. Мемлекет аралық қарым-қатынасты одан әрі нығайтуға жол ашып, заңсыз еңбек миграциясының алдын алуға көмек береді деп күтіледі. Корея Республикасында еңбек ететін мигранттар заңды еңбек ету мүмкіндіктеріне ие болудың және заңды еңбекке келудің маңыздылығының зор екендігін алға тартады. Ресми еңбек ету арқылы адам құқықтары қорғалып, медициналық сақтандыру құжатына қол жетімділік пен уақтылы жалақы мен тұрақты жұмыс орынға кепілдіктің бар екендігін алға тартады. Ресми түрде еңбек етуге мүмкіндіктердің болуына қарамастан, заңсыз еңбекке келу әлеуметтік кедергілерге душар етеді. Орта Азияда шоғырланған әрбір мемлекет, азаматтарының еңбек көші-қондағы әлеуетін іске асыру үшін және заңсыз мигранттардың ішінарада мәселелерін қарастыру мақсатында, оларға заңды түрде жұмыс істеуге болатын жағдайды жасауға қолдан келгенше көмектесуі тиіс. Үкімет осы мәселелердің барлығын зерттей отыра, шетелде заңсыз жүрген азаматтардың мәселесіне жауапты түрде қарауын қажет деп ойлаймыз.

Әдебиеттер:

1 *Migration profile of the Republic of Korea. The IOM Migration Research and Training Centre. January 2012.* – [Network access mode]. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_korea.pdf (Date of access: 18.10.2023).

2 *International Migration Statistics in 2022.* – [Network access mode]. – URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (Date of access: 20.10.2023).

3 [전국] 불길 속 이웃 구한 알리씨 '의상자' 인정... «이달 중 영주권 신청. – [Network access mode]. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vnaYcbbpkQQ> (Date of access: 19.11. 2023)

4 chosun.com 화마서 한국인 10명 구한 불법체류자 추방 안된다" 靑 청원 잇따라 – 조선일보 – [Network access mode].- URL:https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2020/04/21/2020042104300.html (Date of access: 19.11.2023)

5 Алимшох Мехрзода *Работа в Корее: без патента и зарплата \$90 в день* // [Электронный ресурс]. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221018/rabota-bez-patenta-i-zarplata-90-v-den> (дата обращения 21. 10. 2023).

6 *External youth migration in Central Asian states: risk analysis and minimization of negative consequences* //International Organization for Migration (IOM) in Kazakhstan - Subregional Coordination Office for Central Asia. Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2019. – [Network access mode].

– URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf (Date of access: 19.11. 2023).

7 *Как казахстанцы нелегально живут в Корее.* / [Network access mode].

– URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mnogie-umirayut-kazahstantsyi-nelegalno-jivut-koree-421217/ (дата обращения: 17.10.2023).

8 출입국·외국인정책본부 홍보 만족도 조사 실시. 2022– [Network access mode]. – URL: <https://www.immigration.go.kr/immigration/1473/subview.do?enc> (Date of access: 19. 11. 2023).

9 *Qazaq alliance in Korea.* – [Network access mode]. – URL: <https://vm.tiktok.com/ZMFmEg7Lb/> (Date of access: 23.11.2023).

10 *Korea immigration service statistics. Ministry of Justice, 2018.* // [Network access mode]. –URL: <https://www.kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board?> (Date of access: 29.08. 2023).

11 Min Ji Kim *The Republic of Korea's Employment Permit System: Background and Rapid Assessment; International Labour Office, Conditions of work and equality Department, Albour Migration Branch.* – Geneva: ILO, 2015 (*International Migration Papers; No. 119, ISSN: 1020-2668; 1564-4838 (web pdf).*)

12 «Узбекские трудовые мигранты, работающие в Южной Корее, получают 13-ю зарплату в Узбекистане». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ozodlik.org/a/25353090.html> (*дата обращения: 22. 10. 2022).*

13 Кыргызстанцы получают у нас по \$2 тыс — беседа с корейским послом в КР. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.sputnik.kg/20190404/southern-korea-posol-intervyu-1043860739.html> (*дата обращения: 20.06.2023).*

14 В Таджикистане трудовая миграция выросла на треть. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190910/Tajikistan-trudovaya-migratsiya-vyrosla-1029833969.html> (*дата обращения: 22. 10. 2022).*

15 Проблема нелегальных мигрантов из Казахстана в Корее. [Электронный ресурс]. – URL: <https://koreans.kz/news/problema-nelegalnyh-migrantov-iz-kazahstana-v-koree.html> (*дата обращения: 20. 10. 2023).*

16 Botagoz RAKisheva *Illegal Immigration of Kazakhstan to South Korea.* - Kazakhstan Council on International Relations (KCIR) – Nur-Sultan, 2020. -s. 60.

17 «Кореядагы менің жалақым. Кореядагы жұмыс 2023» [Электрондық ресурс]. – URL https://youtu.be/58JvT_EbJJY?si=O1WaONyW6UNXRXv_ (*қаралған күні: 05.02.2024*)

18 «Уставшие от бедности» Уехавшие в Южную Корею на заработки и их рассказы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakh-labour-migrants-in-south-korea/31140303.html> (*дата обращения: 22. 10. 2023).*

19 Seven Kazakhstanis died in South Korea in six months - RoK MFA // [Network access mode]. – URL: https://www.inform.kz/ru/sem-kazahstantsev-pogibli-v-yuzhnoy-koree-za-polgoda-midrk_a3512821 (*Date of access: 28. 10. 2022).*

20 Briefing of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan A.S. Smadiyarova, Nur-Sultan, February 27, 2020 // [Network access mode]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/brifing-> (*Date of access: 28. 11. 2023).*

21 Тенденция современной трудовой миграции в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cabar.asia/ru/tendentsii-sovremennoj-trudovoj-migratsii-v-tsentralnoj-azii> (*дата обращения: 21.10. 2022).*

22 Oxussociety.org *Introducing the Central Asia migration tracker.* [Network access mode]. – URL: <https://oxussociety.org/introducing-the-central-asia-migration-tracker/> (*Date of access: 18.07. 2023).*

23 «Я нелегально работаю в Корее»: Три анонимные истории казахстанцев. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.the-village-kz.com/village/people/howtobe/4621-mama-ya-v-koree> (*дата обращения: 21.03. 2023).*

24 Казахстанцы оказались по числу групповой нелегальных гастербайтеров в Южной Корее. [Электрондық ресурс]. – URL: <https://kaztag.kz/ru/news/kazahstantsy-okazalis-sedmoyp-ro-chislu-gruppu-nelegalnykh-> (*дата обращения: 17. 10. 2023).*

References:

1. Migration profile of the Republic of Korea. The IOM Migration Research and Training Centre. January 2012. – [Network access mode]. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_korea.pdf (*Date of access: 18.10.2023).*

2 International Migration Statistics in 2022. – [Network access mode]. – URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (*Date of access: 20.10.2023).*

3 [전국] 불길 속 이웃 구한 알리씨 '의상자' 인정... «이달 중 영주권 신청. – [Network access mode]. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vnaYcbpbkQQ> (*Date of access: 19.11. 2023*)

4 chosun.com *화마서 한국인 10명 구한 불법체류자 추방 안된다" 靑 청원 잇따라 – 조선일보* – [Network access mode].- URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2020/04/21/2020042104300.html (*Date of access: 19.11.2023*)

5 Alimshoh Mekhrzoda *Rabota v Koree: bez patenta i zarplata \$90 v den'* // [Elektronnyj resurs]. – URL: [6 External youth migration in Central Asian states: risk analysis and minimization of negative consequences //International Organization for Migration \(IOM\) in Kazakhstan - Subregional Coordination Office for Central Asia. Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President](https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221018/rabota-bez-patenta-i-zarplata-90-v-den(data obrashcheniya 21. 10. 2023).</p></div><div data-bbox=)

of the Republic of Kazakhstan, 2019. – [Network access mode]. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf (Date of access: 19.11.2023).

7 Kak kazahstancy nelegalno zhivut v Koree. – URL: [https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mnogie-umirayut-kazahstantsyi-nelegalno-jivut-koree-421217/\(data obrashcheniya: 17.10.2023\)](https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mnogie-umirayut-kazahstantsyi-nelegalno-jivut-koree-421217/(data obrashcheniya: 17.10.2023)).

8 출입국·외국인정책본부 홍보 만족도 조사 실시. 2022– [Network access mode]. – URL: <https://www.immigration.go.kr/immigration/1473/subview.do?enc> (Date of access: 19.11.2023).

9 Qazaq alliance in Korea. – [Network access mode]. – URL: <https://vm.tiktok.com/ZMFmEg7Lb/> (Date of access: 23.11.2023).

10 . Korea immigration service statistics. Ministry of Justice, 2018. // [Network access mode]. – URL: <https://www.kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board?> (Date of access: 29.08.2023).

11 Min Ji Kim The Republic of Korea's Employment Permit System: Background and Rapid Assesment; International labour Office, Conditions of work and equality Department, Albour Migration Branch. – Geneva: ILO, 2015 (International Migration Papers; No. 119, ISSN: 1020-2668; 1564-4838 (web pdf).

12 «Uzbekskie trudovye migranty, rabotayushchie v YUzhnoj Koree, poluchat 13-yu zarplatu v Uzbekitanе». [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.ozodlik.org/a/25353090.html> <https://www.ozodlik.org/amp/25353090.html>. (data obrashcheniya: 22.10.2022).

13 Kyrgyzstancy poluchayut u nas po \$2 tys — beseda s korejskim poslom v KR. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://ru.sputnik.kg/20190404/southern-korea-posol-intervyu-1043860739.html> (data obrashcheniya: 20.06.2023).

14 V Tadzhikestane trudovaya migraciya vyrosla na tret. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190910/Tajikistan-trudovaya-migratsiya-vyrosla-1029833969.html> (data obrashcheniya: 22.10.2022).

15 Problema nelegal'nyh migrantov iz Kazahstana v Koree. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://koreans.kz/news/problema-nelegalnyh-migrantov-iz-kazahstana-v-koree.html> (data obrashcheniya: 20.10.2023).

16 Botagoz Rakisheva Illegal Immigration of Kazakhstan to South Korea. - Kazakhstan Council on International Relations (KCIR) – Nur-Sultan, 2020. -s. 60.

17 «Koreyadagy menin zhalagym. Koreyadagy zhумыs 2023» [Elektronnyj resurs]. – URL: https://youtu.be/58JvT_EbJY?si=O1WaONyw6UNXRXv (qaralgan kuni: 05.02.2024)

18 «Ustavshie ot bednosti» Uekhavzhie v Yuzhnyu Koreyu na zarabotki i ih rasskazy. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakh-labour-migrants-in-south-korea/31140303.html> (data obrashcheniya: 22.10.2023).

19 Seven Kazakhstanis died in South Korea in six months - RoK MFA // [Network access mode]. – URL: https://www.inform.kz/ru/sem-kazahstantsev-pogibli-v-yuzhnoy-koree-za-polgodamidrk_a3512821 (Date of access: 28.10.2022).

20 Briefing of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan A.S. Smadiyarova, Nur-Sultan, February 27, 2020 // [Network access mode]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/briefing-> (Date of access: 28.11.2023).

21. Tendenciya sovremennoj trudovoj migracii v Central'noj Azii. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cabar.asia/ru/tendentsii-sovremennoj-trudovoj-migratsii-v-tsentralnoj-azii> (data obrashcheniya: 21.10.2022).

22 Oxussociety.org Introducing the Central Asia migration tracker. [Network access mode]. – URL: <https://oxussociety.org/introducing-the-central-asia-migration-tracker/> (Date of access: 18.07.2023).

23 «Ya nelegalno rabotayu v Koree»: Tri anonimnye istorii kazahstancev. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.the-village-kz.com/village/people/howtobe/4621-mama-ya-v-koree> (data obrashcheniya: 21.03.2023).

24 Kazahstancy okazalis po chislu gruppovoj nelegalnyh gasterbajterov v Yuzhnoj Koree. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://kaztag.kz/ru/news/kazahstantsy-okazalis-sedmoy-po-chislu-gruppoy-nelegalnykh-> (data obrashcheniya: 17.10.2023).

*L.D Uderbayeva**
Abay Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan
e-mail: luderbayeva@gmail.ru

RESEARCH AND PRACTICE BASIS OF GENIUS IN SOCIOLOGY

Abstract

The article is devoted to the connection of such concepts as creative process, genius and science, which may partially overlap each other. Both brilliant artists and brilliant scientists love art and science, they have the ability to think creatively and look at things differently. Genius is a term that we apply to those we recognize for their outstanding achievements, which are beyond human capabilities and from the point of view of science cannot be explained. Genius is a huge mind tuned in one direction.

Not all creativity will require genius, and not every genius will require creativity. Both innovation and giftedness appear together or separately in areas that cannot be called scientific from the point of view of the imagination. The author of the article how a creative genius in science differs from a genius in other fields and gives an example of scientific research of genius, its connection with the future of a person, a carrier of talent.

Keywords: genius, talent, gift innovation, divergent thinking, capabilities. creative thinking

*Үдербаева Л.Д.**
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан Республикасы

ӘЛЕУМЕТТАНУДАҒЫ ДАНЫШПАНДЫҚТЫҢ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Аңдатпа

Мақала шығармашылық үдеріс, данышпандық және ғылым сияқты ұғымдарды біріктіруге арналған. Тамаша суретшілер мен данышпан ғалымдар өнер мен ғылымды жақсы көреді. Олар шығармашылық ойлау және әр түрлі нәрселерге әр қырынан қарау қабілетіне ие. Данышпан - бұл адам мүмкіндіктерінен жоғары қабілеті бар және ғылым тұрғысынан анықталмаған, аса көрнекті жетістіктері үшін мойындайтын адамдарға қатысты қолданылатын термин. Данышпан - бұл бір бағытты ұстанған үлкен ақыл. Әр шығармашылық түрі даналықты талап етпейді және әрбір даналық шығармашылыққа тәуелді емес. Жаңашылдық пен дарындылық қиял тұрғысынан ғылыми деп атауға келмейтін салаларда бірге немесе жеке-жеке пайда болады. Автор мақалада ғылымдағы шығармашылық данышпандар басқа салалардағы данышпандардан ерекшеленіп, даналықтың ғылыми зерттеулерін, оның адамның, ерекше дарынға ие адаммен байланысын мысалға келтіреді.

Түйін сөздер: кеменгерлік, данышпандық, дарын, жаңалық еңгізу, шығармашылық ойлау, қабілеттер.

*Удербаета Л.Д.**

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Республика Казахстан*

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

Аннотация

Статья посвящена научно-практическим основам гениальности, соединению таких понятий как творческий процесс, гений и наука, которые частично могут перекрывать друг друга. Гений – это термин который мы применяем к тем, кого мы признаем за их выдающиеся достижения, которые выше человеческих возможностей и с точки зрения науки не поддается объяснению. И гениальные художники, и гениальные ученые любят искусство и науку, они обладают способностью мыслить творчески и смотреть на вещи по разному. Гений это огромный разум настроенный в одном направлении. Гениальность, в качестве социального явления, требует глубокого исследования не только в антропологическом плане, но и в социокультурном контексте. В современном обществе становится особенно важной проблема взаимодействия и влияния как общества на гениальность, так и гениальности на общество. Этот взаимный процесс формирования и приспособления не только определяет развитие индивидуальных талантов, но и влияет на развитие общества в целом.

Ключевые слова: гениальность, талант, одаренность, инновации, творческое мышление, способности.

MAIN PART

Within the framework of this study, the scientific and practical foundations of genius in sociology were examined using a systematic scientific approach. The authors analyzed previous research in the fields of genius, sociology, and sociocultural processes to identify the relationships between these concepts.

The research methodology included an analysis of literary sources, expert interviews, and statistical data analysis. This approach allowed us to more deeply understand the essence of genius and its impact on society. The use of analytical and comparative methods structured the information and made it possible to compare different approaches to genius in various cultural contexts.

The article adopts a scientific presentation style characterized by objectivity, rigor in logical argumentation, and the use of specialized terminology. The authors avoided subjective assessments and preferred to rely on facts and scientific data, thereby lending authority and credibility to the study.

The article focuses on the scientific and practical aspects of genius, exploring adolescents' views on the criteria of genius. A survey of 150 students from schools for gifted children yielded key insights into genius, particularly its association with high intelligence and creativity. Data analysis enables us to discuss important aspects of the perception of genius in society and its influence on the formation of values and priorities in education and science.

Thus, the study of the scientific and practical foundations of genius in sociology represents a comprehensive analysis aimed at understanding the role of genius in modern society. The results obtained can aid in a better understanding for both the scientific community and educational and scientific institutions, helping to comprehend the nature and manifestations of genius in various spheres of life.

INTRODUCTION

The strategy of forming an intellectual nation is a requirement of sociohistorical times. And this is not only the education and high intelligence of the population, but also the formation and development of intellectual leaders who illuminate the path to the pinnacle of creative excellence. Therefore, the

importance of this issue is determined by several factors. Firstly, these are the principles underlying the interaction between society and genius, determined by broader cultural trends in civilization's development. Secondly, these are the characteristics of human nature and the manifestation of its individuality and uniqueness, reflecting the level of scientific and technological progress and spiritual development. Thirdly, this is the need to move the study of genius to the level of socio-psychological and philosophical understanding. The modern social situation, when humanity faces the problem of choosing priorities in the fields of science and art, raises questions about human creative abilities, especially genius ones. Questions of the origin and development of genius remain unresolved, including their correspondence to the needs of society [1, p.53].

In philosophical anthropology and philosophy of culture, the role of genius in the cultural-historical process remains relevant. Additionally, it is important to explore the place of genius in social reality, considering its interaction with, and influence on, society, as well as the reverse impact of society on genius.

Thus, the interaction between society and genius is unthinkable without considering moral aspects, making the moral side and responsibility of genius activity and society especially relevant in modern conditions. As scientific and technological progress advances, life becomes more comfortable, but at the same time, the threat of self-destruction increases due to the dangers associated with new discoveries and inventions. Genius and its role have been a mystery since ancient times, but with the development of sciences such as genetics, sociology, physiology, and psychology, genius begins to be seen as a result of empirical data, and not as a supernatural phenomenon.

In the modern understanding, genius is seen as a subject who creates something new based on personal experiences and discretion. A genius's life is filled with contradictions and difficulties, but it is an important basis for the manifestation of their creative potential. In our age of post-industrial society and information explosion, studying genius is particularly important in various fields of activity, such as science, art, politics, and others, introducing new knowledge and changes [2, p.20].

A genius is seen as a discoverer of new things, at the forefront of cognitive activity. Modern philosophy, despite criticism of anthropocentrism, continues to explore the foundations of human creativity and the creation of something new. In the idealistic and materialistic directions of understanding genius, various perspectives exist on its origin and nature.

METHODOLOGY

This article utilized a systematic scientific approach to analyze the scientific and practical foundations of genius in sociology. This approach enables us to regard genius as a complex phenomenon encompassing various aspects of sociocultural activity and interaction with society. Expert interviews were conducted with representatives of the sociological and psychological community. Expert opinions aided in a better understanding of how genius impacts society and in identifying key questions for research.

Furthermore, statistical data analysis was conducted to assess the prevalence of different views on genius in society. This phase of the research facilitated the identification of general trends and discrepancies in perspectives on genius among various population groups.

Ultimately, using the analytical method, the received information was structured and systematized. This facilitated the formulation of the main conclusions and recommendations for further study of genius in sociology.

In the field of psychological research on the nature and development of genius, various methods are used:

1. **Biographical Analysis:** This method involves a careful study of available printed materials about a person in order to understand the source and nature of their genius. The focus is on one of the great individuals studied in this research. Examples include the autobiographies of prominent individuals, such as 'The Life of Benvenuto Cellini, as told by himself' and 'Ex-Wunderkind: My Childhood and Youth' by Norbert Wiener.

2. Case Analysis: This method involves intensive testing, interviewing, and observation of individuals. Initially, it was used to study gifted children, and then began to be used to study outstanding adults.

3. Statistical research: This method aims to identify general trends among large groups of people rather than a detailed analysis of individual cases. Information about outstanding people is taken from encyclopedias, biographical reference books and similar sources.

4. Historiometry: This method involves the analysis of all historical material associated with a particular person or group of people. Information is assessed based on consistent standards to provide an assessment of individual personality traits.

5. Study of IQ test results: This method involves examining the test results of numerous groups of children with high levels of intellectual development using appropriate tests. Test takers are selected based on IQ test results.

6. Longitudinal Study: This method involves long-term observation of the development of genius in individuals over time.

Each of these methods has its own characteristics and can be applied to a deeper understanding of the nature and development of genius.

Genius research uses a variety of methods, each with its own advantages and disadvantages. None of them can be considered the best or the worst in all respects.

Statistical and historiometric methods, as well as methods for studying the results of IQ testing, are applicable to the study of numerous groups, as they allow us to identify general trends. They are also relatively neutral and can be used to draw representative samples.

The biographical and case study methods allow us to gain a more complete understanding of a person and trace the influence of various factors on his development. However, studying modern geniuses can face difficulties, such as variability in their popularity and possible misjudgments.

The study of gifted children has the advantage of allowing us to view genius from a developmental perspective and to use an approach to analyze this problem. However, it must be taken into account that not all gifted children will necessarily become geniuses in the future.

The study of genius is a complex issue, and approaches to it may vary depending on cultural and philosophical contexts. Different philosophical schools strive to solve this problem taking into account their characteristics and traditions.

Throughout history, various concepts have emerged to explain the phenomenon of genius and genius. Some see the source within the person himself, suggesting that it is an innate ability that is developed through life. Others tend to attribute genius to external factors such as education, environment and epochal conditions. The idealist ideas often associate genius with spiritual or divine entities, while materialistic tendencies associate it with the surrounding world and circumstances.

The optimal approach is probably a combination of innate and acquired factors, where genius is shaped by both internal and external factors. In antiquity, genius was often associated with spirits or daimons that inspired and influenced a person from outside. In the Middle Ages, the concept of genius was rarely used due to the dominance of theological ideas, but similar concepts were present, for example, in the image of angels as sources of supernatural power.

During the Renaissance, the concept of "genius" begins to be used in the sense of the highest creative ability of an individual, and it is believed that genius is an innate gift. In this era, the idea of genius is associated with true artists, but the requirements of Renaissance aesthetics also presupposed extensive knowledge of both science and art.

During the Enlightenment, a materialistic understanding of genius was formed. Philosophers of this time, such as Gassendi, Hobbes, Locke, Voltaire, and Helvetius, believed that genius is an outstanding gift, but for them, genius is more a result of environmental influences than an innate ability. This tendency towards a rational explanation of genius develops until the 19th century when genius came to be understood not as a mystical phenomenon, but as a result of the influence of heredity, upbringing, and environment.

In the 19th century, opposing views on heredity and genius emerged, as presented in the works of F. Gall and F. Galton. They asserted that abilities, including genius, are inherited. However, perspectives on eugenics and its implementation methods still provoke debates. While genetic methods can be utilized to "breed" talented individuals, their complete flourishing necessitates an appropriate environment, which cannot be artificially created.

In the 18th century, the notion of artistic genius served as the cornerstone for a broader understanding of genius, with scientific genius solidifying its place only in the 19th century. The idealistic movement predominantly examined artistic genius, likely because within art, genius offers a vivid example for analysis.

In German aesthetics, starting with the work of A. Baumgarten, the concept of genius appears as an innate ability for art. Scholars such as I.G. Sulzer and G. Herder also note the natural innate ability for genius. However, as Sulzer notes, genius alone is not enough to create beauty; Appropriate technique, intelligence, and judgment are also required. G.E. Lessing believed that genius is expressed in intention based on reason, and genius has the right to establish the true laws of art, corresponding to the order of nature [3, p.10].

In the 18th century, there were two main directions in approaches to genius: idealistic and materialistic. In the idealistic direction, genius is considered as an intermediary through which the Absolute, Being, Nature speaks. Kant develops an aesthetic view of genius, believing that genius has the ability to bring the rules of nature into art. Romantics such as F. Schlegel and Novalis believe that genius is like God and creates its own reality, filling it with symbols. Hegel, on the other hand, considers genius a universal ability, applicable not only to artists, but also to other great personalities in various fields of activity. He connects artistic creativity with awareness of the highest interests of the spirit, noting that all creations exist in the spirit and for the spirit.

In the idealistic tradition of philosophy, thinkers such as A. Schopenhauer, F. Nietzsche, A. Bergson, and M. Heidegger regard genius as a mediator through which Being is manifested. M. Heidegger assigns significant importance not only to the artist but also to their work, seeing it as the source of truth [3, p.17].

Hermeneutic and existentialist philosophy, represented by G.-G. Gadamer and J.-P. Sartre [4, p.23], focus on understanding and interpreting the work through which genius expresses itself. Sartre argues that works lead a separate life and become alienated from their creator, while Gadamer emphasizes understanding as a pivotal element in the creative process.

Psychoanalysis, as elucidated by Freud, associates the wellspring of genius's creativity with the unconscious.

In Russian religious philosophy, thinkers such as N. Berdyaev, V. Solovyov and S. Frank [5, p.54] regard genius as the ability to unveil truth and establish a connection with the transcendent. Throughout the creative process, genius delves into its foundation - true being, thus introducing elements of truth into the world. S. Frank perceives genius as a fusion of individuality and objectivity, with genius serving as the point of their convergence, guided by the transcendent yet simultaneously liberated in its creativity. Upon concluding his analysis, S. Frank posits that God represents the metaphysical force that inspires genius.

K. Marx [6, p.47]. develops a materialist perspective in understanding genius, arguing that a genius must devote himself to the benefit of others and be a leader for the people. As Marxist philosophy further develops, it sees in genius the highest product of the development of matter, where genius is the concentration of all levels of complexity of matter in man. A genius, transforming nature, reveals its genius. In the context of Soviet psychology, developing in the Marxist tradition, abilities, including genius, are considered as the result of a combination of innate inclinations and development through activity [7, p.10].

RESULTS AND DISCUSSION

We asked teenagers about genius and more. The survey involved 150 students from schools for gifted children aged 14, 15, and 16 years. We decided it was fair that the answers of precisely these children would become an indicative factor for determining the categories of genius. The questionnaire consists of 8 questions, and it should be noted that the questionnaire was selected, compiled, and adapted for the age of the respondents.

1. In your opinion, genius is:

- A) high intellectual abilities – 44%
- B) realization of the innate high level of creative potential of the individual – 40%
- C) innovation – 9%
- D) a prerequisite for success – 1%
- E) eccentricity of thinking – 5.5%,
- F) genius is deception – 0.5%.

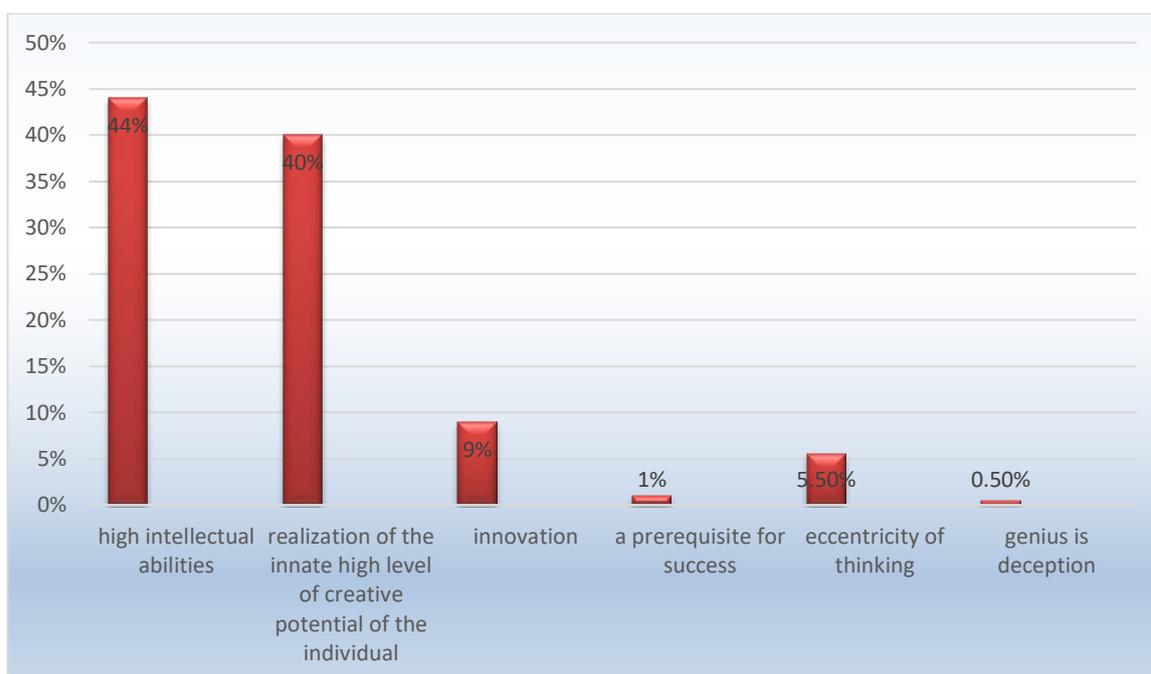

Diagram 1 Teenagers dynamics about genius

Based on the results of the answers to the first question (Diagram 1), the following conclusions can be drawn: according to the respondents, high intellectual abilities and the realization of the innate high level of creative potential of the individual are the main criteria for a brilliant person (44% and 40%, respectively), which we believe is justified and unconditional. It is noteworthy that students have their own original perspective on this issue, namely that, in their opinion, originality of thinking is an important factor in determining genius (5.5%). Apparently, these factors are not considered primary criteria due to their subjective and uncertain nature. We believe that this position is typical for children raised in non-modern families, where constancy, stability, and sustainability of various constructs of interpersonal relationships are valued. We believe that the 0.5% of respondents who consider genius a deception may be influenced by the current media landscape, which often presents unscientific information about genius, extraordinary personalities, and geniuses aimed at sensationalism and quick success.

Therefore, people, including teenagers, get the impression that genius is a commercialized concept used for certain purposes. To better elucidate the issue, it is necessary to explain the categories of intelligence and genius, to show their relationship and interdependence. Intelligence is the capacity to effectively employ one's mental faculties in the material realm: reactivity, logic, consistency,

concentration, and the like. Genius is a social phenomenon, the highest degree of manifestation of a person's creative powers, which is associated with the creation of qualitatively new, unique creations, and the discovery of previously unexplored paths of creativity. A vast amount of knowledge, mental flexibility, and remarkable intelligence - all these are just characteristics of human intelligence that accompany genius. Genius itself has long been regarded as an outcome of human existence for the collective good.

In this regard, the question logically follows in the survey:

In your opinion, what is the difference between brilliant people?

- A) the highest level of intelligence – 41%
- B) efficiency – 26%
- C) insanity – 20%
- D) non-standard thinking – 6%,
- E) sense of humor – 3%,
- F) resourcefulness – 3%,
- J) talent in everything – 1%

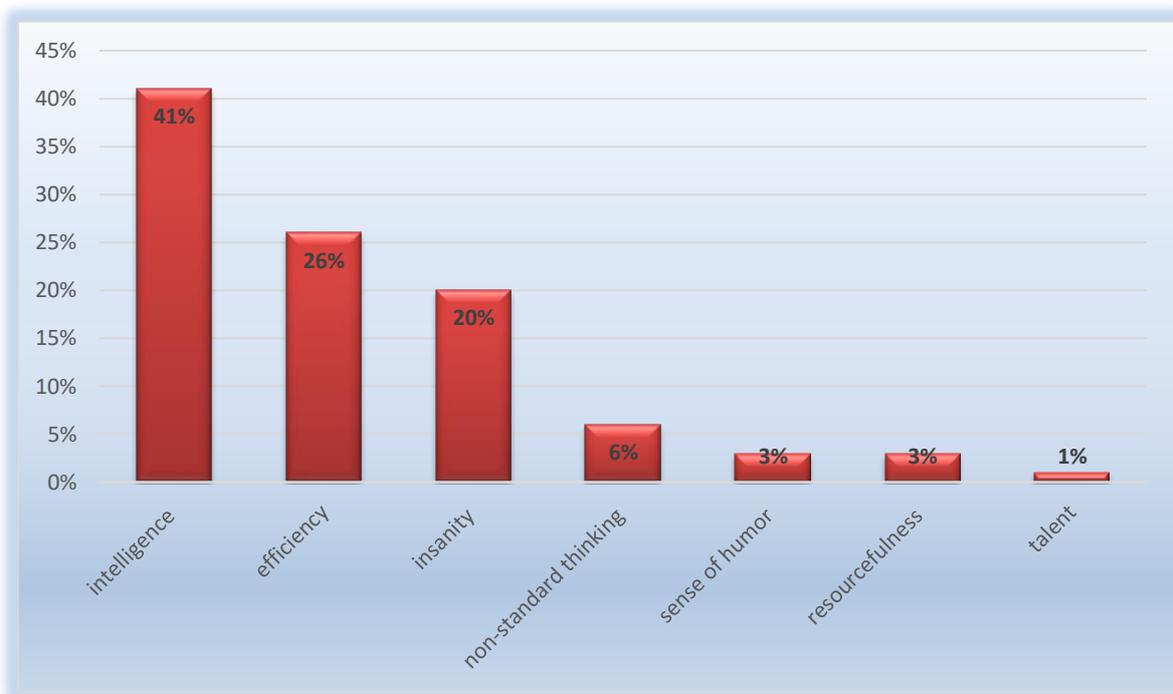

Diagram 2 In your opinion, what is the difference between brilliant people?

Analyzing the answers, we see that the majority of respondents (Diagram 2) (41% of respondents) suggested that brilliant people have the highest level of intelligence. For the respondents, productivity and eccentricity, 26% and 20% respectively, distinguish genius people. This is likely due to respondents providing the most common answer found in literature and media. Thus, we observe the undeniable influence of the social environment, literature, television, and surroundings. Thirteen percent of respondents who offered their own answers believe that brilliant people are distinguished by unconventional thinking (6%), a sense of humor (3%), resourcefulness (3%), and talent in everything (1%). From the respondents' answers, it is clear that the teenagers who answered the questions, especially those who chose option D, themselves exhibit non-standard thinking and originality, which is also one of the signs of genius; apparently, these are people distinguished by a sense of humor, creative thinking, and non-standard imagination.

We all more or less imagine a portrait of an intelligent person, but sometimes these portraits differ so much from each other that you begin to wonder what intelligence is and what human abilities it implies. Intelligence is a whole set of cognitive abilities: sensation, perception, memory, representation, thinking, imagination. With the help of intelligence, we find a way out of all kinds of situations, analyze and accumulate our life experience.

What distinguishes, in your opinion, gifted individuals:

- A) talent – 73%
- B) an unconventional outlook on life – 21%
- C) creative thinking – 6%

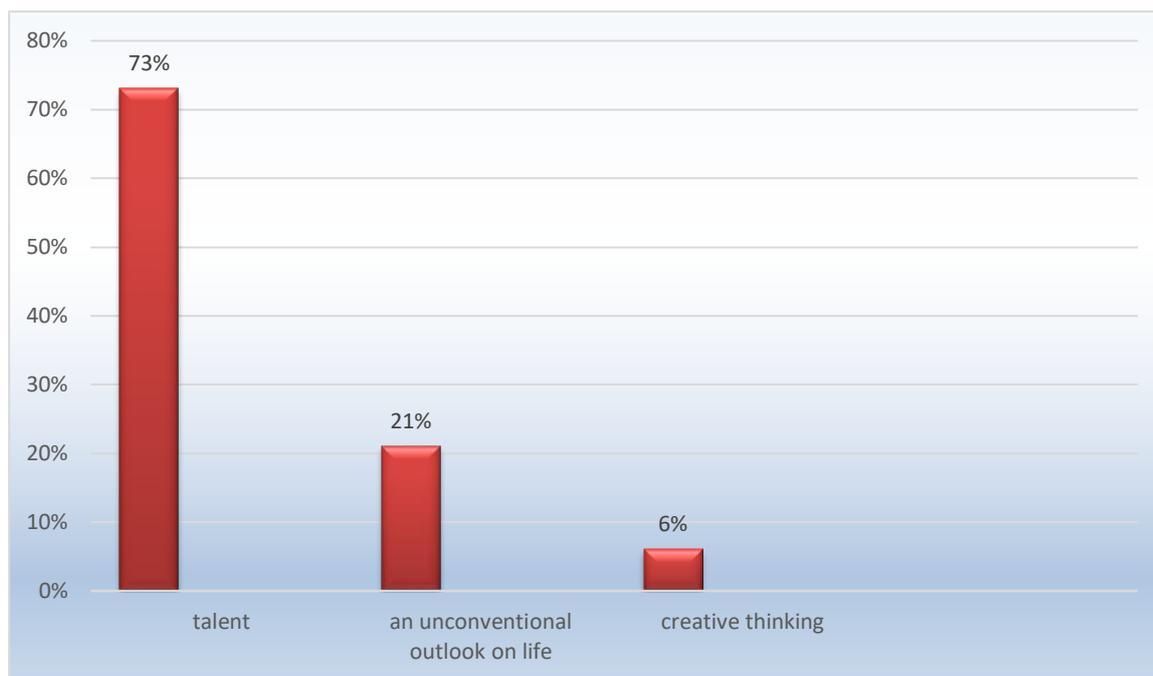

Diagram 3. The difference between gifted individuals

According to experts, gifted individuals are those who demonstrate a high level of achievement in one or more areas of activity, including intellectual pursuits, academic accomplishments, creative thinking, artistic endeavors, and athletic success. Giftedness in communication, leadership, and management is also recognized separately. As depicted in the graph (Diagram 3), school students believe that talent is an inherent aspect of giftedness. The survey data clearly illustrates that the majority of teenagers adhere to traditional notions of gifted individuals (73%). In our view, particular attention should be given to respondents who suggested that gifted individuals possess an unconventional outlook on life (21%) and that they exhibit creative thinking (6%). This undoubtedly reflects the original thinking of these adolescents.

CONCLUSION

The manifestation and development of talent depend on a person's activity and living conditions. A democratic style of relationships within the family, freedom from rigid norms of behavior, and exposure to creative role models for inspiration all contribute to the nurturing of talent. Genius, as defined, represents the highest form of creative activity by an individual, exerting a significant impact on society [8, p.63]. Often, a genius pioneers a new era in their field, demonstrating exceptional productivity, mastering the cultural heritage of the past, and actively challenging outdated norms and traditions [9].

In the contemporary Psychological Dictionary-Reference Book by Belarusian specialists M.I. Dyachenko and L.A. Kandybovich [10], giftedness is characterized by the presence of favorable

inclinations and abilities for specific types of activities in an individual. The development of these abilities, along with the level of knowledge and skill mastery, as well as achievements in professional endeavors, serve as indicators of an individual's giftedness. Success is frequently attained through a broad intellectual curiosity, an interest in diverse fields of science and art, and an ongoing commitment to personal and cultural growth.

Exploring Howard Gardner's concept of multiple intelligences and its impact on the educational process, the traditional approach to understanding intelligence believed it to be predetermined and unchangeable. However, Gardner offered a new perspective. He defined intelligence as the ability to find solutions to life's problems, absorb new knowledge, and create products or services for society. According to his theory, every person possesses nine types of intelligence, each varying in degrees of development. These intelligences encompass logical-mathematical, verbal-linguistic, musical, spatial, bodily-kinesthetic, interpersonal, intrapersonal, naturalistic, and existential-psychological intelligence. It is crucial to recognize that teachers can assist students in their learning by considering and nurturing diverse types of intelligence [11].

Research on genius in sociology reveals that deviations from commonly accepted norms can have both destructive and constructive aspects. Deviations, including behavioral ones, can be positive, contributing to progress and system development, or negative, disrupting the system [12]. Consequently, it is essential to differentiate between them and discern which component predominates in specific situations.

Researchers observe that the process of social evolution often hinges on prevailing forms of deviations in society. Change management strategies rooted in positive deviance approaches can foster organizational development. This entails actively seeking and disseminating methods employed by positive deviants to enhance effectiveness and attain objectives.

The transition to positive deviation tactics necessitates a shift in organizational roles, where managers must acknowledge the significance of the team's experience and initiative. Embracing such an approach can foster innovation and enhance work processes, particularly in dynamic environments requiring adaptation.

Our study concludes that genius and giftedness are vital aspects of human nature, exerting a substantial influence on societal development. Understanding their nature and manifestation mechanisms holds great importance across various domains, including education, science, art, and politics.

This research was informed by an analysis of previous scholarly works in the fields of genius, sociology, and sociocultural processes. Analytical and comparative methods were employed to systematize and compare diverse approaches to comprehending genius and its societal impact.

An essential phase of the research involved analyzing adolescents' perceptions of genius, conducted among students in schools for gifted children. The survey facilitated the identification of primary criteria for genius and the characterization of brilliant individuals, while also fostering discussions on their influence in shaping societal values and priorities.

Scientific insights underscore that the expression and nurturing of talent are contingent upon individuals' activity levels and living conditions. Genius represents the pinnacle of creative endeavor, wielding significant influence over society. Giftedness is discerned by the presence of favorable predispositions and aptitudes for specific activities.

In conclusion, further investigations in this domain promise to deepen our understanding of the factors fostering talent and genius development. Moreover, they offer avenues for crafting strategies aimed at effectively supporting and nurturing these attributes within society.

Литература:

1 Тадеев П.А. *Одаренность и творчество личности: Американский подход: Монография/ Ранок, 2008. – 240 с.*

2 Чернов С.В. *Книга о гениальности. Т. 1: Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Монография / С.В. Чернов. – Воронеж – Москва: АНО «Институт духовной культуры и свободного творчества», 2010. – 562 с.*

- 3 Гончаренко Н.В. *Гений в искусстве и науке.* – Москва: Искусство, 2014. – 432с.
- 4 Соловьев В.С. *Собрание сочинений в 12 томах.* – Москва, 2012. Том 10. – С.387.
- 5 Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии / Сост., авторы коммент. и послесл. А.В.Брушлинский, К.А.Абульханова-Славская.* - СПб.: Изд-во Питер, 2019. – 712с.
- 6 Рубинштейн С.Л. *Бытие и сознание. Человек и мир.* - СПб.: Питер, 2012. – 512 с.
- 7 Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность.* — Москва: Политиздат, 2017. – 352с.
- 8 Психология: *Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского.* 2-е изд., испр. и доп. Москва: Политиздат, 2019. – 494 с.
- 9 Ляшенко Л.Л. *Теории гениальности: сущность и классификация // Аналитика культурологии.* 2015. №3 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-genialnosti-suschnost-i-klassifikatsiya> (дата обращения: 21.09.2023).
- 10 Дьяченко А.М., Кандыбович Л.А. *Психологический словарь-справочник.* Минск: Харвест, 2004. – 576 с.
- 11 Kurt, S. *Theory of Multiple Intelligences – Gardner, in Educational Technology, December 19, 2020.* –URL: <https://educationaltechnology.net/theory-of-multiple-intelligences-gardner/> (Date of access: 02.10.2023).
- 12 Бабаева А.В., Попова Н.А. *Классификация позитивной девиации и ее проявления // JSRP.* 2013. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pozitivnoy-deviatsii-i-ee-proyavleniya-1> (дата обращения: 02.10.2023).

References:

- 1 Tadeev P.A. *Odarennost i tvorchestvo lichnosti: Amerikanskij podhod: Monografiya/ Ranok,* 2008. – 240 s.
- 2 Chernov S.V. *Kniga o genialnosti. T.1: CHelovecheskij genij: Priroda. Sushchnost. Stanovlenie. Monografiya / S.V. Chernov.* – Voronezh – Moskva: ANO «Institut duhovnoj kul'tury i svobodnogo tvorchestva», 2010. – 562 с.
- 3 Goncharenko N.V. *Genij v iskusstve i nauke.* – Moskva: Iskusstvo, 2014. – 432s.
- 4 Solovev V.S. *Sobranie sochinenij v 12 tomah.* – Moskva, 2012. Tom 10. – S.387.
- 5 Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshchej psihologii / Sost., avtory komment. i poslesl. A.V. Brushlinskij, K.A. Abulhanova-Slavskaya.* - SPb.: Izd-vo Piter, 2019. – 712s.
- 6 Rubinshtejn S.L. *Bytie i soznanie. CHelovek i mir.* - SPb.: Piter, 2012. – 512 s.
- 7 Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost.* — Moskva: Politizdat, 2017. – 352s.
- 8 Psihologiya: *Slovar / Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. YAroshevskogo.* 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Politizdat, 2019. – 494 s.
- 9 Lyashenko L.L. *Teorii genial'nosti: sushchnost' i klassifikaciya // Analitika kul'turologii.* 2015. №3 (33). –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-genialnosti-suschnost-i-klassifikatsiya> (data obrashcheniya: 21.09.2023).
- 10 Dyachenko A.M., Kandybovich L.A. *Psihologicheskij slovar - spravochnik.* Minsk: Harvest, 2004. – 576 s.
- 11 Kurt, S. *Theory of Multiple Intelligences – Gardner, in Educational Technology, December 19, 2020.* –URL: <https://educationaltechnology.net/theory-of-multiple-intelligences-gardner/> (Date of access: 02.10.2023).
- 12 Babaeva A.V., Popova N.A. *Klassifikaciya pozitivnoj deviacii i ee proyavleniya // JSRP.* 2013. №3. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pozitivnoy-deviatsii-i-ee-proyavleniya-1> (data obrashcheniya: 02.10.2023).

**САЯСИ ҒЫЛЫМДАР ПРОБЛЕМАЛАРЫ
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE**

МРНТИ: 11.15.81

Doi: 10.51889/2959-6270.2024.85.1.008

*Абсаптаров Р.Б.**

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Республика Казахстан
e-mail: absat41@mail.r*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЛЮДЕЙ

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы социально-политической активности людей, которые еще недостаточно изучены в социально-политической литературе.

В статье более подробно на материалах Казахстана рассматриваются вопросы социально-политической активности людей: понятие, содержание и определение социально-политической активности; проблемы и противоречия социально-политической активности казахстанцев и пути их решения; воспитание социально-политической активности казахстанского населения. Отмечается, что по своему происхождению и содержанию социально-политическая активность является продуктом общественного развития. Ее формирование происходит под воздействием объективных условий и субъективных факторов. Социально-политическая активность не является врожденным свойством людей. Ее нельзя заполучить в готовом виде от предшественников. Она формируется всей жизнью демократического общества, характером отношений между людьми на производстве и в жизни.

Важнейшей стороной социально-политической активности является ее воспитание. Без воспитания социально-политической активности немислим прогресс общества, немислима связь поколений и т.д. Результаты социально-политической активности населения – это их непосредственный вклад в определение основных направлений внутренней и внешней политики казахстанского государства, в осуществление этой политики, преследующей цель укрепить демократический образ жизни, обеспечить реальные шаги в направлении к справедливому обществу. Всему этому способствуют институты народной демократии, социально-политическая система общества в целом. Вместе с тем, в статье уделено внимание и дискуссионным вопросам.

Ключевые слова: Социально-политическая активность, активность, политическая участь, гражданское общество, сознание, прогресс, участие, демократия, справедливость, организация, воспитание.

Әбсаттаров Р.Б.*

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан Республикасы

АДАМДАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-САЯСИ БЕЛСЕНДІЛІГІ ТУРАЛЫ ОЙЛАР

Аңдатпа

Мақалада әлеуметтік-саяси әдебиеттерде әлі жеткілікті зерттелмеген адамдардың әлеуметтік-саяси белсенділіктерінің мәселелері қарастырылған.

Мақалада Қазақстанның материалдарын пайдаланып адамдардың әлеуметтік-саяси белсенділік мәселелері толығырақ қарастырылады: әлеуметтік -саяси белсенділік түсінігі, мазмұны және анықтамасы; қазақстандықтардың әлеуметтік-саяси белсенділігінің мәселелері мен қайшылықтары және оларды шешу жолдары; қазақ халқының әлеуметтік-саяси белсенділігін тәрбиелеу. Сонымен қатар, әлеуметтік-саяси белсенділік өзінің шығу тегі мен мазмұны бойынша қоғамдық дамудың жемісі екендігі атап өтіледі. Оның қалыптасуы объективті жағдайлар мен субъективті факторлардың әсерінен болады. Әлеуметтік-саяси белсенділік адамдардың туа біткен қасиеті емес. Оны дайын түрде алу мүмкін емес. Ол демократиялық қоғамның бүкіл өмірімен, жұмыстағы және өмірдегі адамдар арасындағы қарым-қатынас сипатымен қалыптасады.

Әлеуметтік-саяси белсенділіктің ең маңызды аспектісі - оны тәрбиелеу. Әлеуметтік-саяси белсенділік тәрбиесіз қоғам ілгері дамымайды, ұрпақтар арасындағы байланыс мүмкін емес және т.б. Халықтың әлеуметтік-саяси белсенділігінің нәтижелері олардың қазақ мемлекетінің ішкі және сыртқы саясатының негізгі бағыттарын айқындауға, демократиялық өмір салтын нығайтуға және шынайы өмір сүруді қамтамасыз етуге бағытталған осы саясатты жүзеге асыруға қосқан тікелей үлесі болып табылады, әділ қоғамға қадам басады. Осының бәріне халықтық демократия институттары мен жалпы қоғамның әлеуметтік-саяси жүйесі ықпал етеді. Бұл ретте мақалада дискуссиялық мәселелерге де назар аударылған.

Түйін сөздер: Әлеуметтік-саяси белсенділік, белсенділік, саяси қатысу, азаматтық қоғам, сана, прогресс, қатысу, демократия, әділеттілік, ұйым, тәрбие.

Absattarov R.B.

Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Almaty, Kazakhstan

REFLECTIONS ON THE SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF PEOPLE

Annotation

The article examines the problems of socio-political activity of people, which have not yet been sufficiently studied in the socio-political literature.

The article explores in more detail the issues of socio-political activity of people using materials from Kazakhstan: the concept, content and definition of socio-political activity; problems and contradictions of the socio-political activity of Kazakhstanis and ways to solve them; nurturing the socio-political activity of the Kazakh population. The article notes that in its origin and content, socio-political activity is a product of social development. Its formation occurs under the influence of objective conditions and subjective factors. Socio-political activity is not an innate property of people. It cannot be obtained ready-made from its predecessors. It is formed by the entire life of a democratic society, the nature of relationships between people at work and in life.

The most important aspect of socio-political activity is its education. Without the education of socio-political activity, the progress of society and the connection between generations are unthinkable, etc. The results of the socio-political activity of the population are their direct contribution to determining the main directions of the domestic and foreign policy of the Kazakh

state, to the implementation of this policy, which aims to strengthen the democratic way of life and ensure real steps towards a fair society. All this is facilitated by the institutions of people's democracy and the socio-political system of society in general. At the same time, the article also pays attention to controversial issues.

Keywords: Social-political activity, activity, political participation, civil society, consciousness, progress, participation, democracy, justice, organization, upbringing

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В данной статье мы предлагаем рассмотреть вопросы социально-политической активности людей в контексте современного общества, с особым вниманием к контексту Казахстана. На протяжении многих лет этот вопрос остается актуальным и требует дальнейших исследований и размышлений.

В начале исследования стоит разъяснить суть понятия социально-политической активности и ее определение. Это позволит нам лучше понять природу этого явления и его значение в современном обществе. Понимание социально-политической активности как результат взаимодействия человека с социальной средой и политическими институтами поможет нам осмыслить его роль в общественной жизни.

Далее мы обратим внимание на влияние социальной среды на формирование социально-политической активности и различные формы участия людей в политической жизни общества. Особое внимание будет уделено контексту Казахстана и его влиянию на социально-политическую активность его граждан.

Рассмотрение роли государства и гражданского общества станет ключевым моментом анализа. Мы исследуем взаимодействие государственных институтов и гражданского общества в контексте формирования социально-политической активности и выявим их влияние на данное явление.

В заключение подводятся итоги проведенного анализа и формулируются дальнейшие перспективы исследований в области социально-политической активности людей в современном обществе, с акцентом на контекст Казахстана. Таким образом, статья призвана внести свой вклад в понимание этого важного явления и его роли в общественном развитии.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего, следует отметить, что проблемы социально-политической активности людей еще недостаточно изучены в научной литературе. Естественно, что в одной статье невозможно охватить все вопросы этой проблемы. Поэтому в статье на материалах Казахстана рассмотрим некоторые вопросы социально-политической активности людей, которые еще не изучены или недостаточно изучены в политической науке.

Люди не рождаются с готовыми социально-политическими активностями. Поэтому готовых социально-политических активностей ни выпросить у добрых знакомых, ни купить в книжной лавке. Формируются социально-политические активности людей постепенно, под влиянием множества различных событий общественной и личной жизни. Социально-политическая активность человека «опирается на прочный фундамент научного мировоззрения» [1, С.306].

Человек – творец всех материальных и духовных богатств, а вместе с тем и своей собственной сущности. В зависимости от того, в какое положение человек поставлен, в зависимости от его способностей и социально-политической активности он по-разному, в различной мере воспринимает знания, опыт, нормы, ценности, и также по-разному воздействует на окружающий мир.

Усвоение общественного опыта и реализация своей собственной сущности производится человеком посредством выполнения той или иной социально-политической роли. Лишь выполняя социально-политическую роль, он включается в систему общественных отношений,

выступает как их носитель и творец, как фокус данного сплетения общественных отношений. При этом, усвоение прогрессивных идей, глубокое понимание их, проникновение в их сущности являются необходимым условием превращения их в социально-политические активности. Другими словами, прогрессивные идеи становятся глубокими внутренними социально-политическими активностями каждого человека лишь при том условии, если они усваиваются не только умом, но и сердцем, если они подчиняют себе не только сознание, но и чувства и волю.

К сожалению, несмотря на опубликованные работы по проблемам активности населения вообще, вопросы социально-политической активности казахстанцев остались неохваченными. Предлагаемая статья в определенной мере восполняет этот пробел.

Цель статьи – исследование вопросов социально-политической активности казахстанского населения. Для реализации поставленной цели определены основные положения статьи, выносимые на обсуждение, и задач, которые сводятся к следующему: концептуальное понятие содержание и определение социально-политической активности людей как проблемы политологии; раскрытие проблемы социально-политической активности казахстанцев и пути их решения; изучение вопроса воспитания социально-политической активности казахстанского населения.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическими основами исследования статьи послужили фундаментальные положения философии, политологии, социологии, достижения мировой общественно-политической мысли по проблемам активности населения вообще. При исследовании были использованы опубликованные политологические, социологические, философские, исторические, педагогические, психологические труды, имеющие отношение к теме исследования, а также материалы периодической печати, данные беседы, наблюдения.

Для проведения исследования по проблеме социально-политической активности людей, рассматриваемой в данной статье, был использован комплекс методов анализа, включающий следующие этапы. В этапе подготовки был проведен анализ научной литературы по теме исследования, а также анализ практических аспектов социально-политической активности в Казахстане. Целью настоящего исследования является рассмотрение проблем социально-политической активности людей с особым уклоном на контекст Казахстана, а также выявление влияния социальной среды на формирование этой активности. Объектом исследования выступает социально-политическая активность людей в современном обществе, с акцентом на контекст Казахстана. Для достижения поставленной цели были использованы методы анализа, сравнительного анализа, контент-анализа научных источников и официальных документов, а также метод экспертных оценок. Для сбора данных был использован анализ научной литературы, статистические данные, официальные отчеты и публикации, а также результаты предшествующих исследований в данной области. Полученные данные были проанализированы с использованием выбранных методов исследования с целью выявления основных тенденций и закономерностей в социально-политической активности людей. На основе проведенного анализа были сделаны выводы о сущности и особенностях социально-политической активности людей, а также сформулированы рекомендации по дальнейшему исследованию и практическим действиям в данной области. Таким образом, исследование основывается на систематическом анализе академической и практической информации с целью раскрытия проблемы социально-политической активности людей, а также предложения путей ее решения и дальнейших исследований.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Социально-политическая активность предполагает высокий уровень идейно-политического и социально-волевого развития человека, который не только проявляется при выполнении определенных служебных и общественных обязанностей, но и может далеко выходить за их рамки.

Социально-политическая активность человека по реализации его жизненной социально-политической позиции предполагает и такие качества, как самообладание, творческая смелость, способность идти на риск, если этого требуют интересы общества. При определенных условиях социально-политическая активность связана с проявлением гражданского мужества, несгибаемой воли.

Формирование социально-политической активности людей тесно связано прежде всего с трудом, с общественной практикой. Именно здесь при непосредственном участии людей в демократическом строительстве, в повседневной жизни, дерзаниях идеи, знания превращаются в социально-политическое активное действие; здесь они находят своё воплощение и подтверждение. Жизнь, её противоречия и трудности, достижения и победы являются лучшей проверкой истинности полученных знаний.

Таким образом, социально-политическая активность людей складывается не в мгновение ока и не в результате механического соединения только что приобретенных знаний. Она вырабатывается у человека на основе научных знаний, вырастает из всего жизненного опыта.

Прежде чем закрепиться в сознании людей и превратиться в их социально-политическую активность, знания, проходят большой и сложный путь. На этом пути они преодолевают целый ряд препятствий, прежде всего устаревшие взгляды на жизнь, субъективистское отражение противоречий объективной действительности, чуждое идейно-политическое влияние и проходят длительную проверку через различные испытания.

По-своему происхождению и содержанию социально-политическая активность является продуктом общественного развития. Ее формирование происходит под воздействием объективных условий и субъективных факторов.

Важно подчеркнуть, что социально-политическая активность людей формируется как под воздействием окружающей общественной среды, так и во взаимодействии с этой средой, ибо человек не только приспосабливается к среде, но и приспосабливает к себе эту среду, перестраивает, изменяет ее, создает, творит новое, вносит это новое в окружающую действительность.

Социальная среда, под воздействием которой формируется социально-политическая активность человека, наряду с социально-экономическими включает в себя также политические и культурные условия. Рожденное независимым казахстанское государство, которому чужды антогонизмы, принесло народам нашей страны освобождение от дискриминации по различным признакам, развязало творческую инициативу, социально-политическую активность людей. Оно, как и демократическое, социальное [2, С.4] в целом, приобщило населения к управлению государственными делами и производством, к руководству хозяйственным и культурным строительством, предоставило им право быть хозяевами своей страны и своей судьбы. Впервые в истории Казахстана именно народ стал понимать подлинную демократию как вполне реальную власть народа, как действительное управление делами общества, как развитие активности населения в сферах политической, социально-экономической и культурной жизни страны.

Дальнейшее развитие и закрепления подлинной демократии характеризуется все большим вовлечением народа в управление общественными делами страны. Это повышает ответственность казахстанского человека за дела и поступки свои и своих коллег по работе, соседей по месту жительства, за дела в коллективе и обществе в целом.

Следует отметить, что многочисленные формы участия массовых людей в общественной жизни страны способствуют росту политической, социальной и гражданской зрелости казахстанского человека, играют немаловажную роль в превращении знаний в социально-политическую активность. По мере того, как все больше массы людей втягиваются в активное, сознательное управление общественной жизнью, происходит духовное обновление нового Казахстана, т.е. нового казахстанского общества, а следовательно, и формирование, развитие социально-политической активности у его членов.

Новый Казахстан открывает новую полосу в развитии духовной культуры страны, играющей в формировании социально-политической активности человека немаловажную роль. К духовным факторам относятся наука, просвещение, литература и искусство, господствующая мораль. Думаю, новый Казахстан сделает науку непосредственным достоянием масс, перестроит образование на научной основе, расширит и сделает доступным все источники информации.

Чтобы плодотворно трудиться, сознательно преобразовывать мир, построить новый Казахстан, казахстанскому человеку нужны знания, а также необходимый уровень культуры. Одновременно это и неперемное условие формирования социально-политической активности.

Несомненно, что процесс формирования социально-политической активности происходит не стихийно, не самотеком, на почве лишь объективных условий. Успех в формировании социально-политической активности возможен только при взаимодействии объективных условий и субъективного фактора, их неразрывной связи и соответствия. Недостаточный учёт реальных условий приводит к абстрактному подходу, а преувеличение роли субъективного фактора – к существенным просчётам в формировании социально-политической активности. Формирование социально-политической активности человека – сложный, длительный, многосторонний, и противоречивый процесс. Он происходит в гуще самой жизни, под определяющим влиянием научного способа производства, демократических общественных отношений, социально-политических и культурных условий жизни, при возрастающей роли субъективного фактора – активной, вдумчивой и разносторонней идеологической работы Республики Казахстан.

Идеологическая работа всегда находилась в центре внимания нашего государства. При этом, чем грандиознее вставали задачи, чем сложнее складывались обстановка, тем с большей силой и полнотой наше государство осуществляло идеологическую работу по социально-политической активности среди населения. При этом мощным стимулятором социально-политической активности являются «процессы демократизации общества» [3, С.9].

Демократическое, справедливое же общество в Казахстане – результат коллективных усилий, социально-политических активностей, творческого, планомерно-организованного и сознательно направляемого труда миллионов масс.

Большая роль в решении многообразных социально-политических, экономическо-культурных задач принадлежит трудовым коллективам. Трудовой коллектив, являясь основной ячейкой демократического общества, наиболее активно развивает у людей ответственное отношение к труду и различной форме собственности, формирует у человека благородные цели и духовные потребности. При этом характерно, что инициаторами наиболее ценных начинаний людей являются активисты, работающие в трудовых коллективах.

Примеры высокой социально-политической, творческой активности работников, рождение ценных начинаний – явления для передовых трудовых коллективов и личностей [4, С. 39-49].

Социально-политическая активность как качество казахстанского человека обеспечивается правами и свободами, закрепленными в высшем законе нашей страны – Конституции Республики Казахстан.

Социально-политическая активность казахстанских людей, отражая требования общества к личности, есть необходимое условие решения важнейших задач строительства демократического, справедливого общества. В то же время общество создает все необходимое для утверждения и развития такой жизненно важной социально-политической активности. Последняя оценивается по ее идейно-политической, социальной направленности, по степени реализации в деятельности личности. Но неправильно было бы судить о социально-политической активности людей по формальным признакам: напористости, инициативности, смелости, увлеченности. Решающим в ее оценке является цель, которую ставит перед собой человек. Ведь карьерист тоже бывает инициативным, напористым, а порой и смелым. Но цель

его действий не интересы народа или общества, а личное преуспевание. Нередко исследователь бывает увлечен своей работой, но его захватывает лишь сам процесс научного поиска, а цель, во имя которой он ведется, ему безразлична. Характеризуя социально-политическую активность личности строителя демократического, справедливого общества, необходимо подчеркнуть, что основу ее составляет научное учение.

Социально-политическая активность казахстанцев – это усиленная, настойчивая деятельность людей, направленная на достижение определенных социально-экономических и политических целей, целесообразное осуществление социально-правового и политического порядка, справедливости в обществе, а также отстаивания своих взглядов.

Формы и методы конституционно-правового регулирования в казахстанском обществе способствуют реализации принципов социально-политической активности людей и социально-политической справедливости, реальному улучшению правового, социально-политического и «фактического положения человека и динамики продвижения общества к правовому и социальному государству» [5, С.12].

Результат социально-политической активности населения – это их непосредственный вклад в определение основных направлений внутренней и внешней политики казахстанского государства, в осуществление этой политики, преследующей цель укрепить демократический образ жизни, обеспечить реальные шаги в направлении к справедливому обществу. Всему этому способствуют институты народной демократии, социально-политическая система общества в целом.

В новом Казахстане сложились и постоянно укрепляются объективные и субъективные предпосылки, стимулирующие активное, осознанное и заинтересованное участие населения в многосторонней общественно-политической жизни. Среди этих предпосылок громадное значение имеет научно обоснованная, доступная и близкая народу политика современного казахстанского государства, его организаторская работа и политическое руководство обществом. И государство постоянно должно помнить о своей ответственности за руководство обществом, за правильность политического курса, за судьбы страны.

Участие казахстанских людей в политике как их потребность, как черта демократического образа жизни выражается прежде всего в активной, подкреплённой повседневными делами поддержки народа внутренней и внешней политики государства, его политического курса. Это результат многолетиями накопленного жизненного опыта, результат проверки на практике правильности государственной политики многими поколениями казахстанских людей всех национальностей, населяющих казахскую землю. Обоснованный, политически зрелый подход казахстанских людей к актуальным вопросам нашего развития, их суждения, высказываемые не только в официальной обстановке, на торжественных мероприятиях, но и в непринужденных беседах кругу коллег по труду, в публикациях печати, со своей убедительностью свидетельствуют о том, как дорожат люди нашей страны завоеваниями независимого, суверенного Казахстана, говорит об их глубокой заинтересованности развивать дальше наш демократический образ жизни.

С каждым годом расширяется непосредственное участие населения, прежде всего молодежи [6], в работе государственных и общественных организаций. При этом не только растёт число людей, приобщаемых к деятельности этих органов, весьма существенно, что становятся более весомыми реальные результаты такого участия, которые находят отражение в хозяйственном и культурном строительстве нового Казахстана.

О растущей социально-политической активности казахстанских людей свидетельствует превращение малого и среднего бизнеса в испытанный, каждодневно применяемый миллионными людьми метод строительства нового Казахстана, нового образа жизни. Размах малого и среднего бизнеса, его результативность, пропаганда передовых приёмов и форм труда, несмотря на имеющиеся ещё здесь недостатки и упущения, постоянно растут, причём становится все более эффективным вклад малого и среднего бизнеса в формирование у

населения зрелой гражданской ответственности, их социально-политической культуры – важных слагаемых нашего образа жизни. В центре внимания работников малого и среднего бизнеса, как мы знаем, находятся именно те проблемы, которые характеризуют основное, главное в современной политике государства – это эффективность и качество работы, рассматриваемые в широком диапазоне, соединение достижений научно-технического прогресса с преимуществами демократической, цивилизованной системы хозяйства.

Сошлемся ещё на такой фактор, характеризующий демократический образ жизни, как постоянно растущий интерес миллионов казахстанских людей к социально-политической информации. Люди проявляют высокую требовательность к тематике, содержанию, доходчивости, ясности, правдивости, оперативности такой информации, призванной служить им надёжной ориентировкой в повседневном труде, в жизни. Обо всем этом говорят многочисленные письма казахстанских людей в государственные органы, в редакции газет, журналов и телевидение.

Отметим, наконец, ещё одно важное обстоятельство, способствующее в сочетании с другими факторами развитию потребности казахстанских людей в активном участии в экономическом строительстве, в социальной жизни, в общественно-политической деятельности. Речь идёт о системе экономического, политического образования, пропаганде среди населения основ экономических знаний, социально-политического учения как теоретической основы политики государства. Изучение социально-политического учения составляет важнейшую особенность развития общественного развития на современном этапе. Главное здесь состоит в овладении людьми творческим методом социально-политического учения, методом познания мира, прежде всего общественных явлений, и самостоятельном его применении на практике, в укреплении ростков демократического образа жизни, рожденного Независимой, Суверенной Республикой Казахстан.

Изучая факторы, способствующие подъёму социально-политической активности казахстанских людей, обогащению их общественно-политической практики, мы в то же время не вправе забывать, что в реальной жизни есть обстоятельства, мешающие плодотворному развитию такой активности. Демократический образ жизни утверждает себя в непримиримой борьбе с проявлениями негативного стиля жизни, в противоборстве с реакционным, старым, отсталым, консервативным, мещанским: с бюрократизмом, казенным подходом к животрепещущим вопросам нашего развития, волокитой, администрированием, отрывом от народа и т.п. Хотелось бы заметить, что указанные негативные явления в бурном потоке жизни тоже не остаются в старом, неизменном виде, они эволюционируются, что усложняет борьбу с ними. На практике мы нередко встречаемся, с одной стороны, со все растущим активным, осознанным и, с другой стороны, пассивным, формальным, недостаточно заинтересованным участием некоторых людей в общественно-политической жизни. Порой даёт о себе знать несовершенство организационных форм, призванных стимулировать социально-политическую активность граждан. Нельзя сбрасывать за счета и известное влияние недружественной идеологии и пропаганды на сознание некоторых, малоискушенных в политике людей.

Одним из основных условий дальнейшего роста социально-политической активности людей является повышение их общей культуры и грамотности.

Как известно, общая высокая грамотность населения автоматически не ведёт к формированию социально-политической активности людей. И мы – казахстанцы имеем немало фактов, когда выпускники колледжей, а порою и вузов оказываются неподготовленными к восприятию и грамотному осмысливанию социально-политических событий. Государственные и общественные организации Казахстана настойчиво работают над повышением социально-политической культуры населения на основе дальнейшего совершенствования информации и пропаганды, распространения социально-экономических, политических, правовых знаний, изучения социально-политической жизни и т.д.

Важное место в этой работе принадлежит системе политического просвещения. Благодаря возросшему государственному вниманию, в политическом обучении населения произошли

положительные изменения. Вместе с тем, сегодня следует признать, что в отдельных курсах и семинарах система политического обучения людей ещё низка социально-политическая активность слушателей, недостаточно высок идейно-теоретический и методический уровень занятий, слаба связь изучения теоретических вопросов с практикой, с конкретными делами и задачами коллективов и общества. С целью дальнейшего совершенства этой работы намечены и уже проводятся научно-практические конференции, семинары слушателей по развитию социально-политической активности населения, разрабатывается комплексная программа политической учебы людей.

Следует сказать, что «осуществление социально-политической активности зависит от социально-исторического контекста» [7, С.99].

Важнейшей стороной процесса социально-политической активности является её воспитание. Без воспитания социально-политической активности немислим прогресс общества, немислима связь поколений и т.д. Воспитание социально-политической активности представляет собой формирование сознательных, высокоидейных, свободных от негативных пережитков прошлого, всесторонне развитых, творчески деятельных людей нового казахстанского общества.

Воспитание социально-политической активности – это единый процесс умственного, трудового и нравственного формирования человека. Несмотря на то, что каждая из этих трёх направлений имеет свои особенности, их необходимо рассматривать в органической связи друг с другом, так как они должны служить единой цели – воспитанию социально-политической активности, «высокой идейности и политической зрелости» [8, С.466] у казахстанских людей.

Такое воспитание населения, выполняющее социальную роль, наше государство рассматривает как необходимое условие построения демократического, справедливого общества. В настоящее время общественное значение воспитание социально-политической активности возрастает, все более сложными и многогранными становятся его задачи. Решить сложнейшие проблемы демократического строительства способны только высокосознательные, социально-политически активные люди. Чем выше сознательность членов общества, тем полнее и шире развёртывается их творческая, социально-политическая активность в создании нового Казахстана, в развитии новых отношений между людьми и, следовательно, тем быстрее и успешнее решаются задачи строительство нового казахстанского общества.

Воспитание казахстанского человека в духе социально-политической активности – объективная историческая необходимость, вытекающая из практики демократического строительства. Она – результат не только должной организации процесса воспитания, но и прогрессивных изменений общественных отношений. Вот почему с каждым нашим шагом вперёд воспитание социально-политической активности приобретает исключительно важное значения, становится все более мощным фактором в живом процессе строительства нового казахстанского общества, превращается в центральную задачу государственных и общественных организаций, всех людей страны.

Воспитание социально-политической активности представляет собой большое искусство, требует больших усилий. Здесь всегда надо помнить, что сами по себе хорошие качества человека не возникают, они воспитываются годами. Воспитание социально-политической активности не терпит стихийности. Оно всегда требует целенаправленной деятельности. Всесторонность воспитательного процесса означает также и его непрерывность. В нём не должно быть пауз.

Воспитание социально-политической активности населения Казахстана – это целенаправленная деятельность государства, политических партий, общественных организаций и объединений, отдельных граждан по передаче социального и политико-правового опыта, систематическое «воздействие на сознание и поведение казахстанцев в

целях ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование правовых, нравственно-политических норм казахстанского общества» [9, С.251].

В воспитании социально-политической активности людей важнейшее место отводится обучению, активному участию в трудовой и общественно-политической деятельности, просвещению, пропаганде и агитации.

Наиболее сильное воспитывающее влияние достигается сочетанием индивидуального и коллективного, то есть прямого и опосредственного воздействия на человека. В воспитании социально-политической активности следует учитывать активность самого человека, его личное стремление вырабатывать у себя идейно социально-политические активностей. Нельзя думать, что человек – лишь «объект воспитания социально-политической активности», на которого действуют исключительно со стороны и помимо его воли и усилий формируют его сознание. Человек – не пассивный объект процесса воспитания социально-политической активности. Он глубоко заинтересован в приобретении знаний, в сознательном развитии хороших качеств, в преодолении своих недостатков, пассивных сторон характера и т.д. Поэтому основной смысл воспитания социально-политической активности состоит в том, чтобы помочь казахстанским людям радостнее жить и трудиться, видеть вокруг себя подлинную красоту жизни, мобилизовать их усилия на активную, повседневную борьбу за построение демократического, справедливого общества. Воспитание социально-политической активности поднимает общественное сознание широких масс народа, освещает тот путь, который они должны пройти до победы нового Казахстана, где будут созданы условия, благоприятствующие всестороннему развитию способностей и творческой, социально-политической активности людей.

Таким образом, воспитывать социально-политическую активность – это значит готовить активных, стойких, решительно людей за торжество идей демократического, справедливого общества, борцов, понимающих великие цели и не жалеющих сил, энергии для достижения этих целей.

В нашей стране условия для воспитания социально-политической активности казахстанских людей благоприятные. Накоплен богатый опыт, выработаны соответствующие формы и методы воспитания. Государство располагает такими действиями воспитания социально-политической активности, как система образования, радио, телевидение, кино, Интернет, политическая и художественная литература, периодическая печать, искусство. Ежедневно общается с людьми огромная армия пропагандистов, лекторов, агитаторов. Большая роль в воспитании социально-политической активности принадлежит и трудовому коллективу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении можно сделать вывод, что социально-политическая активность – это сознательная, целенаправленная деятельность человека, ориентированная как на преобразование объективных социально-политических условий, так и формирование активной жизненной позиции людей, дающее социально-политическую характеристику личности, выражающее меру ее действенного отношения к обществу, к решению возникающих в ходе его развития задач. Вместе с тем, она – это та или иная степень практического участия социальных субъектов в общественной жизни, политике; это совокупность отдельных действий и взаимодействий людей, направленных на достижение какой-либо социально-политической цели.

Социально-политическая активность является предпосылкой всестороннего развития человека, необходимым элементом ускорения общественного развития [10, С.19].

Следует отметить, что социально-политическая активность не является врожденным свойством людей. Её нельзя заполучить в готовом виде от предшественников. Она формируется всей жизнью демократического общества, характером отношений между

людьми на производстве и в жизни, то есть благоприятными для казахстанского человека объективными условиями в сочетании с активным воздействием субъективного фактора – воспитательной деятельностью государства и общественной организации. Воспитание социально-политической активности – это не кратковременный акт, а длительный и многосторонний процесс. Оно всегда требует целенаправленной деятельности. Такое воспитание предполагает осуществление целого комплекса социально-экономических, политических и идейно-воспитательных мер, преобразование общественного сознания, нравов, привычек, быта людей.

Сегодня, главное состоит в том, что, несмотря на трудности, новый Казахстан создаст такие условия, стимулы, нормы, цели, которые вызовут к жизни новый тип поведения людей, новый тип личности. Суть его – в активном отношении к общественно-политической жизни, глубокой заинтересованности в утверждении демократического и справедливого общества.

Из всего вышесказанного вытекают определённые практические задачи для работников идеологическо-теоретического фронта, для политической пропаганды.

Во-первых, необходимо совместными усилиями учёных нашей страны, дружественных стран углублять научно-теоретический анализ актуальных проблем демократического образа жизни, в частности вопроса о критериях социально-политической активности различных социальных групп и слоев населения, о взаимосвязи производственной и общественно-политической активности населения; во-вторых, совершенствовать научный анализ, изучение и пропаганду среди населения политики нашего государства, его принципов и теоретических основ, не сводя дело лишь к изучению текущей политики и очередных документов и решений раскрывать взаимосвязь внутренней и внешней политики; в-третьих, на основе хорошо налаженной идеологической и организаторской работы постоянно множить ряды активных и сознательных участников общественного развития, повышать социально-политическую культуру всех казахстанских людей, неустанно работать над тем, чтобы нормы демократического образа жизни действительно стали сутью повседневных отношений между всеми членами нашего общества.

Литература:

- 1 Абсаттаров Г.Р. *Политологические проблемы правовой культуры Казахстана: новые подходы, оценки и решения.* – Алматы: Гылым, 2019. – 404 с.
- 2 *Конституция Республики Казахстан.* – Алматы: Норма-К, 2023. – 48с.
- 3 *Политический словарь.* – Москва: Высшая школа, 1995. – 192с.
- 4 Наурызбаев К. *Восхождение // Мысль.* – 2022, №12. – С.39-49
- 5 Айтхожин К. *Социальная справедливость: конституционно-правовые основы // Мысль.* – 2023, №3. – С.11-20
- 6 *Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях.* – Астана: Знание, 2014. – 168 с.
- 7 Жумакаева Б.Д. *Феномен политического поведения: теория и практика.* – Алматы: Экономика, 2009. – 280 с.
- 8 Абсаттаров Р.Б. *Общественно-политические науки: проблемы и суждения. В четырех томах. Т.1* – Алматы: Ұлағат, 2023. – 512с.
- 9 Абсаттаров Г.Р. *Право. Политика. Сознание.* – Алматы: Гылым, 2016. – 364 с.
- 10 *Соціологічна енциклопедія.* – Київ: Академвидав, 2008. – 410с.

References:

- 1 Absattarov G.R. *Political science problems of the legal culture of Kazakhstan: new approaches, assessments and solutions.* – Almaty: Gylym, 2019. – 404 p.
- 2 *Constitution of the Republic of Kazakhstan.* – Almaty: Norma-K, 2023. – 48 p.
- 3 *Political Dictionary.* – Moscow: Higher School, 1995. – 192 p.

4 Nauryzbaev K. *Ascent // Thought*. – 2022, No. 12. – P.39-49

5 Aitkhozhin K. *Social justice: constitutional and legal foundations // Thought*. – 2023, No. 3. – P.11-20

6 *Social activity of the youth of Kazakhstan in modern socio-political realities*. – Astana: Knowledge, 2014.–168 p.

7 Zhumakaeva B.D. *The phenomenon of political behavior: theory and practice*. – Almaty: Economics, 2009. – 280 p.

8 Absattarov R.B. *Social and political sciences: problems and judgments. In four volumes. T.1* – Almaty: Ulagat, 2023. – 512 p.

9 Absattarov G.R. *Right. Policy. Consciousness*. – Almaty: Gylym, 2016. – 364 p.

10 *Sociological encyclopedia*. – Kiev: Academy of Sciences, 2008. – 410 p.

МРНТИ: 18.31.09

Doi: 10.51889/2959-6270.2024.85.1.004

Ким Г.Н.*

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

г. Алматы, Республика Казахстан

e-mail: germankim01@yahoo.com *

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕЙСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ КРУЖКОВ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация

Корейский театр в Алматы – старейшее национальное учреждение культуры, действующее за пределами Корейского полуострова. Образованный в 1932 году во Владивостоке он оказался через пять лет в результате депортации корейцев из Дальнего Востока в г. Кызыл-Орде. История Корейского театра перестала быть *tabula rasa*, однако предыстория его зарождения остаётся пока малоизвестной. В начале 20 века во Владивостоке проживала прослойка корейской творческой интеллигенции, образовавшая любительские театральные кружки. В 1920-е годы советское правительство активно поддерживало развитие национальных культур на Дальнем Востоке, в том числе корейской. Любительские театральные коллективы ставили как народные корейские театрализованные представления, так и произведения советского соцреализма. Руководители корейских драматических кружков были политически ангажированы и пропагандировали идеи национальной независимости от японского колониального господства. В 1930-е годы на советском Дальнем Востоке действовали многие корейские театральные коллективы, ставившие спектакли на корейском и русском языках.

В статье, на основе привлечения новых источников, даётся анализ самодеятельного театрального искусства советских корейцев на Дальнем Востоке, характеризуются основные жанры творчества, отмечаются знаковые фигуры основателей и руководителей театральных кружков, раскрываются ошибки, перегибы и проблемы периода становления Корейского театра.

Ключевые слова: корейцы, Владивосток, театральный кружок, драматургия, агитация, пропаганда, просветительство

Г.Н. Ким*

ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

КОРЕЯ ТЕАТР ҮЙРЕМЕЛЕРІНІҢ КЕҢЕСТІК ҚИЫР ШЫҒЫСТАҒЫ ҮГІТ-ТӘРБИЕЛІК ҚЫЗМЕТІ

Аңдатпа

Алматыдағы корей театры Корей түбегінен тыс жерде жұмыс істейтін ең көне ұлттық мәдени мекеме болып табылады. 1932 жылы Владивостокта құрылған корей театры бес жылдан кейін корейлерді Қиыр Шығыстан жер аудару нәтижесінде Қызылорда қаласында пайда болады. Оның тарихы *tabula rasa*-дан артық болмағанымен, пайда болу тарихы туралы деректер аз қамтылған. 20 ғасырдың басында Владивостокта әуесқой театр үйірмелерін құрған корей шығармашыл зиялылар қауымы тұрды. 1920 жылдары кеңес үкіметі Қиыр Шығыстағы ұлттық мәдениеттерді, оның ішінде корей мәдениетін дамытуды белсенді түрде қолдады. Әуесқой театр ұжымдары корей халық театрларының қойылымдарын да, кеңестік социалистік реализм шығармаларын да сахналаған. Осы орайда корей драма үйірмелерінің жетекшілері саяси тұрғыдан ангажирленіп, жапон отаршылдығынан ұлттық тәуелсіздік идеяларын насихаттады. 1930 жылдары кеңестік Қиыр Шығыста көптеген корей және орыс тілдерінде спектакльдер қойған корей театр ұжымдары жұмыс істеді.

Мақалада жаңа дереккөздерді тарту негізінде Қиыр Шығыстағы кеңестік корейлердің көркемөнерпаздық театр өнеріне талдау жасалып, шығармашылықтың негізгі жанрлары сипатталады, театр үйірмелерінің негізін салушылар мен жетекші қайраткерлері атап өтіледі, корей театрының қалыптасу кезеңіндегі қателіктер, ауытқулар мен мәселелер ашылады.

Түйін сөздер: корейлер, Владивосток, театр үйірмесі, драматургия, агитация, насихат, тәрбие

G.N. Kim*

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

PROPAGANDA AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF KOREAN THEATER CIRCLES IN THE SOVIET FAR EAST

Abstracts

The Korean Theater in Almaty is the oldest national cultural institution operating outside the Korean Peninsula. Formed in 1932 in Vladivostok, five years later it ended up because of the deportation of Koreans from the Far East to the city of Kzyl-Orda. Its history no longer represents a *tabula rasa*, but the background of its origin remains little known. At the beginning of the 20th century, a layer of Korean creative intelligentsia lived in Vladivostok, forming amateur theater circles. In the 1920s, the Soviet government actively supported the development of national cultures in the Far East, including Korean. Amateur theater groups staged both Korean folk theatrical performances and works of Soviet socialist realism. Politically engaged leaders of Korean drama circles have promoted the ideas of national independence from Japanese colonial rule. In the 1930s, many Korean theater groups operated in the Soviet Far East, staging plays in Korean and Russian.

The article, based on the use of new sources, provides an analysis of the amateur theatrical art of Soviet Koreans in the Far East, characterizes the main genres of creativity, notes the iconic figures of the founders and leaders of theater circles, reveals mistakes, excesses and problems during the formation of the Korean theater.

Keywords: Koreans, Vladivostok, theater group, drama, agitation, propaganda, education

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья включает в себя анализ зарождения и развития корейских театральных кружков на советском Дальнем Востоке. Особое внимание уделяется влиянию политических процессов на формирование театрального искусства корейцев в Советском Союзе. Исследование предшествующего исторического контекста с учетом культурных и политических тенденций в период советизации народов СССР необходимо для полного понимания формирования корейских театральных кружков. В статье раскрываются процессы становления и развития театрального искусства советских корейцев в свете культурной революции и национальной политики советского режима. Учитываются многочисленные аспекты творческой деятельности, такие как развитие драматургии, поэзии, музыки, хореографии и дизайна, в контексте политических изменений в СССР. Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, который учитывает взаимосвязь театрального искусства с другими формами культурной выраженности и влияние политических процессов на эти аспекты. Применяется комплексный анализ, включающий как диахронные, так и синхронные методы исследования для выявления традиций и инноваций в творчестве корейских театральных кружков. Особое внимание уделяется роли контактных зон в формировании корейского театрального искусства, где происходит взаимодействие различных культур и традиций. Концепция "контактных зон" используется для объяснения уникальных возможностей обмена опытом и идеями между различными этническими группами. Исследование помогает понять важность исторической миссии корейских театральных кружков как символа национальной идентичности и культурного достояния казахстанских корейцев в контексте советской политики.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время за пределами Корейского полуострова проживают около 7.3 миллионов корейцев, в том числе самые крупные по численности в США (свыше 2,6 млн.), Китае (2,3 млн.), Японии (818 тыс.), Канаде (237 тыс.), Узбекистане (175 тыс.), России (168 тыс.). Хотя численность корейцев в Казахстане составляет 108 тыс., именно здесь действует единственный профессиональный корейский театр с уникальной исторической судьбой. Возникший на основе многочисленных на советском Дальнем Востоке образованных в русле «социалистической культурной революции» корейских драматических студий, кружков, концертных агитбригад он объединил самых талантливых творческих людей: драматургов, музыкантов, певцов и танцоров. Корейские театральные кружки действовали в крупных городах, прежде всего во Владивосток и Хабаровске, где проживали численно крупные корейские общины, а также в бывших корейских переселенческих сёлах, к примеру, в Пуциловке.

Руководители корейских драматических кружков, драматурги, артисты, певцы и музыканты отличались от основной массы корейских мигрантов не только уровнем образования, но и националистическими идеями и антияпонскими настроениями. Все они остро реагировали на политику насильственной «японизации» и выдавливания корейской культуры и корейского языка из общественного употребления. Поэтому в репертуаре корейских самодеятельных коллективов звучали призывы к борьбе за национальную независимость от японского колониального господства и укрепление советской власти, провозгласившей свободу и равенство всех народов в мире. У корейской творческой интеллигенции созрела искренняя уверенность в справедливости большевистской власти, обещавшей равные права всем гражданам социалистического государства. Патриотические и пропагандистские театрализованные представления, концерты агитбригад, новые советские песни и частушки, высмеивающие пережитки прошлого находили восторженных зрителей и слушателей.

Зарождение и развитие профессиональной культуры, системы образования, периодической печати среди корейцев Дальнего Востока тесно переплетались с кардинальными переменами в советской действительности, прежде всего с коллективизацией сельского хозяйства.

Зрителями постановок театральных кружков был простой народ из крестьян, рабочих, служащих и учащейся молодёжи. Поэтому слабый уровень артистизма, простота текстов песен и разыгрываемых сценок, схематичность оформления сцен, скудость бутафории и театрального реквизита компенсировалось энтузиазмом самодеятельных актёров и революционным пафосом.

В своей истории театр прошёл непростой путь, с остановками и продолжением странствия в пространстве и времени. Из своей колыбели во Владивостоке он был вывезен в связи с депортацией корейцев из Дальневосточного края в город Кзыл-Орду – первую «Красную столицу» Казахской АССР. Затем его переместили за полторы тысячи километров в небольшой город Уштобе, а затем вновь вернули в областной центр Кзыл-Орду. Согласно решения правительства КазССР Корейский театр переехал в 1968 году в Алма-Ату, где в пределах столицы сменил несколько адресов, прежде чем обрёл свой нынешний дом.

В 2022 году Республиканскому государственному академическому Корейскому театру исполнилось 90 лет. Уникальный национальный театр сохранил традиции песенного, танцевального и театрального искусства и культурное разнообразие современного Казахстана. Исследование прошлого и современности Корейского театра в Алматы позволяет лучше понять многообразие национальной культуры этносов, роль искусства в укреплении этнической идентичности и диаспорного самосознания, механизма взаимодействия с государственными органами в области культуры, связи с исторической родиной.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для понимания процессов его зарождения и специфики развития, особенностей творческой деятельности, исторической роли и важности миссии очага национальной культуры и символа идентичности казахстанских корейцев необходимо исследование не только непосредственной истории, но и предыстории Корейского театра. Статья впервые даёт обобщающий исторический анализ деятельности наиболее известных корейских любительских театральных кружков, молодых творческих людей, принявших решение служить Мельпомене и стоявших у истоков становления Корейского театра.

Историю развития театрального искусства из недр народной песенной, танцевальной и музыкальной культуры, практиковавшейся первоначально самодеятельными группами необходимо рассматривать в контексте развёртывания культурной революции и национальной политики большевистского режима, направленной на советизацию всех народов огромной страны. Лозунг советской культуры «социалистической по содержанию и национальной по форме» стал на многие десятилетия непреложным правилом для театрального искусства.

История зарождения театрального искусства советских корейцев тесным образом связана с процессами развития драматургической литературы, поэзии, народной и современной хореографии, музыки, дизайна, изобразительного искусства. Таким образом, междисциплинарность становится обязательным требованием методологии исследования при безусловном соблюдении стержневого принципа историзма.

Анализ истории зарождения и творчества корейских драматических кружков позволяет синтезировать общие причинно-следственные связи, свойственные всем национальным самодеятельным театральным коллективам, возникшим как грибы в период культурной революции. Тем самым реализуются методологические принципы переход от частного к общему и от простого к сложному.

В национальных театральных кружках сочетались языковые, пластические, музыкальные и изобразительные формы выражения мыслей и идей. В этом смысле использовался метод комплексного подхода к изучению творчества корейских любительских музыкально-драматических коллективов.

Национальное театральное искусство, которое зарождалось на основе самодеятельных (непрофессиональных) групп художественной самодеятельности, поэтому творческий

репертуар состоял с одной стороны из народных представлений, постановок из классической литературы, народной хореографии и песенных традиций, а с другой – новой пролетарской поэзии, литературы, драматургии, агитационно-пропагандистских шоу-программ. Таким образом, необходим метод диахронного и синхронного исследования, который позволяет проследить традиции и инновации в творчестве любительских драмкружков.

Становление профессионального Корейского театра происходило на базе множества любительских музыкально-драматических кружков, действовавших в советском Приморье – своеобразной «контактной зоны» взаимодействия русских и корейцев, русской и корейской культуры. Контактные зоны предоставляют уникальные возможности для обмена опытом, языками, традициями, идеями и другими аспектами культурного богатства. Понятие «контактной зоны» вошло в широкое употребление и используется в различных социально-гуманитарных науках. Взаимодействие этносов к контактной зоне происходит не только в пространственном измерении, в рамках обозначенных территориальных границ, но и во временном континууме, в хронологическом измерении. Поэтому понятие «хронотопа» должно служить одним из методологических инструментов в исследованиях контактных зон, ибо они возникают во времени, развиваются и исчезают само по себе, или ликвидируются насильственным образом.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

В исследования истории Корейского театра и его предыстории использовались разнообразные источники. Прежде всего документы фонда Корейского театра № 2046 в ЦГА РК, а также ЦГА РФ Дальний Восток, ЦГА Хабаровского края, государственных архивов Кызыл-Ординской, Алма-Атинской и Талды-Курганской областей. Вторую группу источников составляют материалы корейской газеты «Сенбон», издававшейся с 1923 года во Владивостоке, а затем с 1938 году под названием «Ленин кичи» в КазССР. Третья группа – справочные издания по национальным театрам СССР, советские энциклопедии, в том числе в БСЭ и книги, содержащие биографические очерки известных корейцев в СССР, в том числе представителей творческой интеллигенции, работавших в Корейском театре [1, 4, 13, 24]. Четвертая группа представлена вторичными источниками, книгами, диссертациями, статьями и научными докладами, опубликованными в Казахстане, России, Узбекистане, Корее и других странах. Ценной информацией и фотографиями поделились ветераны Корейского театра. Тем самым был создан солидный источников фундамент для воссоздания истории уникального национального учреждения искусства.

История Корейского театра на казахской земле получила освещение во многих публикациях: книгах, диссертациях, научных статьях, фотоальбомах, интервью и журнально-газетных очерках, среди которых особое место занимает книга «Советский корейский театр». Её автор - режиссёр Корейского театра Иосифу Ким, переработал свою кандидатскую диссертацию по искусствоведению и издал книгой в юбилейном 1982 году. В ней дана искусствоведческая экспертиза основных тем и жанров в репертуаре Корейского театра. Ценную часть книги составляет Список спектаклей, поставленных на своих театральных сценах во Владивостоке, Кызыл-Орде, Уштобе, Алма-Ате с 1932 по 1981 год. Он содержит такие важные сведения как год постановки, имя автора (ов) сценария, название пьесы, имена режиссёра-постановщика, художника и музыканта. Однако дальневосточному периоду истории становления Корейского театра отведено лишь несколько страниц, из которых половина о самостоятельных театральных кружках, на основе которых и был создан Корейский театр [6, С.6-10]

В 2007 году вышла книга под названием «История Корейского театра» в которой на русском, казахском и корейском языке рассказывается «об истории становления Корейского театра, его развитии, о людях, чьим талантом и самоотверженным трудом выжить в трудные

годы и достичь высот, которыми можно гордиться» [16, С.23]. В ней предыстория театра упоминается лишь парой строк.

Музыкальная, танцевальная и драматическая культура корейцев на Дальнем Востоке исследовалась в статьях, главах монографий, научных докладах российского исследователя В.А. Королевой, издавшей при финансовой поддержке Корейского научного фонда «Korea Foundation», монографию «Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России (1860-1937). Диалог истории и искусства» [14].

Некоторые сведения о Корейском театре можно почерпнуть в монографиях и статьях Ким Сын Хва, Ко Сонг Му, Ким Г.Н., Ни Л.А., Кан Г.В., Цой Ен Гын, Хван Ен Сам [5,7,16,25,26,27]. Две книги, посвящённые юбилейным датам корейцев Казахстана и Корейского театра, представляют собой фотоальбомы с краткой информацией об основных этапах развития театра, жанрах и формах деятельности, репертуаре и известных творческих личностях [2, 28].

В зарубежной историографии, прежде всего это касается публикаций южнокорейских учёных, Корейский театр упоминается, однако специальных исследований так и не появилось.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённое исследование выявило, что один из первых корейских театральных кружков был образован при Государственной табачной фабрике города Владивостока. Оказалось, что табачное дело было запущено во Владивостоке в промышленное производство до советской власти Иваном Яковлевичем Чуриным, известным в Сибири, Приморье и в Маньчжурии купцом, предпринимателем и общественным деятелем, основавшим широко известную сеть «Торговый дом И. Я. Чурин и К». На его предприятиях наряду с русскими работали китайцы и корейцы. С установлением власти большевиков Чурин уехал в Харбин, а нажитая им собственность в Хабаровске, Благовещенске, Иркутске и Владивостоке была конфискована. В том числе и папиросная фабрика, располагавшаяся в казармах Сибирского флотского экипажа.

Эту высокодоходную фабрику национализировали и переименовали в Гостабачную фабрику и поскольку среди рабочих было немало азиатов, в том числе и корейцев им было позволено организовать своей самостоятельный кружок. Безусловно власти видели в нем прежде всего инструмент большевистской агитации и пропаганды нового образа жизни.

Инициаторами создания кружка были рабочие Тен Ху Гем, Тен Виктор, Ли Ги Ен, Ли Мария, Цой Бон До, ставшая заслуженной артисткой КазССР. Двигателем в этом кружке стал Ким Ик Су (Ким Николай), который еще до революции познакомился с русской театральной культурой, в частности с театром В. Ф. Комиссаржевской, гастролировавшем в 1909 году по Сибири и Дальнему Востоку. Ким Ик Су страстно полюбил русскую литературу, культуру и театральное искусство. Он много читал, занимался самообразованием, мечтал о театральной карьере, хотел ставить театральные постановки для корейских зрителей. Вместе с Цой Бом До они стали первыми корейцами, участвовавшими в 1927 году в съёмках художественного «Вор» студии «Востоккино». Фильм режиссировал Валерий Инкижинов, но он, как и два других его фильма «Расплата» (1926) и «Комета» (1929) не сохранились в Госкинофонде СССР [17, С.5-12].

Двое из инициаторов корейского самостоятельного кружка при Гостабачной фабрики, как пишет Ю.П. Щуковская - археограф Приморского госархива, стали позже директорами Корейского театра. Первого директора – Ким Тхя, сменил 34-летний Тен Ху Гем, руководивший Владивостокским краевым корейским театром с июля 1933 года по июль 1934-го. Ему на смену назначили 30-летнего Виктора Леонтьевича Тена, имевшего опыт работы инструктором Владивостокского окружного исполкома, заместителя редактора корейской газеты «Сенбон» и помощника директора Корейского Интернационально пединститута. Перед депортацией 1937 года, как свидетельствуют архивные документы, театр вновь возглавил Тен Ху Гем [23].

Кружок при клубе «Синханчхон». Одним из ведущих кружков корейской художественной самодеятельности действовал в Новокорейской слободке – Синханчхон главного города российского Дальнего Востока. С самого начала переселения корейцев в русское Приморье город Владивосток стал центром корейской общественной, экономической и культурно-образовательной жизни. Корейцы селились в городе с самого начала его становления, и к середине 1870-х их численность исчислялась сотнями человек. Число корейцев-горожан постоянно росло и в 1914 году во Владивостоке и его окрестностях проживало до 10 тыс. корейцев. Они занимались прибрежными перевозками, работали грузчиками, носильщиками, мелкими торговцами. Часть корейцев занималась рыбной ловлей и добычей морепродуктов в прибрежных водах. Со временем среди корейцев появились зажиточные и грамотные люди [15, С.22].

С установлением большевистской власти, провозгласившей равенство всех народов, корейцы стали пользоваться правами советских граждан. Проводимые в 1920-1930 гг. в стране реформы, касались образования и культуры корейцев, в местах компактного проживания действовали школы с корейским языком обучения. Во Владивостоке был открыт корейский институт. С марта 1923 г. во Владивостоке стала издаваться газета «Сэнбон», тираж которой вырос в 1930 г. до 10 тыс. экземпляров. Вокруг редакции газеты сложилась группа корейских авторов, переводчиков и журналистов, насчитывавшая около 40 человек [20, С.12-13]. Зародилось радиовещание на корейском языке, об истории которого также мало что известно. По сохранившейся фотографии коллектива корейского радиовещания 1937 года, накануне депортации корейцев можно видеть, что в нем были заняты будущие артисты корейского театра.

В драмкружке Новокорейской слободки, созданном в 1924 году участвовали молодые талантливые корейцы, ставшие впоследствии известными актерами и деятелями искусства, в том числе Ли Хам Дек – народная артистка КазССР; Ли Гир Су - заслуженный артист КазССР; Тхай Дян Чун - заслуженный деятель искусств КазССР, член Союза писателей СССР; Ким Хя Ун и другие.

Вплоть до организации Корейского театра драмкружок в Синханчоне был центром творческой молодежи и цвета интеллигенции корейцев Владивостока, сыгравших важную роль в становлении театрального искусства. Репертуар кружка первых лет деятельности составлял и пропагандистских постановок о революции и борьбе за установление власти большевиков. Сценарии писали участники кружка, часто обсуждения случались очень бурными. Воплощение на сцене зачастую было спонтанным, мизансцены разыгрывались путём проб, устранения ошибок и внесенных изменений. Будущий драматург Корейского театра Тхай Дян Чун делал свои первые шаги и одна из первых пьес по названию «Огонь» писалась совместно с актёром Ким Хя Уном. Пьеса – пафосная демонстрация величия большевистской революции, открывшей новую эру социализма. Другая пьеса, написанная Ким Хон Сика – «Колочая проволока», рассказывала об ужасах и страдании простого народа в первой мировой войне. Кружок инсценировал революционно-романтическое произведение «Овод» англо-американской писательницы Этель Лилиан Войнич. В романе повествуется история молодого, наивного, полного иллюзий Артура Бертон, участника подпольной революционной организации «Молодая Италия» в первой половине XIX века. Оклеветанный и отвергнутый всеми он разыгрывает самоубийство, и через много лет возвращается под псевдонимом «Овод» совершенно другим человеком [10, С.6]

Драматический кружок в «Синханчхон» отличался прочными творческими связями с русским ТРАМОм (Театром рабочей молодежи), а затем с русским драматическим театром города Владивостока. Помимо этого, с первых же дней в кружке устраивались просмотры спектаклей с участием журналистов, в первую очередь газеты «Сэнбон», студентов и преподавателей корейских учебных заведений, чиновники от образования и культуры, мелкие партийные работники. Обсуждения, обмен мнениями, критика – все это шло на пользу в

развитии творческого потенциала кружковцев, улучшении репертуара и повышении исполнительского мастерства. Многие из кружковцев работали затем в Корейском театре, образованном в 1932 году.

Кружок при корейской школе 9-летке города Владивостока. В первые десятилетия большевистской власти Владивосток стал городом, в котором бурно развивались учреждения образования и культуры советизирующихся малых народов. Поэтому в разных его частях, где осели большие общины корейцев стали действовать любительские корейские драматические кружки. Один из них возник и действовал в средней школе №8. В книге «Советский корейский театр» о нем всего 4 строчки, приведённые целиком: «Он был филиалом драматического кружка слободки «Синханчхон». Из этого кружка вышли режиссёры Ен Сен Нен - заслуженный деятель искусств КазССР, драматург, член Союза писателей СССР; Цой Гир Чун - заслуженный работник культуры УзССР и Ли Ген Хи - заслуженная артистка УзССР.» [13, С.516, С.546].

Организаторами и главными действующими лицами самодеятельной группы стали Ен Сен Нен и Ли Ген Хи, впоследствии вышедшая за него замуж и ставшая спутницей жизни. Свою первую пьесу «Любовь и победа» Ен Сен Нен написал, будучи учеником седьмого класса, в 1927 году ее школьная инсценировка была представлена на конкурсе художественной самодеятельности Приморского края. Вскоре Ен Сен Нен организовал театральную агитбригаду под названием «Синяя блуза». В Советском Союзе таким названием действовали тысячи молодёжных коллективов художественной самодеятельности, задача которых заключалась в агитации, пропаганде и просвещении людей путем театральных представлений. Культуртрегерский феномен «Синей блузы» было особо замечен в 1920-1933 годах [18, С.8-35]. Стационарные и мобильные агитбригады поднимали на театральных сценах и импровизированных подмостках злободневные темы: от политической ситуации в мире до мелочей советского быта. Название пошло минималистической, пролетарской экипировки самодеятельных артистов -синей блузы и чёрных брюк или юбок. Агитбригады синеблузников выступали с пропагандистскими стихами, хоровыми декламациями, физкультурными сценками перед простым людом, ездили по заводам, фабрикам и сельским клубам.

Для Ен Сен Нена и его жены - актрисы Ли Ген Хи «Синяя блуза» стала своеобразной школой, в которой они проходили обучение практикой, через эксперименты, неудачи и работу над ошибками. Вскоре стало ясно, что для настоящего искусства только энтузиазма, энергии и желания недостаточно для достижения успехов. Поэтому молодая творческая пара решила получить профессиональное образование в Москве. Ен Сен Нен стал студентом режиссёрского факультета ГИТИСа (Государственный институт театрального искусства – один из крупнейших театральных вузов в мире, основанный в 1878 году и расположенный в Москве), а его жена поступила на актёрское отделение театрального училища. Однако студенчество оказалось коротким, так как его вызвали назад во Владивосток спасать Корейский театр, оставшийся без режиссёра. На заседании Дальневосточный крайком партии большевиков, в котором приняли участие лучшие представители корейской интеллигенции Ен Сен Нену и Ким Тхя было поручено возродить Корейский театр. Директором театра стал Ким Тхя, главным режиссёром - Ен Сен Нен. В театр пришли такие самородки корейского театрального искусства как Ким Дин, Ли Хам Дек, Цой Бон До, Ким Хе Ун и другие артисты [11, С.12].

Ен Сен Нен написал около 20 пьес, почти все они были поставлены на сцене Корейского театра. Две пьесы: первая пьеса «Олимпик», а вторая “Колокола ада” пользовались особой популярностью и зрительской симпатией. Успех спектаклей Ен Сен Нена, по его словам, достигался благодаря актерскому мастерству Ли Ген Хи – супруги и сподвижнице [24, С.124, 340].

О третьем со-организаторе кружка – Цой Гир Чуне практически ничего неизвестно, хотя его имя и звание - заслуженный работник культуры Узбекской ССР широко упоминается в публикациях о советских корейцах или о Корейском театре. Однако поиски в интернете не дают никакой информации о нем, в энциклопедиях и справочниках об известных советских корейцах о нем даже краткого биографического очерка. Мы не знаем даже даты и места его рождения и смерти. Упоминается, что в 1935 году он после окончания ГИТИСа стал

работать главным режиссёром Корейского театра. После депортации он оказался в Ташкенте и работал главным режиссёром Ташкентского областного корейского театра [11, С.12].

Корейский драмкружок при ШКМ села «Пуциловка». Село Пуциловка сыграло важную роль в истории переселения корейцев на российский Дальний Восток. Его название села связано с именем капитана Михаила Пуцилло, которого власти Южно-Уссурийского края наделили особыми полномочиями в обустройстве корейских переселенцев. Из-за нехватки финансового обеспечения молодой чиновник потратил немало личных средств для смягчения тягот пришлых корейцев. Когда в 1971 году М. Пуцилло уезжал из края корейцы в знак благодарности установили два памятника с одинаковой надписью: «Капитану Михайло Иванычу Пуцилло. За любовь и справедливость к корейскому народу». По настоянию корейцев, одно из основанных ими селений получило название Пуциловки. К 1878 году в большом корейском селе по данным поручика В. Висленева насчитывалось 173 фанзы и в нем проживало 799 человек [21, С.57-77]

Многие сельчане приняли православие, чтобы получить русские паспорта и соответственно по 10 десятин земли на «взрослую душу мужского пола». Поэтому в Пуциловке в 1889 освятили церковь, в селе действовали 2 церковно-приходские школы. В 1916 году в деревне появилось кирпичное здание двухклассной церковно-приходской школы, которое, стало одним из лучших в области. Две учебные комнаты в школе соединялись аркой с раздвигающейся перегородкой, здесь была предусмотрена сцена для устройства народных чтений, утренников и школьных спектаклей [9, С.6].

После установления советской власти в Пуциловке проживали 300 корейских семей, которыми управлял сельсовет. В здании прежней церковно-приходской школы устроилась новая школа крестьянской молодёжи (ШКМ). В ней стал действовать корейский драматический кружок, организованный в 1929 году. Руководили драмкружком Пак Ир Петр Александрович и Ким Дин, активное участие в работе драмкружка принимал писатель Те Мен Хи, писавший пьесы, сценарии вечеров, тексты частушек и песен.

В течение учебного года участники драмкружка репетировали сценки и пьесы, готовили репертуар, а затем, в период летних каникул, ездили с выступлениями по корейским деревням и рыбацким селениям Приморья. Спектакли проходили в колхозных клубах, избах-читальнях, а зачастую под открытым небом на импровизированных сценах полевых станков. Доводилось выступать перед рыбаками прямо на палубах шхун и на пристанях. Драмкружковцы должны были нести в массы не только культуру, но и заниматься агитацией большевизма, разъяснять текущую внутри и внешнеполитическую ситуацию.

Пьесы по сюжету были простыми, поэтому одноактными с небольшим числом действующих лиц. Но порой в массовку – пение и танцы вовлекались зрители, что вызывало, прилив радости и энтузиазма. Особой популярностью пользовались сатирические сценки, высмеивавшие «дядю Смита», Чемберлена, акул мирового капитализма, врагов советской власти и отсталых людей, живущих по старинке.

Гастроли длились с начала до конца лета, заработанные деньги шли в кассу ШКМ. Часть полученных средств тратилась на пошив или приобретение костюмов, театральной атрибутики: грима, париков и т.д. Еще одна часть заработка распределялась между членами драмкружка, оказавшихся в безденежье, а остальная часть - на поощрение особо отличившихся.

Впоследствии Пак Ир П.А. стал одним из первых корейцев, получивших ученую степень кандидата философских наук, проректором Пхеньянского университета, получившего имя Ким Ир Сена, а после возвращения в Казахстан – доцентом КазГУ им. С.М. Кирова. Он вошел в историю корейской диаспоры своим стремлением добиться политической реабилитации депортированных корейцев и создания национальной автономии на советском Дальнем востоке. В последние годы жизни Пак Ир принимал деятельное участие в создании ассоциации корейцев в Казахстане. За его энциклопедические знание Кореи, истории страны и культуры его называли «народным академиком» [19].

Ким Дин получил за множество ярко исполненных ролей на сцене Корейского театра звание «Народного артиста Казахской ССР», поэтому лучшим актёрам Корейского театра вручается премия, названная его именем [24, С.213-214].

Корейский поэт и прозаик, лидер группы пролетарских писателей в Корее, член СП СССР Тё Менхи (псевдонимы Фо-Сек (Посек) и др.) стал одним из основоположников современной корейской литературы. В 1937 году он был репрессирован сталинским режимом, в 1938-м - расстрелян, а в 1956 году реабилитирован посмертно и восстановлен в правах члена Союза писателей СССР. Его писательский талант признается как на Севере, так и на Юге Корейского полуострова [25, С.159-161].

Драмкружок при Корейском педагогическом техникуме. Считалось, что на Дальнем Востоке была два корейских педтехникума, но в поисках сведений о «драмкружке при корейском педтехникуме» свершилось неожиданное «открытие», что он был в единственном числе. Дело заключалось в том, что задолго до образования корейского педтехникума - в мае 1918 года в Никольск-Уссурийске открылась первая корейская учительская семинария. В бурных событиях первой половины 1920-х годов судьба корейской семинарии оказалась плачевной. Осенью 1922 г. состоялся последний набор учащихся, а весной следующего года – первый выпуск. Учитывая острую нехватку учительских кадров для корейских школ и отсутствие специального учебного заведения местные власти рассматривали вопрос о возобновлении деятельности семинарии.

Но затем мнение изменилось в пользу открытия при Никольск-Уссурийском педтехникуме корейского отделения. Осенью 1923 года набрали учащихся в два корейских класса, однако в марте 1924 года представители Корейской секции РКП(б) при Примгубкоме подняли вопрос о необходимости образования отдельного Корейского педагогического техникума. В 1927-28 году его возглавлял Хан Мён Се - талантливый организатор и руководитель учебных заведений [12,С.6].

В 1936 году Никольск-Уссурийский педагогический техникум был переименован в Ворошиловское педагогическое училище, из названия исчезло слово корейское. Поэтому считалось, что Корейский педтехникум в Никольск-Уссурийске и Ворошиловское педагогическое училище два разных учебных заведения, действовавшие в одно и то же время. Но самом деле один педтехникум, переименовали и реорганизовали в другой на базе прежнего.

Таким образом, в Никольск-Уссурийском корейском педтехникуме в период руководства им Хан Мён Се начал действовать драмкружок. Его участниками были преподаватели техникума, имена которых остаются нам пока неизвестными. Иосиф Ким отмечает, что драмкружок в педтехникуме отличался своей тягой к мелодраматическим мини-пьесам. Постановки проходили в стиле названном по-корейски «син бансик» (신방식), что означает «новый метод». Синбансик в деятельности корейского драмкружка проявлялся в смешении различных стилей и направлений в культуре и искусстве. Сценическая речь и движения были далеки от естественных, в них была явная напыщенность, оглушительная патетика и неуместный гротеск. Деятельность драмкружка при Корейском педтехникуме по всей видимости не пользовалась большей зрительской популярностью, а метод «син бансик» вызывал возражения других корейских драмкружков [6, С.8-9].

ДИСКУССИЯ

Революция 1917 года положило начало коренной ломке прежнего уклада жизни всех народов царской России. Вожди большевизма понимали важность культурных рычагов воздействия на сознания масс. Исследователи отмечают, что в 1920-х годах театральное искусство, как и вся культура в молодой советской республике развивалось относительно свободно, осуществлялись новаторские постановки, в творчестве режиссёров смешивались разные направления в искусстве – реализм, конструктивизм, символизм и т.д. Театр вышел за пределы зрительского зала и перенёсся на площади, стадионы, полевые станы и заводские

цеха. Наряду с профессиональными театрами действовали тысячи самодеятельных театральных кружков под названиями агит-театры, театры Пролеткульта, солдатские театры и так далее. Сцены колхозных клубов и учебных заведений стали эпицентром важных мероприятий: праздничных собраний, церемоний вручения наград отличившимся в колхозном производстве, гражданской войне за установление советской власти, которые завершались концертами или театрализованными представлениями художественной самодеятельности.

На советском Дальнем Востоке, где по данным переписей населения 1920-х годов проживало от 110 до 180 тыс. корейцев, действовали кроме упомянутых корейских драмкружков и другие группы театральной самодеятельности. деревенских клубах и школах действовала художественная самодеятельность. Поэтому необходимо продолжить поиски архивных документов и иных источников по выявлению менее значимых самодеятельных коллективов художественной самодеятельности в корейских колхозах, возникших на Дальнем Востоке к концу 1920-х годов.

Дискуссионными остаются многие вопросы, связанные с общей числом и локализацией корейских театральных кружков и групп художественной самодеятельности среди корейцев Дальнего Востока; финансированием любительских творческих коллективов; взаимодействия с русскими профессиональными театрами; формирования репертуаров, передвижной и гастрольный характере концертных программ и агитационных представлений.

Следует выяснить посредством контент-анализа газет и журналов, издававшихся на корейском языке и прежде всего газеты «Сэнбон», с какими проблемами сталкивались театральные кружки, часть из которых прекратила по тем или иным причинам свою деятельность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарождающееся в самодеятельных кружках театральное искусство советских корейцев оказалось под влиянием разных традиций классической и народной корейской и русской культуры. Идеи коммунизма и большевистская диктатура определили столбовую дорожку развития советской культуры. Директивные методы руководства и контроля наравне с издержками обеспечили значительные успехи в ликвидации безграмотности и приобщения широких масс к высокой культуре. На Дальнем Востоке формировалась элита советских корейцев, в том числе и в творческих кругах.

Корейские драматические (театральные) кружки и группы художественной самодеятельности, зародившиеся и действовавшие во Владивостоке и других городах и корейских селах Дальнего Востока, сыграли важную роль в пропаганде нового образа жизни, воспитании чувств патриотизма к порабощённой японским колониальным режимом родине – Корее, развитию национальной культуры и искусства.

Театрализованные представления и концерты, на которые собирались десятки, а порой и сотни зрителей-корейцев способствовали укреплению чувств единства по этническому признаку, связей с народной культурой, сохранению и развитию корейского языка. В массовое сознание закладывались верность идеям большевизма, преданность социалистической отчизне и пролетарская солидарность с угнетённым японским колониализмом народом Кореи.

Многие участники драмкружков стали позже руководителями и ведущими актёрами Корейского театра, созданного в 1930 году во Владивостоке и действующего поныне в городе Алматы. Корейский театра стал своеобразным хабом, объединившим все интеллектуальные силы, национальную интеллигенцию и творческую элиту советских корейцев.

Самодеятельные ансамбли песен и танцев, любительские театральные группы возродились после депортации 1937 года в передовых корейских колхозах Казахстана и Узбекистана. После периода застоя и национального нигилизма брежневского периода с началом горбачевской перестройки и гласности начался этнокультурный ренессанс всех советских народов, в особенности коснувшийся депортированных народов, отказанным сталинским режимом в доверии и обвинённым в политической неблагонадёжности. Этот феномен пока не получил должного внимания в отечественной историографии.

Литература:

- 1 Большая советская энциклопедия: В 30 т. – М.: Советская энциклопедия, Том 12, 1973
- 2 Иллюстрированная история корейцев. Seoul: STC, 1997. - 277 p.
- 3 Королева В.А. Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России (1860-1937). Диалог истории и искусства. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 328 с.
- 4 Казахская ССР: Краткая энциклопедия. – Алма-Ата, 1991. – Т. 4, С. 128-129;
- 5 Ким Г.Н. Корейский театр в Казахстане: зарождение, развитие и перспективы. – Сценическое искусство народа Казахстана. Алматы: Evo Press, 2014 - с. 217-261.
- 6 Ким И.Ф. Советский корейский театр. – Алма-Ата, 1982. – 202 с.
- 7 Ким Сын Ха. Очерк по истории советских корейцев. Алма – Ата: Наука, 1965. – 249 с.
- 8 Корейский театр: предыстория и история // Коре ильбо. – 2022. –6 мая. – с.6
- 9 Ким Г. Корейский театр: предыстория и история // Коре ильбо. –2022. –20 мая. – с.6
- 10 Ким Г. Корейский театр: предыстория и история. Кружок при клубе «Синханчхон» // Коре ильбо. –2022. –10 июня. – с.6
- 11 Кружок при корейской школе 9-летке города Владивостока // Коре ильбо. –2022. – 17 июня. – с.12
- 12 Драмкружок при Корейском педагогическом техникуме // Коре ильбо. – 19 августа. – с.6
- 13 Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре. Алматы: Корейское НТО "Кахак".- 624 с.
- 14 Королева В.А. Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России (1860-1937). Диалог истории и искусства. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 328 с.
- 15 Матвеев Н. Краткий исторический очерк города Владивостока 1860-1910.- Владивосток. 1910. – 192с.
- 16 Ни Л.А., Кан Г.В., Цой Ен Гын История корейского театра. – Алматы: Раритет, 2007. - 288 с.
- 17 Рыбина Г., Дрюон Б. Бурят Валерий Инкижинов в европейском кино. Иркутск, 2007. Издательский дом. «БелЛайн», 2007. – 308 с.
- 18 Уварова Е.Д. История «Синей блузы». - Агитационная бригада (агитбригада). Возможность убеждения. Москва, 2009. –с.8-35.
- 19 Сборник материалов Международной научной конференции «Литература корейцев СССР и СНГ: открытия и перспективы исследований», посвящённой 100-летию со дня рождения Пак Ира П.А. Алматы, 2012.
- 20 Связанные одной судьбой. 90-летие газеты «Коре ильбо». Тараз-Алматы: ЖИЦ Сенім, 2013. – 228 с.
- 21 Статистические сведения о корейском населении Амурской области, собранные чиновником Главного управления Восточной Сибири, надворным советником Висленевым в 1879 году. - Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. IV. Иностранческое население Приамурского края. Корейцы и иностранцы Южно-Уссурийского края Приамурской области. – Иркутск, 1883. Т.4, Вып. 1, с. 57-77.
- 22 Турмов А.А. Хисамутдинов. Владивосток. Исторический путеводитель. Владивосток: Вече, 2010. - 304 с.
- 23 Щуковская Ю. Детище революции. Из истории уникального театра. - Газета «Утро Востока». // [Электронды ресурс] – URL: http://ytro-vostoka.ru/54/Istoriya/Detishche_revolyuutsii_Iz_istorii_unikalnogo_teatra/ (дата обращения: 11.10.2023).
- 24 Энциклопедия корейцев Казахстана. Алматы, 2017.- 767 с.
- 25 Kho Songmo. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki university, Studia Orientalia. 1987, Vol.61, - 262 p.
- 26 Kim German N., Hwang Youngsarm. Korean Theater in Kazakhstan as a Cultural Hub of Diaspora. Korea Journal Korea Journal, 2019, Vol. 59, No. 2, p. 177–201.
- 27 고송무, 소련의 한인들- 고려사람 [Советские корейцы- коре сарам] 서울: 이론과 실천. 1990 – 286 p.
- 28 흐르는 강물처럼 [Подобно текущей речной воде. Шестьдесят шесть лет Корейскому театру]. - 서울: "P&W", 1998. - 137 p.

References:

- 1 Bolshaya sovetskaya enciklopediya: V 30 t. – M.: Sovetskaya enciklopediya, Tom 12, 1973
- 2 Illyustrirovannaya istoriya korejcev. Seoul: STC, 1997. - 277 p.
- 3 Koroleva V.A. Muzyka i teatr korejcev na Dal'nem Vostoke Rossii (1860-1937). Dialog istorii i iskusstva. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 2008. – 328 s.
- 4 Kazahskaya SSR: Kratkaya enciklopediya. – Alma-Ata, 1991. – T. 4, S. 128-129;
- 5 Kim G.N. Korejskij teatr v Kazahstane: zarozhdenie, razvitie i perspektivy. – Scenicheskoe iskusstvo naroda Kazahstana. Almaty: Evo Press, 2014 - c. 217-261.
- 6 Kim I.F. Sovetskij korejskij teatr. – Alma-Ata, 1982. – 202 c.
- 7 Kim Syn Hva. Ocherk po istorii sovetskih korejcev. Alma – Ata: Nauka, 1965. – 249 s.
- 8 Korejskij teatr: predystoriya i istoriya // Kore il'bo. – 2022. –6 maya. – s.6
- 9 Kim G. Korejskij teatr: predystoriya i istoriya // Kore il'bo. –2022. –20 maya. – s.6
- 10 Kim G. Korejskij teatr: predystoriya i istoriya. Kruzhok pri klube «Sinhanchkhon» // Kore il'bo. –2022. –10 iyunya. – s.6
- 11 Kruzhok pri korejskoj shkole 9-letke goroda Vladivostoka // Kore il'bo. –2022. – 17 iyunya. – s.12
- 12 Dramkruzhok pri Korejskom pedagogicheskom tehnikume // Kore il'bo. – 19 avgusta. – s.6
- 13 Korejcy Kazahstana v nauke, tekhnike i kulture. Almaty: Korejskoe NTO "Kahak".- 624 s.
- 14 Koroleva V.A. Muzyka i teatr korejcev na Dalnem Vostoke Rossii (1860-1937). Dialog istorii i iskusstva. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008. – 328 s.
- 15 Matveev N. Kratkij istoricheskij ocherk goroda Vladivostoka 1860-1910.- Vladivostok. 1910.
- 16 Ni L.A., Kan G.V., Coj En Gyn. Istoriya korejskogo teatra. – Almaty: Raritet, 2007. - 288 s.
- 17 Rybina G., Dryuon B. Buryat Valerij Inkizhinov v evropejskom kino. Irkutsk, 2007. Izdatel'skij dom. «Bellajn», 2007. – 308 s.
- 18 Uvarova E.D. Istoriya «Sinej bluzy». - Agitacionnaya brigada (agitbrigada). Vozmozhnost ubezhdeniya. Moskva. 2009, c. 8-35.
- 19 Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Literatura korejcev SSSR i SNG: otkrytiya i perspektivy issledovanij», posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya Pak Ira P.A. Almaty, 2012.
- 20 Svyazannye odnoj sud'boj. 90-letie gazety «Kore ilbo». Taraz-Almaty: ZHIC Senim, 2013. – 228 s.
- 21 Statisticheskie svedeniya o korejskom naselenii Amurskoj oblasti, sobrannye chinovnikom Glavnogo upravleniya Vostochnoj Sibiri, nadvornym sovetnikom Vislennym v 1879 godu. - Sbornik glavnejshih oficial'nyh dokumentov po upravleniyu Vostochnoj Sibir'yu. T. IV. Inorodcheskoe naselenie Priamurskogo kraja. Korejcy i inorodcy YUzhno-Ussurijskogo kraja Priamurskoj oblasti. – Irkutsk, 1883. T.4, Vyp. 1, s. 57-77.
- 22 Turmov A.A. Hisamutdinov. Vladivostok. Istoricheskij putevoditel'. Vladivostok: Veche, 2010. - 304 s.
- 23 Chukovskaya Y. Detishche revolyucii. Iz istorii unikal'nogo teatra. - Gazeta «Utro Vostoka». // [Elektrondy resurs] – URL: http://ytro-vostoka.ru/54/Istoriya/Detishche_revolyutsii_Iz_istorii_unikalnogo teatra/ (data obrashcheniya: 11.10.2023).
- 24 Enciklopediya korejcev Kazahstana. Almaty, 2017.- 767 s.
- 25 Kho Songmoo. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki university, Studia Orientalia. 1987, Vol.61, - 262 p.
- 26 Kim German N., Hwang Youngsarm. Korean Theater in Kazakhstan as a Cultural Hub of Diaspora. Korea Journal Korea Journal, 2019, Vol. 59, No. 2, p. 177–201.
- 27 고송무, 소련의 한인들- 고려사람 [Sovetskie korejcy- kore saram] 서울: 이론과 실천. 1990 – 286 p.
- 28 흐르는 강물처럼 [Podobno tekushchej rechnoj vode. SHest'desyat shest' let Korejskomu teatru]. - 서울: "P&W", 1998. - 137 p.

*Saparov B.**

Kazakh National Pedagogical University named after Abay

Almaty, Kazakhstan

e-mail: s.baha81@mail.ru

ABOUT THE SPIRITUAL SOURCES OF INTERCONFESSIONAL CONSENT OF KAZAKHSTAN PEOPLE

Abstract

The article is devoted to the analysis of the spiritual foundations of inter-confessional harmony in the Kazakh society, which have developed recently in the development of Kazakhstan in the conditions of spiritual revival and cultural transformation. The author reveals the essence of the multi-confessional and multi-ethnic space, draws attention to the impact of globalization and modernization on ethno-confessional and inter-confessional relations in the republic. The author points out the need to pay special attention to the socio-cultural identity of the Kazakh society, which affects religious tolerance as the most important principle of inter-confessional and inter-ethnic relations in the Kazakh society. The article examines the evolution and spiritual roots of interfaith harmony in contemporary Kazakhstani society. It explores the influence of globalization, cultural transformation, and spiritual revival on ethno-religious relations. It addresses the roles of Islam, Orthodoxy, and other denominations in shaping the country's cultural identity. The article emphasizes the need for governmental policies to support interfaith dialogue and counter extremism. It delves into the historical context and contemporary challenges facing Kazakhstan in terms of religious tolerance and socio-cultural integration.

Keywords: spirituality, spiritual revival, multi-ethnic society, confessions, religious organizations, interfaith relations, globalization.

*Сапаров Б.Ж.**

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,

Алматы, Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫНЫҢ КОНФЕССИОНАЛАРАЛЫҚ КЕЛІСІМІНІҢ РУХАНИ КӨЗДЕРІ ТУРАЛЫ

Аңдатпа

Мақала Қазақстанның соңғы дамуы барысында рухани жаңғыру және мәдени қайта құру жағдайында қалыптасқан қазақ қоғамындағы конфессияаралық келісімнің рухани негіздерін талдауға арналған. Автор көпконфессиялық және көпэтникалық кеңістіктің мәнін ашып, жаһандану мен модернизацияның республикадағы этноконфессиялық және конфессияаралық қатынастарға әсеріне назар аударады. Автор қазақ қоғамындағы конфессияаралық және ұлтаралық қатынастардың ең маңызды қағидасы ретінде діни толеранттылыққа әсер ететін қазақ қоғамының әлеуметтік-мәдени ерекшелігіне ерекше назар аудару қажеттігін көрсетеді.

Мақалада қазіргі қазақ қоғамындағы дінаралық келісімнің эволюциясы мен рухани тамырлары талданады. Ол жаһанданудың, мәдени трансформацияның және рухани жаңғырудың этно-діни қарым-қатынасқа әсерін қарастырады. Елдің мәдени бірегейлігін қалыптастырудағы ислам, православие және басқа да конфессиялардың рөлін қарастырады. Сондай ақ, конфессияаралық диалогты қолдау және экстремизммен күресу бойынша мемлекеттік саясаттың қажеттілігі атап өтілген. Қазақстанның діни толеранттылық пен

әлеуметтік-мәдени интеграция саласындағы тарихи контекст пен қазіргі заманғы сын-қатерлері қарастырылады.

Түйін сөздер: рухани жаңғыру, көп ұлтты қоғам, конфессиялар, діни ұйымдар, конфессияаралық қатынастар, жаһандану.

*Сапаров Б.Ж.**

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая
г. Алматы, Республика Казахстан*

О ДУХОВНЫХ ИСТОКАХ МЕЖ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ КАЗАХСТАНЦЕВ

Аннотация

Статья посвящена анализу духовных основ межконфессионального согласия в казахстанском обществе, сложившихся за последнее время развития Казахстана в условиях духовного возрождения и культурной трансформации. Автор раскрывает сущность поликонфессионального и политэтнического пространства, обращает внимание на влияние глобализации и модернизации на этноконфессиональные и межконфессиональные отношения в республике. Автор указывает о необходимости обращения особого внимания на социокультурную идентичность казахстанского общества, влияющей на религиозную толерантность в качестве важнейшего принципа межконфессиональных и межэтнических отношений в казахстанском обществе. Статья анализирует эволюцию и духовные корни межрелигиозного согласия в современном казахстанском обществе. Она рассматривает влияние глобализации, культурной трансформации и духовного возрождения на этно-религиозные отношения. Обращается к роли ислама, православия и других конфессий в формировании культурной идентичности страны. Статья выделяет необходимость государственной политики по поддержке межконфессионального диалога и борьбе с экстремизмом. Рассматривается исторический контекст и современные вызовы, стоящие перед Казахстаном в области религиозной толерантности и социокультурной интеграции.

Ключевые слова: духовное возрождение, полиэтническое общество, конфессии, религиозные организации, межконфессиональные отношения, глобализация.

MAIN PART

In the context of Kazakhstan's geographic and strategic importance in Central Asia, the diversity of social, religious, and cultural ideas shaping the region's culture becomes apparent. This synthesis of East and West, along with the influence of various religious traditions such as Islam, Christianity, and Buddhism, defines Kazakhstan's cultural identity.

The religious landscape of Kazakhstan is viewed as a result of the interaction of different religions and cultural traditions. Special attention is given to the role of Islam in ensuring spiritual harmony and countering Islamic extremism, as well as the impact of globalization on religious processes in the country.

The importance of state policy in fostering interaction with religious associations to prevent extremism and terrorism is highlighted. Active promotion of dialogue between different faiths helps create a tolerant atmosphere of interfaith harmony and mutual respect.

The religious diversity in modern Kazakhstan and its significance for the formation of social order and cultural identity are described. The historical experience of peaceful coexistence among different religions, cultures, and civilizations is considered, contributing to the establishment of shared value orientations and a tolerant atmosphere.

The role of religion is emphasized in preserving rich cultural and valuable material, as well as the centuries-old wisdom of mankind, and in introducing young people to the cultural heritage of religious experience. Religion serves as the guardian of the spiritual values of the people and contributes to expanding the ideological positions of society.

The rich experience of peaceful coexistence among various religions, cultures, and civilizations in Kazakhstan is analyzed, which contributes to the establishment of a tolerant atmosphere and mutual respect. Religious pluralism is one of the fundamental elements of national identity and fosters interfaith harmony.

INTRODUCTION

For more than a quarter of a century, our country has been developing in conditions of independence, where the state guarantees its citizens freedom of conscience and religion. The modern experience of post-totalitarian and post-atheistic development of our country shows how each new historical stage enriches the world community with new social experience and creates conditions for humanity to become wiser, more spiritual, to understand itself more deeply and to treat the world responsibly.

Nowadays, the world community has begun to pay more attention to the problems of spirituality and religion. This is not accidental, because the socio-economic and ideological orientation of society has changed, resulting from the influence of objective stable trends in global development, and a new stage has begun in improving not only the national, but also the spiritual self-awareness of man.

The dominant religion in Kazakhstan today is Islam. Islam, being the spiritual and religious foundation of culture and one of the factors of cultural self-identification, is of great importance in the countries of Central Asia. In the Republic of Kazakhstan, Islam has long-standing, strong roots, has both deep traditions and its own specifics, dictated by various cultural-historical, sociocultural, psychological, state-political conditions for the development of Kazakh culture over the last millennium.

The influence of globalization processes is felt by Kazakhstanis in all spheres of society: the national economy adapts to the requirements of the global market and its main players, political reforms are carried out not without the influence of international democratic institutions and organizations; ongoing reforms in the higher education system are aimed at its entry into the global educational space, etc.

Literature Review

The problems of the spiritual foundations of the formation of a tolerant attitude between faiths are considered in the works of the following Western scholars: Huntington S. [1], Neklessa A.I. [2], Berger P. [3], Bromley Y.V. [4], etc. Various facets of this problem in a multi-confessional society have been studied by Russian researchers, religious scholars and political scientists, such as: Semenov Yu.V. [5], Petrenko S.P. [6], Kurbanov M.G. [7]. And also this problem is illuminated with the peculiarities of the evolution of religiosity in the conditions of nomadic civilization, as well as in the modern Kazakh polyphony of culture in the works of the following Kazakh religious scholars: Baytenova N.Zh. [8], Kydyralina Zh.U. [9], Kosichenko A.G. [10].

METHODOLOGY

The dialectical method, free from materialistic or idealistic monism, and grounded in pluralism and multifaceted interconnection of public religious associations and confessions, serves as the theoretical and methodological foundation for exploring the spiritual underpinnings of interfaith harmony and tolerance in Kazakhstani society. Additionally, throughout the formation and development of the Republic of Kazakhstan, a philosophical-religious analysis has been conducted to examine the spiritual, socio-cultural, and ethno-political principles of state policy. This analysis particularly focuses on the spiritual origins that underpin a tolerant attitude, aiming to uphold the state's obligation to safeguard the beliefs of its citizens.

The study of the spiritual sources of interfaith harmony among Kazakhstanis was conducted using a systematic methodological approach that incorporated diverse strategies for data collection and analysis. Initially, an extensive literature review was undertaken, comprising a systematic analysis of

academic papers, publications, and reports from pertinent research organizations. This phase was organized around identifying key themes and trends prevalent in previous research within the field.

Empirical methods were employed, including surveys, interviews, and focus groups with representatives of various religious communities and denominations in Kazakhstan. The aim of these activities was to systematically collect data based on direct interactions with research participants. An analysis of the gathered data was conducted, incorporating both qualitative and quantitative methods. This stage involved systematic coding and classification of information, followed by comparative analysis among different religious groups.

Within the framework of theoretical analysis, various theoretical concepts and approaches to understanding and studying the spiritual foundations of interfaith harmony were examined. This stage facilitated a thorough understanding of the research phenomenon and the development of a theoretical framework for subsequent analysis. The study formulated generalized conclusions and recommendations based on the data obtained and analytical findings. Additionally, practical recommendations were formulated for the maintenance and development of the spiritual foundations of interfaith harmony within the context of Kazakh society.

RESULTS AND DISCUSSION

Kazakhstan, as the geographical and strategic dominant in Central Asia, embodies many social, religious, and spiritual ideas that have been shaped by the culture of this region. Within this culture, there exists a synthesis of Eastern and Western, Buddhist, Christian, and Muslim religious ideas, exemplified by religious parity, spiritual harmony, and the emergence of new religious concepts. This synthesis encompasses nomadic and agrarian traditions, as well as elements of both individualism and collectivism. Over millennia, the Kazakh people have seamlessly integrated into the world of Muslim ideas while preserving the traditions and customs of their ancestors.

The religious discourse takes on particular significance due to the aspirations of Islamic fundamentalists to establish a new totalitarian political regime with religious overtones. Additionally, the early 21st century witnessed the unleashing of a terrorist war by these fundamentalists, targeting not only Western civilization but also moderate Muslims who espouse universal human values in their way of life.

It is widely acknowledged that the progress of any nation is predicated on the prioritization of moral and spiritual values. Indeed, spiritual values constitute the determining factor for the future of civilization. The role of Islam in the public consciousness of Kazakhstan, its spiritual life, and its contribution to fostering spiritual harmony among all peoples, is traditionally significant and shows a tendency to grow. Therefore, in state and cultural development, in the upbringing of the younger generation, and in fortifying the moral fabric of society, it is imperative to comprehend and theoretically elucidate the importance of Islam, its ideals, spiritual and ideological underpinnings, including its emphasis on social justice and its aspiration for harmony with adherents of other religions.

The ethno-confessional diversity in modern Kazakhstan precludes categorizing it as a country dominated by any single religious tradition. Nevertheless, the Muslim and Orthodox communities are the most populous in the republic

In the era of globalization and the construction of an open society, the religious factor will largely determine Kazakhstan's internal political agenda in the coming years. Therefore, the Kazakh government, in order to prevent extremism and terrorism, is compelled to continue pursuing an active state policy in the sphere of interaction with religious associations.

Religion, as a carrier of spiritual and moral ideals and cultural traditions, holds significant value in the eyes of Kazakhstanis. The influence of religious ethics is actively utilized to shape the moral and spiritual world of the younger generation. Islam and Orthodoxy are among the primary cultural components shaping the lives of the Kazakh and Russian peoples, and it is no coincidence that the state has recognized Kurban Ait and Christmas as official holidays. Each religion, in its own

language, conveys universal human values, establishes societal norms of behavior, and serves as a guardian of the people's spiritual values.

Kazakhstan has traditionally served as a natural boundary between the world's largest religions - Islam, Christianity, and Buddhism, earning our country the rightful title of the "crossroads of civilizations." For centuries, representatives of different peoples and ethnic groups have coexisted and collaborated here. Robust cultural and economic ties have formed, fostering mutual enrichment and prosperity. The people of the country endeavor to preserve this immense wealth and pass it on to future generations.

It is important to remember that religions have been repositories of rich cultural and value materials, preserving the centuries-old wisdom of mankind, encompassing its dreams, expectations, aspirations, and hopes. Therefore, exposing young people to the cultural heritage of religious experiences will aid in expanding their ideological perspectives and cultural enlightenment.

Historically, Kazakhstan has been characterized by religious pluralism. The majority of its confessional landscape is comprised of Muslim and Orthodox Christian associations, representing the largest number of parishioners. Among the population of the republic, there is a growing prestige of religious organizations, accompanied by the emergence of new religious formations, and a noticeable inclination towards religion among those who were previously indifferent. Today, our fellow citizens are increasingly focusing on genuine spirituality, rather than solely on external forms of religious expression.

If we consider from a geographical perspective, the most religious regions are the southern and western areas of Kazakhstan. Although Protestantism traditionally holds strong positions in Kazakhstan. Despite the mass departure of the German population from the country, Baptist, Lutheran, Adventist organizations, as well as numerous Protestant associations, occupy a certain place among the faiths widespread in Kazakhstan. Over the years since independence, many different missions and communities have emerged, the doctrines of which until relatively recently were known only to a narrow circle of religious experts, namely religious organizations of Methodism and Neo-Protestantism, communities and cults such as the Baha'i Faith, Scientology, the Unification Church, Krishna Consciousness, the Last Testament Church, the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Mormons), and so on.

The influx of religious denominations into Kazakhstan, previously unknown to our society, can be attributed to the consequences of globalization, intentionally or unintentionally eroding to some extent the cultural identity of Kazakhstanis. Attitudes towards these denominations are ambiguous. The population of Kazakhstan has never been inclined towards fanaticism; it is characterized by tolerance and interfaith tolerance.

Adhering to a policy of non-interference in the internal affairs of denominations, the state stimulates dialogue development among them, facilitating the full implementation of their functions.

Currently, Kazakhstan possesses a rich and historically invaluable experience of peaceful coexistence among different religions, cultures, and civilizations. This experience has contributed to the formation of similar value orientations among the majority of the country's population and the creation of a tolerant atmosphere of interfaith harmony and mutual respect.

This statement of facts is significant because amidst the emerging interethnic and interfaith conflicts worldwide, Kazakhstan's unique experience in strengthening interfaith and interreligious dialogue has proven to be valuable at the global level. The genesis of identity lies in the sphere of spirituality, and its priorities are encapsulated in religious culture. Furthermore, religious identification often serves as a component of cultural identification. A person who affiliates with a particular group aligns themselves with the religion accepted within that culture.

According to the norms of International Law, members of UN states are obligated to cultivate and promote respect for human rights and fundamental freedoms for all individuals, without distinction based on race, gender, language, nationality, religion, or health status, and to combat manifestations

of intolerance [11]. However, at the same time, we must understand the importance of the issue of national security, which serves as the foundation of the country's existence and sovereignty.

Article 1 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan declares that Kazakhstan is a democratic, secular, legal, and social state, with the highest values being the individual, their life, rights, and freedom [12].

The Law "On Religious Activities and Religious Associations" of October 11, 2011 confirms the right of every person to freedom of conscience, guarantees equality for all regardless of their religious beliefs, acknowledges the historical role of Hanafi Islam and Orthodox Christianity in the development of culture and spiritual life of the people, respects other religions that are in harmony with the spiritual heritage of the people of Kazakhstan, recognizes the importance of interfaith harmony, religious tolerance, and respect for the religious beliefs of citizens [13].

Today, spiritual movements with views that can influence the established religious situation have become widespread in the Central Asian region. Favorable ground for such movements includes inexperience in religious dogmas, a lack of a clear position in life, as well as the gullibility of Kazakhstanis. Adherents of the above-mentioned movements are characterized by extreme intolerance towards anyone who does not share their political views, including fellow believers. Under the guise of teaching Islam, they spread extremist ideas: organizing groups that call for the fight for "Islamic orders", establishing close contacts, and uniting with other extremist groups. Religious intolerance, based on intolerance, can cause significant damage to the spiritual security of any society, while affecting the centuries-old foundations of traditional religions for a particular state, including Islam.

We should not forget that terrorism is rapidly gaining momentum and finding its adherents thanks to the development of the Internet. The history of terrorist groups in cyberspace began quite recently, approximately dating back to the beginning of 2000. Now, this is a very dynamic phenomenon on the World Wide Web. Websites with extremist and terrorist contexts suddenly appear and often change format, then quickly disappear. In many cases, this is only an appearance of disappearance; only the site address changes, while the content remains unchanged. The Internet, by its nature, is in many ways an ideal field for the activities of terrorist organizations. Thanks to free access, little influence of censorship and other forms of government control, and sometimes even their absence, anonymity of communication, rapid movement of information, multimedia components, and much more, the Global Network in "skillful hands" becomes a weapon of mass consciousness destruction.

According to the prosecutor's office, the main source of information and channels for disseminating the idea of religious extremism is the Internet. As a result of the inspection, the activities of more than 150 Internet resources that provide information on the manufacture of improvised explosive devices, as well as those promoting extremism and terrorism, have been suspended. As noted by religious experts, extremism and terrorism in Kazakhstan have a criminal basis rather than an ideological one. Behind the pseudo-religious rhetoric lies criminal activity that undermines the foundations of society. Authorities have set the task to "rigidly suppress the activities of non-traditional sects and dubious pseudo-religious movements", strengthen the prevention of religious extremism in society, especially among young people, use the advantages provided by the Congress of Leaders of World and Traditional Religions, and on the basis of this dialogue platform create a new platform for conflict resolution on religious grounds" [14, p.20].

CONCLUSION

Main finding of a study

In Kazakhstan, a state program has been approved to counter religious extremism and terrorism for the years 2018-2022 [15]. The main goal of the program is to ensure the security of individuals, society, and the state by preventing manifestations of religious extremism and thwarting terrorism threats. Recognizing that religious consciousness often takes on ethnic dimensions, it is crucial to leverage the authority of leaders from national diasporas and national-cultural associations in

countering the spread of ideas promoting religious radicalism. Much of the credit for the absence of religious confrontation and interethnic conflicts in the country is due to the active involvement of religious leaders and national diasporas. Therefore, it is imperative to actively utilize and promote this extensive positive experience and potential.

Today, the primary impact of interreligious dialogue on interethnic relations and their humanization can be achieved through its educational influence on the population. Such dialogue shapes the consciousness of people from various nationalities and religions towards tolerance, non-violence, and a culture of peace. In addressing issues of internationalism and ethno-tolerance, education plays a decisive role through the development and implementation of educational concepts that contribute to societal consolidation.

The unprecedented pressure of cultural globalization diminishes the prospects for the emergence of a global culture based on dialogue and fosters growing resistance from the "periphery" to the "center," leading to clashes and conflicts among cultures. Global culture becomes a source of instability and fault lines for civilizations, while religious values transform into acute forms of quasi-religious fanaticism, with individuals largely absolving themselves of responsibility for their actions and shifting the burden of guilt onto the values and norms of belief.

It is worth noting that the actual high level of religiosity among modern youth can largely be attributed to the formation of their worldview without clear ideological and political guidelines or established moral stereotypes.

Kazakhstan's policy of spirituality and tolerance aims to introduce new, relevant priorities in the humanitarian and moral sphere. One of the main premises that our state adheres to in its foreign policy sounds particularly significant: for humanity to continue its history, it needs to learn to coordinate not only its local but also global activities with its own capabilities.

Kazakhstan has succeeded in transforming the vulnerability factor of a multiethnic society into a source of social and cultural wealth and the dynamic development of interethnic relations. Religion in Kazakhstan does not function as a competing identity opposed to ethnic or political communities, but rather as a complementary element of the spiritual culture of Kazakhstanis, providing society with unique diversity and, at the same time, unique identity [16].

The common historical background and ethnocultural traditions of the ethnic groups in Kazakhstan have had a decisive influence on the nature and characteristics of religious traditions. Their important distinguishing feature is their mutual attraction to one another. Good relations have developed in the country between Islam and Orthodoxy, as well as other religions. Under the influence of this factor, the activities of the most numerous faiths acquire unique, distinctive features. This, in turn, contributes to the effective state development of the country and further strengthens national unity and tolerance.

In each country, based on established customs and norms of life, patterns of historical development, a certain attitude towards non-traditional religions has been formed, which is not clearly positive or negative. Since an individual's religiosity is a purely private, individual matter, all issues related to religiosity are primarily resolved not at the state or societal level, but rather at the individual or familial levels.

In conclusion, it is worth noting that modern individuals are confronted with the necessity of independently developing their own individualized multidimensionality in the face of a crisis of traditional ideological identity and the advent of cultural globalism. On one hand, faith should be a purely personal matter for each individual; on the other hand, religious faith retains its quality of practical, true universality within the structure of ideological values in the modern world. The new generation signifies new aspirations. They represent the future of our country. For it is within the hearts of those who harbor strong feelings of citizenship, patriotism, diligence, and a reverent attitude towards the spiritual values of the Kazakh people - values that have absorbed all that is best and progressive in our national culture - that the seeds of unity for Kazakh society and the state reside, as they live ahead of their time and contribute to its unity.

References:

- 1 Huntington, S. *Stolknovenie civilizacij / per. s angl. T. Velimeeva. Moskva: Izd-vo AST, 2016. - 640 s.*
- 2 Razdel I. *Postsovremennyj mir v novej sisteme koordinat // Global'noe soobshchestvo: novaya sistema koordinat (podhody k probleme) / Otv. red. A.I. Neklessa. – SPb.: Aleteja, 2015. – S.11-78. – 315c.*
- 3 Berger, Peter L. *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Ethics and Public Policy Center ; W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999.*
- 4 Bromlej, YU.V. *Ocherki teorii etnosa. - Moskva: URSS, 2020. 4 izdaniya. - 438 s.*
- 5 Semenov YU. V. *Etnokonfessional'nye otnosheniya kak ob'ekt issledovaniya // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy. 2012. Vyp. 3.S. – 72-79.*
- 6 Petrenko, S.P. *Konfessional'naya i etnicheskaya obshchnosti: filosofsko- kul'turologicheskij analiz. Avtoref. diss. k.f.n. – Rostov-na-Donu, 2007. – 50c.*
- 7 Kurbanov, M.G. *Specifika etnokonfessional'nyh processov v sovremennom obshchestve. Materialy Severokavkazskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Vzaimodejstvie gosudarstva i religioznyh ob'edinenij: sovremennoe sostoyanie i perspektivy». Mahachkala: YUjupiter, 2004. 792 s.*
- 8 Bajtenova, N.ZH. *Mezhetnicheskaya integraciya: problemy, real'nost', perspektivy [Tekst]: monografiya / N. ZH. Bajtenova ... – Almaty: Qazaq universiteti, 1997. - 220 s.*
- 9 Kydyralina, ZH. U. *Etnos i religiya v Kazahstane [Tekst]: istoriya i sud'by / ZH. U. Kydyralina; [otv. red. H. M. Abzhanov]... – Astana : Elorda, 2007. – 220s.*
- 10 Kosichenko, A.G. *Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Respublike Kazahstan // Respublika Kazahstan: opyt gosudarstvennogo stroitel'stva i perspektivy social'no-politicheskoy modernizacii: Mezhdunarodnaya nauchno-prakt. konf. 21 maya 2010. – Almaty: KIC IFP, 2010. – 311s.*
- 11 *Deklaraciya principov terpmosti OON [Elektronnyj resurs]: [http:// www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml) (data obrashcheniya: 20.12.2023).*
- 12 *Konstituciya Respubliki Kazahstan [Elektronnyj resurs]: <http://www.constitution.kz/> (data obrashcheniya: 20.12.2019).*
- 13 *Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK [Elektronnyj resurs]: <http://www.adilet.zan.kz/> (data obrashcheniya: 26.12.2023).*
- 14 *Klimenko, E.N. Vzaimootnosheniya gosudarstva i religioznyh ob'edinenij v Rossijskoj Federacii : konstitucionno-pravovye aspekty: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk: special'nost' 12.00.02 / Klimenko Elena Nikolaevna; [Rossijskaya akademiya pravosudiya]. - Moskva, 2007. - 28 s.*
- 15 *Gosudarstvennaya programma po protivodejstviyu religioznomu ekstremizmu i terrorizmu v Respublike Kazahstan na 2018-2022 gody. Utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 15 marta 2018 goda – №124. [Elektronnyj resurs]: – Setevoj rezhim dostupa: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124>*
- 16 *Smagulov K. Sovremennaya religioznaya situaciya v Kazahstane // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2011. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-religioznaya-situatsiya-v-kazahstane> (data obrashcheniya: 20.12.2023).*

Литература:

- 1 Хантингтон, С. *Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Москва: Изд-во АСТ, 2016. - 640 с.*
- 2 Раздел I. *Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейя, 2015. – С.11-78. – 315с.*
- 3 Berger, Peter L. *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Ethics and Public Policy Center; W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999.*

4 Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. - Москва: URSS, 2020. 4 издания. - 438 с.

5 Семенов Ю. В. Этноконфессиональные отношения как объект исследования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 3. С. 72-79

6 Петренко, С.П. Конфессиональная и этническая общности: философско-культурологический анализ. Автореф. дисс. к.ф.н. – Ростов-на-Дону, 2007. – 50с.

7 Курбанов, М.Г. Специфика этноконфессиональных процессов в современном обществе. Материалы Северокавказской научно-практической конференции «Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы». Махачкала: Юпитер, 2004. 792 с.

8 Байтенова, Н.Ж. Межэтническая интеграция: проблемы, реальность, перспективы [Текст]: монография / Н. Ж. Байтенова ... – Алматы : Қазақ университеті, 1997. - 220 с.

9 Кыдыралина, Ж. У. Этнос и религия в Казахстане [Текст] : история и судьбы / Ж. У. Кыдыралина ; [отв. ред. Х. М. Абжанов]... – Астана : Елорда, 2007. – 220с.

10 Косиченко, А.Г. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Казахстан // Республика Казахстан: опыт государственного строительства и перспективы социально-политической модернизации. Международная научно-практ. конф. 21 мая 2010. – Алматы: КИЦ ИФП, 2010. – 311с.

11 Декларация принципов терпимости ООН [Электронный ресурс]: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 20.12.2023).

12 Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]: <http://www.constitution.kz/> (дата обращения: 20.12.2019).

13 Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК [Электронный ресурс]: <http://www.adilet.zan.kz/> (дата обращения: 26.12.2023).

14 Клименко, Е.Н. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.02 / Клименко Елена Николаевна; [Российская академия правосудия]. - Москва, 2007. - 28 с.

15 Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы. Утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124. [Электронный ресурс]: – Сетевой режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124>

16 Смагулов К. Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-religioznaya-situatsiya-v-kazahstane> (дата обращения: 20.12.2023).

ШЕТЕЛ ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ МІНБЕСІ
Трибуна зарубежных ученых
TRIBUNE OF FOREIGN SCIENTISTS

SRSTI: 04.51.67

Doi: 10.51889/2959-6270.2024.85.1.006

*Laurence Tain**
Lumière Lyon 2 University,
Max Weber Centre, MSH Lyon, France;
e-mail: laurencetain@gmail.com *

**NEW WESTERN FAMILIES:
GENDER DYNAMICS AND PATTERNS OF FILIATION
IN CONTEMPORARY FRANCE**

Abstract

The transformation of families is a social, political and legislative issue in a globalised society. In this context, the aim of this article is to shed light on the characteristics of the 'new families' from a sociological point of view, based on the specific features of the Western context and France in particular. At the same time, we will seek to identify the laws that have accompanied these processes, paying particular attention to the principle of equality.

According to a consensus between historians and demographers, 1960 has been chosen as a pivotal date in the transformation of family structures in this geographical area. In the first part, we will briefly present the pre-1960 family model and the erosion of the gender contract on which it is based. We will then look at the characteristics of two 'new families': blended families based on nuclear families, and families resulting from non-marital medically assisted procreation, often homoparental families, based on the author's own research. In conclusion, we will look at some of the public policies that have accompanied these transformations, as well as the prospects for research in this field at the level of Central Asia, and indeed of global society as a whole.

Keywords: sociology of the family, sociology of gender, male breadwinner model, new families, France, blended families, same-sex families.

*Лоранс Тайн**
Люмьер Лион 2 университеті, Макс Вебер орталығы,
Лион қ., Франция

**ЖАҢА БАТЫС ОТБАСЫ: ҚАЗІРГІ ФРАНЦИЯДАҒЫ
ГЕНДЕРДІК ДИНАМИКА ЖӘНЕ ФИЛИАЦИЯЛЫҚ
ҮЛГІЛЕР**

Аңдатпа

Жаһанданған қоғамда отбасылардың трансформациясы әлеуметтік, саяси және заңнамалық мәселеге айналып отыр. Осыған байланысты мақаланың басты мақсаты – батыс елдерінің, әсіресе Франциядағы, «жаңа отбасыларының» пайда болу үрдісін әлеуметтанулық тұрғыдан зерттеу. Сонымен қатар, осы үрдістерге сүйемел болған заңдарды теңдік қағидатының жүзеге асуы тұрғысынан талдау.

Тарихшылар мен демографтардың ортақ пікіріне сай 1960 жыл тиесілі географиялық аймақтағы отбасы трансформациялары тұрғысынан бетбұрысты кезең. Мақаланың бірінші бөлімінде біз 1960 жылға дейінгі отбасы үлгісі мен оған негіз болған гендерлік контрактінің өзгеруін сипаттаймыз. Келесі кезекте біз екі түрлі «жаңа отбасыларының» – нукреарлық

моделге негізделген аралас отбасылар мен медициналық көмек нәтижесінде нәрестелі болған, көбіне бір ата-аналық отбасылардың негізгі сипаттамаларына автордың жеке зерттеулеріне негізделе отырып тоқталатын боламыз. Соңында, осы отбасылардың қалыптасуын сүйемелдеген мемлекеттік саясатты талдай келе, осы бағыттағы зерттеулердің Орталық Азия мен әлем қауымдастығы деңгейіндегі болашағын талқыға аламыз.

Түйін сөздер: отбасы әлеуметтануы, гендерлік социология, асыраушы ер моделі, жаңа отбасылар, Франция, аралас отбасылар, бір жынысты отбасылар

*Лоранс Тайн**
Университет Люмьера Лиона 2, Центр Макса Вебера,
г. Лион, Франция

НОВЫЕ ЗАПАДНЫЕ СЕМЬИ: ГЕНДЕРНАЯ ДИНАМИКА И МОДЕЛИ ФИЛИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Аннотация

Трансформация семей является социальной, политической и законодательной проблемой в глобализированном обществе. В связи с этим цель данной статьи – пролить свет на характеристики "новых семей" с социологической точки зрения, исходя из особенностей западного контекста и Франции, в частности. Кроме того, мы попытаемся проанализировать законы, которые сопровождали эти процессы, уделяя особое внимание реализации принципа равенства.

По общему мнению, историков и демографов, 1960 год стал поворотным в трансформации семейных структур в этом географическом регионе. В первой части мы кратко опишем модель семьи, существовавшую до 1960 года, и эрозию гендерного контракта, на которой она основана. Затем мы рассмотрим характеристики двух "новых семей": смешанных семей, основанных на нуклеарных семьях, и семей, возникших в результате внебрачного деторождения с медицинским вспоможением, часто однородительских семей, основанных на собственных исследованиях автора. В заключение мы рассмотрим некоторые аспекты государственной политики, сопровождавшей эти трансформации, а также перспективы исследований в этой области на уровне Центральной Азии и всего мирового сообщества.

Ключевые слова: социология семьи, социология гендера, модель мужчины-кормильца, новые семьи, Франция, смешанные семьи, однополые семьи.

MAIN PART

The aim of this article is to analyze the characteristics of "new families" in Western societies, with a focus on the French context, from a sociological perspective. The objectives encompass examining pre-1960 reference families, understanding the hegemonic male breadwinner model, analyzing the erosion of the gender contract, and exploring the implications of these changes for contemporary family structures.

Adopting a gender perspective, the article delves into family structures, drawing on definitions proposed by Barry [1] and Déchaux [2]. It describes the hegemonic male breadwinner model, emphasizing its characteristics and societal implications. Gender is conceptualized as a system comprising gender difference, hierarchy, and heteronormativity, which form the foundation of the pre-1960 family model.

The study relies on existing literature in demography, sociology, and gender studies, particularly works by Shorter [3], De Singly [4], and Déchaux [2]. Additionally, primary research conducted by the author is integrated, focusing on new families resulting from non-marital medically assisted reproduction, including homoparental families.

The results of the study highlight the transformation of family structures in Western societies before and after 1960, influenced by contraceptive revolutions and shifts in societal norms. The erosion of the gender contract is observed, leading to the emergence of diverse family forms beyond the traditional nuclear model.

In the discussion, the article explores the implications of these changes for contemporary family dynamics, addressing issues of gender equality, reproductive rights, and societal norms. Public policies and legislative frameworks are considered in relation to their impact on new family structures and the principle of equality.

INTRODUCTION

The transformation of families is a social, political and legislative issue in a globalised society. In this context, the aim of this article is to shed light on the characteristics of the 'new families' from a sociological point of view, based on the specific features of the Western context and France in particular. At the same time, it seeks to identify the laws that have accompanied these processes, paying particular attention to the principle of equality.

But what do we call the "new family" in the Western world? Because, as Jean-Hughes Déchaux notes, we can observe a "variety of family structures throughout history and civilisations: the family is constantly being invented before our eyes, and its definition is always a social and political issue". As far as Western Europe is concerned, demographic historians Shorter and family sociologists De Singly and Déchaux seem to agree on the pivotal date of 1960 as marking a major transformation in family structures for this geographical area. I will therefore use the family prior to this period as a model for comparison.

Moreover, the family, like any social process, is played out within a well-defined framework involving players with distinct logics. All social relationships play a part in this theatre. And it would be essential to study the complexity of their interweaving in order to deepen the analysis. However, according to many authors, the gender order and models of filiation are decisive in understanding changes in the family. This is noted, for example, by Wilfried Rault and Arnaud Régnier-Loilier [5] (2019) in their introduction to the double issue of the journal *Population*, published by INED, devoted to the study of individual and marital life courses (EPIC survey), the third major French survey on this theme. It is from this dual perspective that I shall confine myself here to observing the transformations of the family.

In the first part, I will briefly present the pre-1960 reference family model, based on a gender approach. I will then focus on two 'new families': blended families, based on nuclear families, and families resulting from non-marital medically assisted procreation, often homoparental families, based on my own research.

METHODS

The results of this study are based first and foremost on the scientific consensus of demographers and sociologists regarding the dominant family model in Western populations before 1960. I will refer in particular to the work of demographic historians Shorter and family sociologists De Singly, Déchaux. This article is then based on more recent surveys in the sociology of the family in France, like the study of individual and marital life courses (EPIC survey) directed by Wilfried Rault and Arnaud Régnier-Loilier or surveys focusing in particular on reconstituted families Déchaux [6], Le Pape [7], Le Pape and Virot [8].

I will also draw on my own research into new families, often homoparental, resulting from new reproductive techniques. The qualitative analysis I present here is based on an analysis of the semi-directive question in the open-ended questionnaires of the DAIFI project (developed after the start of IVF), led by Élise de La Rochebrochard, allowed an exploratory look at the logics of the actors. This study brings together more than 2,000 questionnaires sent in 2008-2010 to couples who have undergone at least one in vitro fertilisation in one of the eight hospitals selected for the survey.

The interviews I conducted made it possible to complete the exploratory approach resulting from the qualitative analysis of questionnaires. In order to obtain the widest possible diversity of profiles, I varied the following characteristics: the period of the medical resource, the age of the woman at the time of the medical resource, current age, professional activity or inactivity, medical career, experience of parenthood, forms of sexuality. In order to overcome the obstacles due to the intimate and sensitive nature of the subject, contacts were made through the entourage, Internet forums or associations. Finally, this article is based on an analysis of the chronology and content of family-related legislation in France over the last few decades.

RESULTS

The pre-1960 reference families from a gender perspective

So how do we define a family? I'll use here the definition proposed by Barry [1, p.720] and quoted by Déchaux [2, p.63] "all persons related by consanguinity and/or alliance". In its sobriety and precision, this proposal seems to me to be convincing because it encompasses the entire family structure without being limited to its nuclear core.

The hegemonic male breadwinner model

The notion of the "new family" is to be understood in comparison with the so-called (abusively) "traditional" family, i.e. a married couple with children brought up by a non-working wife. This family model has also been described as the "male breadwinner/female caregiver" model. As Nicky Le Feuvre [9] notes, this family model is characterised by the requirement of indissoluble bonds for marriage [10], the prohibition of abortion and contraception [11], and the retention of women in the domestic sphere, effectively excluding them from the most prestigious places of education [9], employment [12] and political power [13]. It was this model that accompanied the transition to industrial modernity in nineteenth-century Western societies, thereby anchoring a gender contract [9]. However, it should be pointed out that this is a dominant model, and other modalities can be identified, as discussed by Rosemary Crompton [14]: 'male breadwinner/female part-time earner', 'dual earner/state caregiver', 'dual earner/state marketing caregiver', 'dual earner/dual caregiver'.

It is this hegemonic gender contract structuring Western society before 1960 that needs to be analysed to highlight the specific features of the new families. Gender has been considered in different ways. My preferred approach [15] sees gender as a system in which I distinguish a social construct along three axes: gender difference, gender hierarchy and heteronormativity.

The hegemonic gender contract at the start of the industrial revolution rests on these three pillars. The first component of gender led to a sex-differentiated distribution of skills and spaces. Women are assigned the domestic sphere and men the public sphere. The second consists of supplementing this gendered distribution with a hierarchy of values between masculine and feminine. Finally, the third component is the social injunction to form a fertile heterosexual couple. The "classical model of parenthood based on the exclusivity of bilateral filiation" [2, p. 63], which confers legitimacy on the children of a male/female couple, is the institutional translation of this injunction.

The erosion of the gender contract

Nevertheless, this gender order has been shaken up. I would tend to agree with Shorter [3] that the two contraceptive revolutions identified by demographers played a fundamental role in the transformation of the Western family. These two periods mark the essential stages in the dissociation between sexuality and procreation, and thus give rise to the ingredients of the 'new families'.

In France, the "first contraceptive revolution" dates from around 1750, when new practices were developed in the privacy of couples. The decline in fertility in France around the time of the French Revolution has been discussed and interpreted many times Leridon [16], Aries, [17, p.78], Bergues et al., [18]. The impact of the 1789 revolution and the philosophy of the Enlightenment has been highlighted [19]. In any case, birth control, often attributed to the widespread practice of withdrawal and sometimes to marital onanism, was a private matter. At the same time as the first contraceptive revolution, new practices were emerging to regulate reproduction upwards [20]. In fact, the first

human artificial inseminations took place at the same time. The first known successful attempt dates back to 1776 in England, and the first book on these reproductive techniques was published in France in 1802 by the doctor Thouret. These practices of sexuality without procreation and procreation without sexuality illustrate a profound transformation in the forms and institutions of control over heteronormativity. While in the Middle Ages the biological reproductive body was under the influence of the Church, it was gradually the medical establishment that came to play a dominant role.

According to Tain, the context of the second contraceptive revolution, followed by the widespread adoption of artificial insemination in the second half of the twentieth century, was entirely different, expanding the areas of dissociation between sexuality and reproduction [20]. The medical establishment played a major role here. The contraceptive pill was the result of an initiative in the 1950s by Margaret Sanger, a campaigner for birth control who, understanding the significance of the research into hormones by the renowned endocrinologist Gregory Pincus, convinced the feminist Katherine Mac Kormik to fund his research [21, p.203]. Its use was legalised in France at the end of the 1960s. Artificial insemination techniques developed in France at the same time as the first contraceptive revolution, with the creation of the first three sperm banks in 1973 [22]. Thus, with the second contraceptive revolution, other forms of regulating the association/dissociation between sexuality and reproduction appeared. They are more visible than during the first contraceptive revolution. Whereas, with the emergence of modernity and the decline in the influence of the Church, negotiations tended to take place in the private sphere, today normative control over sexuality and reproduction is also explicitly in the public domain, with the medical establishment playing a major role.

The « new » blended families

The loopholes opened up by the two contraceptive revolutions went hand in hand with a process of autonomy claimed firstly by men, who thus escaped the control of the king, and then by women, whose social movements from the second half of the twentieth century onwards helped to change the situation. As a result, the gender contract was shaken up, leading to the reorganisation of families that had been labelled traditional.

The gender contract under attack

There are cracks in the three pillars of the gender contract. This is reflected in demographic indicators and the passing of new laws.

The first pillar, gender differentiation, has been affected by major developments such as the rise in female employment and women's educational attainment. The legal provisions reflect these changes: from 1965 onwards, following Law 65-570, women have been able to work without their husbands' permission. However, the distribution of domestic tasks remains highly gendered. In 2010, women still performed the majority of household and parental tasks - 71% and 65% respectively [23].

The second pillar, relating to the hierarchy between the sexes, has also been shaken up, as shown by numerous laws. As early as 1965, with the reform of matrimonial property regimes (Act 65-570), married women were no longer considered as minors. In 1970, paternal authority was replaced by parental authority, and the law abolished the concept of head of the family (Act 70-459). Parental authority over a child born out of wedlock was henceforth exercised by the mother alone, even if the father had recognised the child. In 1992, penalties were increased for spouses guilty of violence (Act 92-684). Finally, in 2000, Law 2000-493 helped to implement the principle of parity between men and women in the political arena.

The third pillar of heteronormativity has also undergone a number of changes in recent decades. Marriage is no longer a prerequisite for marriage as it was in the 1960s. For example, according to data from the Epic survey, 15% of people married between 1964 and 1973 had cohabited before getting married, and only 1% of these unions had had a child; this figure had risen to 84% by 1994. 2003 and 2004-2013, and a quarter of these couples had had children before marriage [24]. Separations are becoming more frequent and earlier: 12% of first unions formed between 1970 and

1978 broke up within the first 8 years, compared with 29% of those formed between 1997 and 2005 [25]. At the same time, we are seeing an increase in the number of relationships that count over the course of a lifetime [26]. The number of children is falling significantly. If we measure fertility using the total fertility rate (TFR), we see an overall drop from 2.9 children per woman in 1964 to 1.87 in 2019, with some fluctuations (1.66 in 1993 and 1994; 2.02 in 2008, 1.89 in 2017) [2], (Breton et al., [27]). A number of laws have accompanied these developments. Among the most significant were the Neuwirth law on contraception in 1967 (law 67-1176), the law on divorce and the decriminalisation of adultery in 1975 (law 75-617) and finally the Veil law, passed in 1975, decriminalising abortion for five years (law 75-617), which was finally adopted in 1979.

The recomposition of families between continuities and ruptures

The undermining of the hegemonic gender contract with the advent of modernity will have essential effects on the shape of families. New families are emerging and coexisting with so-called traditional families. In addition to the recent configurations linked to medically assisted procreation, which I will discuss later, we are seeing the existence of single-parent families and blended families becoming commonplace. Qualitative surveys are shedding light on these new families, and here I summarise a few aspects of stepfamilies, which show that new places are still being created, between ruptures and continuities.

The first specificity relates to the place of the child, which appears to be central according to several authors (Déchaux, [6]; Le Pape, [7]). One consequence of the importance attached to children is the emergence of the term "parenthood" and the crystallisation of standards of good parenting. For example, a study of changes of residence after separation shows that one of the normative expectations is to maintain harmonious co-parenting after separation (Le Pape and Virot [8]).

Nevertheless, social injunctions differ according to gender, in line with the gender contract of modernity. Surveys seem to show that it is up to mothers to adapt their organisation, and in particular their place of residence, to facilitate fathers' visiting rights and accommodation (Le Pape and Virot, [8]). Similarly, maternity and paternity remain very distinct positions. In particular, mothers are criticised for not being able to exercise authority like fathers and for not being able to provide for the household. Fathers are often criticised for failing to meet expectations in terms of providing resources and controlling the family (Martin, [28]).

Another specific feature is the emergence of new family figures whose role and place are still being defined: step-parents and step-children. As we shall also see with families resulting from medically assisted procreation, these figures are challenging the two-parent model of filiation. How do step-parents relate to parents? Stepchildren in relation to children?

Observations show that the stepmother's place is not equivalent to that of the mother [29]. In accordance with the requirement of good co-parenting, the mother-in-law will take the place that her partner wishes to give her, provided that the mother's place is respected. Similarly, women in stepfamilies will invest differently in their children and stepchildren.

The "new" same-sex families

Other 'new families' have become visible in recent decades with the legitimisation of homosexuality and the spread of new reproductive technologies. In this 3rd part, I will focus on same-sex families, based in particular on my own research in this area, which is based more specifically on an analysis of a thousand hospital files and a hundred or so interviews [15].

The legislation has undergone profound changes. In 1960, the law stipulated that discrimination against homosexuals was to be made worse, but since then the opposite has been the case: in 1973, homosexuality was no longer considered a pathology; in 1982, with law 82-683, homosexuality was decriminalised and the homosexual majority was brought into line with the heterosexual majority (15 years); in 1985, discrimination against homosexuals became an offence (law 85-772) and finally in 2013 marriage was authorised between two people of the same sex (law 2013-404).

At the same time, the first "test-tube" baby was born in 1978 in Great Britain and in 1982 in France. Since then, a number of bioethics laws in France have governed the parent-child relationships of

children born as a result of medically assisted procreation (in particular laws n°94-653 and 94-654 in 1994 and law 2004-800 in 2004) and access to medically assisted procreation extended in 2021 to all women regardless of their marital status (law 2021-1017).

According to my research, two ways of adapting the Western model of filiation are competing in the empirical material, and are at odds either with the binarity of the couple or with male/female complementarity.

An arrangement centred on the couple

The first type of arrangement focuses on the couple. It is based on the principle of bilateral kinship, but shifts the heteronormative framework. The model emphasises the two individuals behind the reproductive project, one or both of whom are also involved from a biological point of view. The priority of the intention, of the social, is thus affirmed independently of the expected sexual complementarity.

In this arrangement, the third party is seen as accessory or even a threat by one of the partners. What counts is the child's history, the people who bring him up, not his parents, as these remarks by women in a couple with another woman show:

(The decision to donate anonymously) was taken by both of us. [...] Perhaps it reassured her more that it was anonymous. I don't know. Was it a threat? Sandrine G.

For the child, it would be his story. He wouldn't know who had fathered him. Somehow, it doesn't matter. Aphrodite F.

The third party is experienced as a momentary biological assistance, external to the child's project. It's this way of living and giving meaning to the experience that drives several lesbian couples who have opted for anonymous gamete donation.

We wanted anonymous donation so that there would never be a third person interfering in our relationship and our child (...) perhaps it's a bit our upbringing, our culture (...) we wanted to be two with our child. Sylvie T

We chose an anonymous donor. [...] we didn't want a known donor because that would then raise the problem of parenthood, the possible claims of that man [...] we wanted a child for two. Clotilde M.

Several social dynamics contribute to the affirmation of this model. On the one hand, the majority of heterosexual couples subscribe to this two-centred vision. Secondly, this model corresponds to changes in the practices of homosexual couples [30]. This point of view is clearly asserted by Victoire M.

I told myself that a child was the fruit of a love between two people, not three or four [...] well, in any case, for Aurore, it was that or nothing. For Aurore, it was anonymous donor or not. Because if we became a family, she wanted even more of a place in it. Victoire M.

A plural configuration integrating women and men

A second form of planning breaks down the binary context of reproduction by valuing multiple parenthood and giving social recognition to all the individuals involved in the reproductive project. Sperm donors, oocyte donors and gestational mothers are all part of the reproductive configuration and are destined to be known by the child. The stories therefore evoke the integration of the third party, illustrated by the concern that the child should have access to the donor, or know the surrogate mother. This is illustrated by the accounts of Sylvia A. in a couple with a woman and Pierre B. in a couple with a man.

Why the Netherlands? Because we chose a donation with access to origins and free of charge. [...] We looked at the reports on births under X to see how important this access is. We saw that not all children born under X necessarily want access to their origins, but for those who do and can't, it can be a real handicap. Sylvia A.

I opted for a surrogate mother in France. The idea behind this solution, apart from the financial aspect, is that our agreement with my partner stipulates that we'll stay in touch, that she'll have news of our child, her child, from time to time. So, in X years' time, if the child [...] wants to know her, he'll be able to know her. Pierre B.

The links with third parties are then established on a one-off or more regular basis, as illustrated by the interview extracts from François T. and Franck C., who are in couples with men and have had surrogate pregnancies.

I didn't want total anonymity. On the other hand, I didn't want a mutual commitment to adore each other, to love each other and to play at being a fake mum ... "An annual contact by email, photo, telephone suits me fine and of course when the child is 18 and wants to see me, I'll be perfectly happy to meet him" [...] So that's what she said and that's exactly what I thought. François T.

With the surrogate mother, I'm generous and kind. I call her once a week or once a fortnight. I send emails regularly. I think she wants to hear from me. I like to give her news. I think it's important for my child too, because the day we might need her, she'll be there. I don't want to call her after ten years and say: "By the way, Jenny, I've got a problem, my son's not well, can we see you? I did the same with the egg donor. Franck C.

Sometimes, this co-parenting is much more deeply rooted in everyday life, leading to innovative configurations: two mothers and a father (Sybille K.); two mothers and two fathers (Noëlle K.), two mothers and their two brothers as sperm donors (Charlotte T.).

We looked for a father [...] we read classified ads for boys who wanted to have children through co-parenting. We came across the rare father! Sybille K.

I immediately opted for the co-parenting project, because I liked the idea of having a mum and dad for my unborn child or children. And I find it very reassuring to share parental responsibility [...] so I asked a friend... and this friend is also in a relationship. So there you have it, two men, two women, four adults saying "yes, let's have a baby". Noëlle K.

This project seems a bit crazy to me now that the uncle would also be the dad and vice versa, that I would be an auntie but also [...] well, mum and also an auntie biologically speaking. I mean, it's a whole re-inscription of things [...] Charlotte T.

This other shaping of experience is also at the crossroads of several social dynamics. One argument relates to the necessary gender difference in parenthood. For example, René Frydman [31] raises the question of "male referents" in the case of sperm donation to a lesbian couple. On the other hand, the right to origin is demanded by associations, highlighted by social science research of Delaisi de Parseval [32] and Fine [33] and has been partially achieved with the 2021 bioethics law. Furthermore, proposals and legislation in other countries are moving in the direction of recognising all partners [33], for example by attributing "shares of paternity", a legal share and an emotional share for the social father, and a share of heredity for the donor. Finally, part of the homosexual world wants to be the bearer of innovations. It seems, however, that this group has become a minority, with the majority

of lesbians and gays fearing that recognition of donors would run counter to the legitimacy of their relationship by renaturalising the model of reproduction.

DISCUSSION

In France, for example, the emergence of new families has gone hand in hand with the undermining of the three pillars of the gender system: differentiation and hierarchy between the sexes, and the principle of heteronormativity. These transformations have led to legislative changes aimed at equality between women and men and equality between different types of family. However, the protests in 2013-2014 against the introduction of ABCD equality programmes aimed at teaching children about gender equality, and against the opening up of marriage to same-sex couples, demonstrate the resistance of a section of the population. I would tend to think that this turbulence highlights the cross-cutting nature of the principle of equality in all areas of life. The changes in the family that the world is facing are taking place simultaneously in the family, but also at school and at work. The public policies that accompany these processes are therefore called upon to take account of these different areas.

Moreover, the transformation of families is taking place on the scale of a globalised society and, like any transnational process, can therefore be analysed as a combination of the national and the global [34]. In France, the philosophy of the Enlightenment and the French Revolution played a decisive role in giving individuals, first men and then women, access to autonomy, and were thus at the origin of the transformations of the family. These dynamics play out differently in Central Asia [35], [36]. Nevertheless, the observations made above raise new questions for Central Asia and, more generally, for society as a whole: can we also identify a joint transformation of gender and the family model? Can we identify decisive periods in national histories for these processes?

CONCLUSION

In conclusion, it is necessary to emphasize that the dynamics of family structures in Western societies, particularly in France, have undergone significant changes in recent decades. The concept of the "new family" encompasses a variety of forms, including blended families arising from remarriage and families resulting from non-marital medically assisted reproduction, often characterized by same-sex parenting arrangements. These transformations have been influenced by social, political, and legislative factors, reflecting changes in societal norms and values.

The pre-1960 family model, based on traditional gender roles and marital norms, has gradually evolved, giving way to more diverse and flexible family structures. The changing gender contract has played a central role in this transformation, allowing for greater flexibility and experimentation in family relationships. As a result, the traditional nuclear family is no longer the sole or dominant form of family organization.

Public policy has also influenced the shaping of new families, with legislation reflecting changing attitudes towards marriage, parenthood, and reproductive technologies. The principle of equality has been at the forefront of family law, aiming to ensure the rights and recognition of diverse family structures.

Moving forward, further research is needed to examine the implications of these changes for individuals, families, and society as a whole. This includes studying the impact of new family structures on social cohesion, intergenerational relationships, and resource distribution. Additionally, comparative studies across different cultural contexts, including Central Asia, may provide valuable insights into the universality and variability of family dynamics in a globalized world.

In conclusion, the study of new families offers a rich and complex area for sociological inquiry, illuminating the changing nature of intimate relationships and the intersections of gender, kinship, and law in contemporary society.

Annex: list of persons quoted

Aphrodite F., 39, secondary school teacher, in a couple with Christiane S. since 1997. They have a 2-year-old baby. Aphrodite is three months pregnant again thanks to an IAD in Belgium.

Charlotte T., 23 years old, student; she had a project for artificial insemination using sperm donated by her ex-partner's brother and for artificial insemination of her ex-partner using sperm donated by her brother. Project not carried out. Currently separated.

Clotilde M., aged 31, distance worker; in a couple with Nicole A.; the couple began reproductive medicalisation in 2008 with two inseminations using donor sperm for Nicole. At the time of the interview, a third insemination was planned.

Franck C., 47, veterinary surgeon, in a couple with Gilles R., had a child through surrogate motherhood in the United States and after several unsuccessful attempts at co-parenthood. They are planning a second surrogate pregnancy in India using the embryos they still have

François T., over 40, manager of a bank branch, single, surrogate pregnancy in progress in the United States.

Noëlle K., aged 42, works in an architecture firm. She is in a relationship with a woman who has a co-parent child from a previous relationship. They are considering a co-parenting project with a male couple. After unsuccessful insemination and IVF in Belgium, they have successfully undergone donor IVF in Spain. The baby is three months old.

Pierre B., a company director who has been in a couple with Olivier M. for six years; they began with inseminations at home, then three unsuccessful inseminations in Spain with a Franco-Portuguese surrogate mother; they were planning in vitro fertilisation at the time of the interview.

Sandrine G has been in a couple for ten years. She has three children, aged between 2 and 5, two of whom were born twins thanks to an IAD in Belgium for which she was responsible for the gestation.

Sybille K., 43, a child psychiatry nurse, has been in a relationship with Anaïs B. for seven years; when insemination in Spain failed, they underwent IVF in Greece and had twins (one year old).

Sylvia A., 37, works in the private sector; partner of Brigitte L.; medical history since 2001; five donor inseminations for Brigitte and one for Sylvia A. in the Netherlands. A boy was born during the fourth insemination (2006). At the time of the interview, Sylvia was pregnant with a girl.

Sylvie T., teacher-researcher, in a relationship with Lina G., researcher; they began a medicalisation process in Belgium; at the time of the interview, they had a 20-month-old baby boy from IVF and were in the process of a second IVF.

Victoire M., 34, librarian. She has been living with Aurore, a curator, for four years. Thanks to artificial insemination in Barcelona, their 10-month-old daughter was born.

Chronology of laws cited:

13 July 1965, law 65-570 reforming matrimonial property regimes, which changed the legal marriage regime for couples marrying without a contract. Women could manage their own property and work without their husband's consent.

28 December 1967, law 67-1176, known as the Neuwirth Act, authorising contraception. The implementing decrees were not published until 1971.

4 June 1970: law 70-459 on parental authority, which amended the Civil Code and replaced paternal authority with joint parental authority: "The two spouses jointly ensure the moral and material direction of the family".

17 January 1975, law 75-17 authorising voluntary interruption of pregnancy (abortion), known as the "Veil law", adopted for a period of 5 years.

11 July 1975: law 75-61 reforming divorce, authorising divorce by mutual consent.

4 August 1982: law 82-683, known as the Forni law, decriminalises homosexuality in France, putting an end to the criminal discrimination against homosexuals that had existed for 40 years.

25 July 1985: law 85-772 makes discrimination on the grounds of sexual orientation an offence.

22 July 1992: law 92-684, which introduces the concept of sexual harassment into French law.

29 July 1994: law 94-653 on respect for the human body and law no. 94-654 of 29 July 1994 on the donation and use of elements and products of the human body, medically assisted procreation and prenatal diagnosis. 6 June 2000: law no. 2000-493 designed to promote equal access for women and men to electoral mandates and elective offices.

6 June 2004: law 2004-800 on bioethics.

17 May 2013: law 2013-404 opening marriage to same-sex couples.

2 August 2021: law 2021-1017 on bioethics. It extends medically assisted procreation (MAP) to female couples and single women,

References:

1 Barry Laurent S. *Glossaire de la parenté, L'Homme.* / Barry Laurent S. [et al.] // *L'Homme.* – 2000. - №154-156. - p.721-732.

2 Déchaux J-H. *Sociologie de la famille: monograph* / Déchaux Jean-Hughes. - ed. *la découverte: collection repères.* – 2009. – 128p.

3 Shorter E. *Naissance de La Famille Moderne : XVIIIe-XXe Siècle.* / Shorter Edward. – Éditions du Seuil. –1977. - 379p.

4 De Singly F. *Sociologie de la famille contemporaine.* / De Singly François. ed. Nathan, 7e edition. –2023. - 128p.

5 Rault W., Régnier-Loilier A. «Introduction». // *Population.* – 2019. - Vol. 74. - p.7-10. – URL: <https://www.cairn.info/revue-population-2019-1-page-11.htm> (date of viewing: 20.11.2023).

6 Déchaux Jean-Hughes, «Le sacre de l'enfant. Regards sur une passion contemporaine» // *Revue française de sociologie.* – 2014. - Vol.55. - p. 537-561. – URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-sociologie-2014-3-page-537.htm> (date of viewing: 20.12.2023).

7 Le Pape Marie C. *L'art d'être un bon parent : quelques enjeux des nouvelles normes et pratiques éducatives contemporaines,* // *Les cahiers français : documents d'actualité.* – 2012. - Vol.371. - p.36 – 42. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/281956062_L'art_d'etre_un_bon_parent_quelques_enjeux_des_nouvelles_normes_et_pratiques_educatives_contemporaines (date of viewing: 15.12.2023).

8 Le Pape, M. & Virot, P. «Les changements d'organisation de la résidence des enfants après une séparation: des arrangements consentis au nom de l'intérêt de l'enfant ?» // *Revue française des affaires sociales.* – 2019. - Vol.4. - p.97-124. – URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-des-affaires-sociales-2019-4-page-97.htm> (date of viewing: 25.12.2023).

9 Le Feuvre N. *Gender, Occupational feminisation and reflexivity: a cross national perspective* / Edited by Rosemary Crompton / *The restructuring of gender relations and employment: ed Oxford University Press.* – 2001. – 254p.

10 Thery Irène. 1998, *Couples, filiation et parenté aujourd'hui. Le droit face aux mutations de la famille et de la vie privée* / THERY Irène. // ed Odile Jacob. –1998. – 413p.

11 Tahon Marie-Blanche, *La famille désinstituée. Introduction à la sociologie de la famille.* // *Sciences sociales. Ottawa, Les Presses de l'Université d'Ottawa.* – 1995. – Vol.21. – pp. 187-189. – URL: https://www.persee.fr/doc/homso_0018-4306_1997_num_123_1_3505 (date of viewing: 20.02.2024).

12 *Les nouvelles frontières de l'inégalité. Hommes et femmes sur le marché du travail* / ed. Margaret Maruani. –Paris: La découverte/MAGE. – 1999. - 283 p.

13 *La parité, enjeux et mise en œuvre* / ed. Martin Jacqueline (dir), Presses Universitaires du Mirail. – 1998. – 300p.

14 *The restructuring of gender relations and employment.* / ed. Crompton Rosemary (dir), Oxford University Press. –1999. – 241p. – URL: <https://academic.oup.com/book/54619> (date of viewing: 18.12.2023).

- 15 Tain L. *Le corps reproducteur. Dynamiques de genre et pratiques reproductives.* / Tain Laurence. – Presses de l'EHESP. – 2013. – 242p. – URL: <https://www.cairn.info/le-corps-reproducteur--9782810901319.htm> (date of viewing: 18.12.2023).
- 16 Leridon H. *Les enfants du désir* / Leridon Henri. - ed Julliard. – 1995. – 278p.
- 17 Ariès P. *Le triomphe de la contraception.* // *Les collections de l'histoire.* – 1998. - №5. - p.78-80
- 18 *La prévention des naissances et ses origines dans les temps modernes, Travaux et documents de l'INED.* / Bergues Hélène [et al.] // *Archives de Sciences Sociales des Religions.* – 1960. – №10 – pp.162-163. – URL: https://www.persee.fr/doc/assr_0003-9659_1960_num_10_1_2704_t1_0162_0000_2 (date of viewing: 24.12.2023).
- 19 Binion R. *Marianne au foyer : révolution politique et transition démographique en France et aux Etats Unis.* // *Population.* – 2000. – vol 55. - №1. - p.81-104. – URL: https://www.persee.fr/doc/pop_0032-4663_2000_num_55_1_7098 (date of viewing: 24.12.2023).
- 20 *Techniques de reproduction et révolutions contraceptives: mises en scène de genre in Le genre face aux mutations.* / collectif Tain Laurence, Capdevila. [et d'autres], - ed Presses Universitaires de Rennes. – 2003. – p.383-393. – URL: <https://doi.org/10.4000/books.pur.15922> (date of viewing: 25.12.2023).
- 21 *Histoire du corps: les mutations du regard, le XXe siècle.* / collectif Corbin, Sohn Anne – Marie. [et d'autres];. – Paris:Points. – 2015. – tome 3. – 576p.
- 22 Novaes S. *Les passeurs de gametes.* / Novaes Simone. - Presses Universitaires de Nancyю – 1994. - 132 p.
- 23 Champagne C., Pailhe A., Solaz A. *Le temps domestique et parental des hommes et des femmes : quels facteurs d'évolutions en 25 ans ?* // *Économie et statistiques.* – 2015. – №478. – pp. 209-242. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/284285316> (date of viewing: 09.01.2024).
- 24 Maillochon F. *De la tradition à la personnalisation de points redéfinition des normes du mariage en France de 1960 à nos jours.* // *Population.* – 2019. – vol.74. – №1. – p.41-72. – URL: <https://www.cairn.info/revue-population-2019-1-page-41.htm> (date of viewing: 25.12.2023).
- 25 Costemalle V. *Parcours conjugaux et familiaux des femmes et des hommes selon les générations et les milieux sociaux in dossier.* // *Couples et familles.* ed. INSEE. – 2015. – pp.63-76. – URL: <https://www.cor-retraites.fr/sites/default/files/2019-06/doc-4403.pdf> (date of viewing: 29.12.2023).
- 26 Rault W., Régnier-L.A. *La première vie en couple : évolutions récentes.* // *Population et sociétés.* – 2015. – №521. – URL: <https://www.cairn.info/revue-population-et-societes-2015-4-page-1.htm> (date of viewing: 25.12.2023).
- 27 Breton D., Barbieri M., Belliot N. *L'évolution démographique récente de la France : une singularité en Europe?* // *Population.* – 2019. vol 74. – №4. p.409-497. – URL: <https://www.cairn.info/revue-population-2019-4-page-409.htm> (date of viewing: 25.12.2023).
- 28 Martin C. *La parentalité: controverses autour d'un problème public.* / *In maternité et parentalité,* Editors: Y. Knibiehler, G. Neyrand: Edition: Editions ENSP. – 2004. – pp.25-35. – URL: <https://shs.hal.science/halshs-00178202> (date of viewing: 29.12.2023).
- 29 Vincent J., *Beau parent avant de devenir parent: une parentalité à l'essai?* // *Revue française des affaires sociales.* – 2019. – №4. – p.125-15. – URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-des-affaires-sociales-2019-4-page-125.htm> (date of viewing: 25.12.2023).
- 30 Gross M. *Les grands-parents dans les familles homoparentales : entre lien biologique et lien social. Politiques sociales et familiales,* Caisse Nationale des Allocations Familiales. – 2009. – pp.41-50. – URL: <https://hal.science/hal-00429164> (date of viewing: 29.12.2023).
- 31 Frydman R. *Un plan pour la procréation médicalement assistée, en faire une cause nationale.* // *Le Monde.* – 2013. – 11 janvier – p.15. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2013/01/11/un-plan-pour-la-procreation-medicalement-assistee_1815757_3232.html (date of viewing: 15.01.2024).

32 Delaisi de Parseval G. *La pluriparentalité occultée : psychodynamique de la parentalité dans les cas d'aide médicale à la procréation avec dons de gamètes* in *La pluriparentalité*. / Editors: Didier Le Gall., Yamine Betanar. / - Paris: éd. PUF. – 2001. – p.113-124.

33 Fine Agnès, *pluriparentalités et homoparentalités dans les sociétés occidentales contemporaines, in homoparentalités, approches scientifiques et politiques* / Editors: Anne Cadoret. [et. ed...];. – Paris: éd. PUF. – 2006. – p.43-46.

34 Sassen S. *La globalisation. Une sociologie: Lecture de Laurent Devisme*. / ed Gallimard. / Paris: Les Cahiers du LAUA. – 2009. – 341p. - Submitted on 12 Jun 2020. – URL: <https://hal.science/hal-02866787/document> (date of viewing: 02.02.2024)

35 Karimova Zh., *Carrières des femmes et des hommes en mathématiques :une analyse comparative des dynamiques sociales et de genre en France et au Kazakhstan*. / Karimova Zh. – Paris: Université de Lyon. – 2021. – Submitted on 23 Feb 2022. – URL: <https://theses.hal.science/tel-03586156> (date of viewing: 02.02.2024)

36 *Quelle identité pour les femmes kazakhes ?/ book. Sous Femmes d'Asie centrale, Genre et mutations dans les sociétés musulmannes soviétiques*. / Habiba Fathi [et d'autres];. – Aux Lieux d'être: IFEAC. – 2007. – 445p. - p.225-258

МРНТИ: 11.25.61

Doi: 10.51889/2959-6270.2024.85.1.007

Ким Ён Суль *

Чоннамский национальный университет,
Метрополитен Кванджу, Южная Корея
e-mail: eurasia12@hanmail.net *

ВОПРОСЫ СТАТУСА И УПРАВЛЕНИЯ КОРЕЙСКИМИ БЕЖЕНЦАМИ ИЗ УКРАИНЫ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Аннотация

В этом исследовании анализировались проблемы статуса и управления корейцев из Украины на основе их опыта убежища из-за войны между Украиной и Россией (русское название: Специальная военная операция) 24 февраля 2022 года. Результаты исследования следующие.

Корейцы, которые покидают Украину и въезжают в Корею, относятся не к положению беженцев, а скорее к мигрантам. При этом украинские корейцы имели статус своих соотечественников за рубежом. В этом отношении корейцы явно имеют право на защиту корейского правительства как зарубежные соотечественники. Однако корейское правительство не оказывает поддержки корейским беженцам из Украины. Причина в том, что не существует юридического или институционального механизма. В заключение в этом исследовании обсуждается вопрос о том, как работает управление миграцией, а также подчеркивается, что корейское общество должно создать новые нормы или институциональные рамки для защиты тех, кто находится в слепой зоне.

Автор рассматривает статус их миграции и обсуждают неадекватность реакции корейского правительства на эту ситуацию. Исследование также поднимает вопрос о глобальном управлении миграцией и необходимости разработки новых норм и институциональных рамок для защиты тех, кто оказывается в "слепой зоне" миграционных политик. В целом, статья призывает к осознанию необходимости адекватной поддержки корейцев, бежавших от войны на Украине, и к разработке соответствующих мер как на национальном, так и международном уровнях.

Ключевые слова: Статус корейцев из Украины, управление, беженцы, иммигранты, соотечественники за рубежом.

*Ким Ён Сул **

*Чоннам ұлттық университеті,
Кванжу Метрополиті, Оңтүстік Корея*

ОҢТҮСТІК КОРЕЯДАҒЫ КОРЕЙЛІК УКРАИНА БОСҚЫНДАРЫНЫҢ МӘРТЕБЕСІ МЕН БАСҚАРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа

Бұл зерттеу 2022 жылғы 24 ақпандағы Украина мен Ресей арасындағы соғысқа байланысты баспана алу тәжірибесіне негізделген Украинадан келген корейлердің мәртебесі мен басқару мәселелеріне талдау жасады (орысша атауы: Арнайы әскери операция). Зерттеу нәтижелері төмендегідей.

Украинадан кетіп, Кореяға кірген корейлер босқын деп есептелмейді, керісінше мигранттар. Бұл ретте украиндық корейлер шетелдегі отандастар мәртебесіне ие болды. Осыған байланысты корейлердің шетелдік отандастар ретінде Корей үкіметінің қорғауына құқығы бар екені анық. Алайда Корея үкіметі Украинадан келген корей босқындарына қолдау көрсетпейді. Себебі, ешқандай құқықтық немесе институционалдық тетік жоқ. Қорытындылай келе, бұл зерттеу көші-қонды басқару қалай жұмыс істейтінін талқылайды, сонымен қатар корей қоғамы соқырларды қорғау үшін жаңа нормаларды немесе институционалдық құрылымдарды құруы керек екенін атап өтеді.

Автор олардың көші-қонының жай-күйін зерттеп, бұл жағдайға Корея үкіметінің әрекетінің сәйкессіздігін талқылайды. Зерттеу сонымен қатар көші-қонды жаһандық басқару және көші-қон саясатының соқыр нүктесінде қалғандарды қорғау үшін жаңа нормалар мен институционалдық негіздерді әзірлеу қажеттілігі туралы сұрақтарды көтереді. Жалпы, мақала Украинадағы соғыстан қашқан корейлерге тиісті қолдау көрсету қажеттілігін түсінуге және ұлттық және халықаралық деңгейде тиісті шараларды әзірлеуге шақырады.

Түйін сөздер: Украинадан келген корейлердің мәртебесі, басқару, босқындар, иммигранттар, шетелдегі отандастар.

*Kim, Young Sool **

*Chonnam National University,
Gwangju Metropolitan City, South Korea*

STATUS AND MANAGEMENT ISSUES OF KOREAN REFUGEES FROM UKRAINE IN SOUTH KOREA

Abstract

This study analyzed the status and governance issues of Koreans from Ukraine based on their experience of asylum due to the war between Ukraine and Russia (Russian title: Special Military Operation) on February 24, 2022. The results of the study are as follows.

Koreans who leave Ukraine and enter Korea are not considered refugees, but rather migrants. At the same time, Ukrainian Koreans had the status of their compatriots abroad. In this regard, Koreans are clearly entitled to the protection of the Korean government as foreign compatriots. However, the Korean government does not provide support to Korean refugees from Ukraine. The reason is that there is no legal or institutional mechanism. In conclusion, this study discusses how migration management works and also emphasizes that Korean society must create new norms or institutional frameworks to protect those in the blind spot.

The author examines the status of their migration and discusses the inadequacy of the Korean government's response to this situation. The study also raises the issue of global migration management and the need to develop new norms and institutional frameworks to protect those who find themselves in the "blind spot" of migration policies. Overall, the article calls for awareness of the need for adequate support for Koreans fleeing the war in Ukraine and for the development of corresponding measures at both national and international levels.

Keywords: Status of Korean Ukraine's refugees, governance, refugees, immigrants, compatriots abroad.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В данном исследовании анализируются проблемы статуса и управления корейцами из Украины, прибывшими в Южную Корею в результате украинской войны. Основываясь на их опыте бегства и убежища, исследование выявляет несколько ключевых аспектов.

Во-первых, рассматривается вопрос статуса корейских беженцев из Украины. Их статус определяется как временные беженцы, иммигранты или зарубежные соотечественники, проживающие за рубежом. Несмотря на это, корейское правительство не предоставляет должной защиты этим лицам, не оказывая поддержку и не создавая необходимые юридические или институциональные механизмы для решения их проблем.

Во-вторых, обсуждается неадекватность реакции корейского правительства на эту ситуацию. Правительство не оказывает должной защиты корейцам, бежавшим из Украины, и украинским корейцам, прибывшим в Корею. Вместо этого, корейские беженцы рассматриваются как часть более широкой категории мигрантов, вынужденных выживать из-за экзистенциальных угроз, вызванных войной.

В-третьих, поднимается вопрос о глобальном управлении миграцией и необходимости разработки новых норм и институциональных рамок для защиты тех, кто оказывается в «слепой зоне» миграционных политик. Это включает в себя не только создание механизмов защиты и поддержки беженцев, но и активное участие в решении глобальных проблем миграции на международном уровне.

Таким образом, данное исследование призывает к осознанию необходимости адекватной поддержки корейцев, бежавших от войны на Украине, и к разработке соответствующих мер, как на уровне национального, так и международного законодательства и политики.

ВВЕДЕНИЕ

Когда в Украине разразилась война, корейские беженцы из Украины начали прибывать в Корею. По состоянию на 28 февраля 2022 года в Корее проживало 2413 украинских корейцев. По состоянию на 31 декабря 2023 года в Корее проживало 3469 украинских корейцев [1]. Таким образом, после войны в Корее проживает около 1056 украинских корейцев. Большинство украинских беженцев, прибывших в Корею, - женщины.

По данным организаций и активистов, поддерживающих украинских корейцев, количество корейских беженцев, бежавших из Украины и уехавших за границу, по состоянию на конец 2022 года после начала украинской войны оценивалось примерно в 3000 человек, а количество украинских беженцев въехавших в Корею было около 1200. В настоящее время считается, что около 150 украинских беженцев покинули Корею или вернулись в свои дома в Украине.

По данным Министерства иностранных дел Республики Корея, по состоянию на декабрь 2021 года в Украине проживало 12711 корейцев, из них 6916 мужчин и 5795 женщин. В частности, численность украинских корейцев по регионам составляет 1751 человек в Николаевской области, 1446 в Днепропетровской области, 1253 в Херсонской области, 1124 в Донецкой области, 931 в Запорожской области, 773 в Одесской области, в Киеве и в Киевской области 493 человека, 482 в Луганской области, 394 человека проживают в Харьковская область и другие места. В это число вошли 3027 корейцев из Республики Крым (2877 человек)

и Севастополя (150 человек). Без учета этого количества жителей Крымского полуострова численность корейцев в Украине составляет 9684 человека [2].

В начале войны корейские беженцы из Украины в основном бежали в соседние страны, такие как Польша, Румыния, Венгрия, Молдова и Словакия. Есть беженцы, направляющиеся в Россию, Белоруссию и даже Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан. Из-за продолжения войны и разрушения их жилых помещений они отказались от возвращения в Украину и предпочли отправиться в Корею. Многие люди Корё, приехавшие в Корею во время ситуации с беженцами, приехали по краткосрочным визам (С-3).

Украинские беженцы, прибывшие в Корею, имели следующие характеристики. *Во-первых*, хотя корейские беженцы из Украины не имеют опыта трудоустройства в Корею в качестве гастарбайтеров, у большинства из них есть родственники и знакомые, приехавшие в Корею в качестве трудовых мигрантов. «Корейская диаспора имеет сложную историю и отношения с Кореей, собственную идентичность и даже имена. В Южной Корее используется термин «Корёин», но многие этнические корейцы в государствах постсоветского пространства идентифицируют себя как «Корё-сарам». Правительство Южной Кореи использует термин «корейцы за рубежом» для обозначения этнических корейцев, проживающих за рубежом» [3]. Следовательно, они такие же, как и транснациональные мигранты, с той разницей, что они попадают в Корею через Восточную Европу, например, через Польшу или Румынию. Другими словами, они обладают характеристиками смешанной миграции, сочетающей черты как беженцев, так и иммигрантов. Авторы О.Ивасечко, Я. Турчин и Т.Астрамович-Лейк в своей работе исследовали миграционный кризис украинских беженцев в ЕС, вызванный вторжением России в Украину в 2022 году, сосредоточившись на анализе законодательства о статусе беженца и временной защите, ключевых проблемах интеграции и поддержке стратегий ЕС по приему беженцев [4].

Обычно они приезжают семьями. Поскольку это была война, у них не было другого выбора, кроме как бежать всей группой. Приехав в Корею, они разошлись по разным местам, где у них были знакомые. Причина, по которой они поехали в Ансан, Инчхон, Кванджу и Кёнджу, заключалась в том, что у них была сеть родственников или знакомых в этих районах. Среди них были случаи, когда дети уже приехали в Корею и были либо студентами колледжа, либо работали на фабриках. В некоторых случаях дочери выходили замуж и жили в Корее. Таким образом, украинские корейцы в целом имели связи с Кореей. Место, где находятся их семьи, становится лучшим убежищем. Среди мужчин было немало тех, кому очень повезло приехать в Корею до войны. Если бы он был в Украине, его бы призвали в армию.

Во-вторых, корейцы-беженцы из Украины – это люди транснациональной миграции и циркулярной миграции, которые въехали в страну по рабочим (Н-2), зарубежным корейским (F-4) или краткосрочным (С-3) визам. Среди них те, кто въехал по визе Н-2 или F-4, – это те, кто жил в Корее и вернулся или посетил Украину, когда началась война, или те, кто остался в Корее.

Корейцам из Украины, въехавшим в Корею, будут выданы визы с теми же требованиями, что и раньше, без каких-либо документов, подтверждающих, что они корейцы. Однако, если вы впервые приезжаете в Корею и впервые подаете заявление на получение визы, вам и членам вашей семьи, подтвердившим, что вы являетесь гражданином Кореи с помощью паспорта или удостоверения личности, будет выдана виза С-3 без каких-либо подтверждающих документов.

Некоторые корейцы также участвуют в циркулярной миграции. Это тот случай, когда у человека уже есть жилая база в Корее. Это люди, которые несколько раз путешествовали между Кореей и Украиной. Итак, они также в некоторой степени говорят по-корейски.

В-третьих, большинство корейских беженцев из Украины хотят поселиться в Корее. Хотя существует множество проблем, таких как адаптация к Корее и будущее, эти корейские беженцы старались жить решительно. Некоторые даже боялись возвращения. Многие корейцы-беженцы думали о своей исторической родине, когда разразилась война. В некоторых случаях муж и сын в Украине не смогли приехать в Корею из-за призыва на

военную службу. Пенсионеры говорят, что обязательно вернуться в Украину, когда там ситуация стабилизируется. Главным образом потому, что они оставили все на Украине.

Таким образом, некоторые корейцы говорят, что они на время покинули Украину во время войны и скоро вернуться в Украину. В каком-то смысле я не думал о них как о беженцах, а как о временном убежище. Для такого человека решить, где остановиться на какое-то время, было не таким уж трудным решением.

В частности, в отличие от украинских беженцев, прибывших в Корею, основным пунктом назначения украинских беженцев, остающихся в Европе, являются приграничные страны Украины. Так, некоторые беженцы в Украине едут домой и возвращаются сюда по разным причинам, например, временно въехав в страну, чтобы собрать вещи, не имея возможности найти место для проживания за рубежом или купить необходимые вещи, поработать или навестить родственников. Украинские беженцы иногда сразу меняют статус на граждан.

Корейцы, спасающиеся от украинской войны, в основном стремятся получить временный статус беженца не только в Корее, но и за рубежом, транснациональную миграцию и поселение в других странах или вернуться в Украину. Несмотря на это, гуманитарная и политическая поддержка была крайне необходима. Однако в корейском правительстве не было дискуссии о том, как преодолеть экономические, социальные и культурные трудности и оправиться от них.

В этом исследовании рассматриваются три вопроса, связанные с этническими корейцами, спасавшимися от украинской войны и проникшими в Корею. Первый – это вопрос статуса корейских беженцев из Украины. Статус корейских беженцев в результате войны в Украине – это вопрос о том, являются ли они временными беженцами, иммигрантами или соотечественниками, проживающими за рубежом. Во-вторых, это неуместность реакции корейского правительства, которое не выполнило требования о защите не только беженцев, бежавших из Украины, но и украинских корейцев, въехавших в Корею. Корейские беженцы в Корее могут быть частью более широкой категории мигрантов, вынужденных выжить, которые приехали из Украины, чтобы избежать экзистенциальных угроз из-за отсутствия помощи. Причина их побега - обрушение спасательных баз из-за войны. В этом отношении это люди, которые нуждаются в защите в соответствии с международным правом человека в контексте краха их существования. Есть причина, по которой корейское правительство не поддерживает корейцев, бегущих от войны на Украине. В-третьих, глобальное управление миграцией еще не сработало в сфере приема беженцев в Корее. Европейские страны демонстрируют разнообразие управления миграционной поддержкой при приеме украинских беженцев. Таким образом, корейское общество сталкивается с проблемой, как защитить тех, кто находится в «слепой зоне», и как создать новые нормы или институциональные рамки.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования включает сбор и анализ данных, связанных с украинскими корейскими беженцами в Южной Корее. Для этого использовались как количественные, так и качественные подходы с целью получения всестороннего понимания статуса и управления этими беженцами.

Для сбора статистических данных о количестве украинских корейских беженцев, проживающих в Южной Корее, использовались официальные источники, такие как отчеты правительства и данные Министерства иностранных дел Южной Кореи. Также учитывались отчеты организаций и активистов, поддерживающих украинских корейских беженцев.

Для качественного исследования проводились полуструктурированные интервью с украинскими корейскими беженцами с целью изучения их миграционного опыта, а также организовывались фокус-группы для более глубокого понимания их интеграционного опыта и социальных взаимодействий в корейском обществе. Кроме того, проводились глубокие кейс-

исследования для изучения конкретных семей украинских корейских беженцев с целью выявления их уникальных обстоятельств и адаптационных процессов.

Для анализа данных использовались дескриптивный анализ статистических данных о демографических характеристиках украинских корейских беженцев, а также сравнительный анализ для сопоставления опыта и результатов этой группы с другими популяциями беженцев в Южной Корее.

В ходе исследования также обеспечивались этические аспекты, включая получение предварительного информированного согласия от участников исследования, уважение к их культурным особенностям и обеспечение конфиденциальности данных.

Исследование проводилось посредством полевых опросов украинских беженцев в европейских странах (Польша, Германия, Румыния, Чехия и Венгрия) и глубинных интервью с украинскими беженцами, приехавшими в Корею. В частности, в Корею в период с 24 февраля 2022 года по 4 июля 2022 года были проведены интервью с более чем 50 людьми. В основном они расследовали корейских беженцев из Украины и корейских активистов. Большинство из них - женщины и дети. Зарубежное полевое исследование проводилось с 27 сентября по 15 октября 2022 года. В Польше я лично встречался с Польским национальным центром приема беженцев, Варшавским городским центром приема беженцев, информационным центром Варшавского центрального вокзала, а также с миссионером корейской церкви, которая отправляет корейцев в Корею. В Германии я посетил Центр регистрации беженцев в аэропорту Берлин-Тегель. А в Чехии и Венгрии расследования проводились путем встреч с Будапештским отделением Международной организации беженцев и местными организациями поддержки беженцев. Здесь мы встретили более 50 украинских беженцев из Польши и Германии и более 10 корейских беженцев из Украины в приюте, которым управляют корейские миссионеры в Польше. Дополнительный опрос проводился в Корею с 11 по 14 января 2024 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. Статус корейских беженцев из Украины

Корейские беженцы из Украины до въезда в Корею были беженцами в Европе. Война на Украине переросла в полномасштабную гуманитарную катастрофу. 4 марта 2022 года ЕС активировал Директиву о временной защите. Цель заключалась в том, чтобы ослабить давление на национальные системы предоставления убежища и обеспечить, чтобы перемещенные лица пользовались согласованными правами на всей территории ЕС. Временная защита - это чрезвычайный механизм, который может быть активирован в случае большого притока перемещенных лиц и направлен на обеспечение немедленной и коллективной защиты тем, кто не имеет возможности вернуться в свою страну. Украинские беженцы будут пользоваться особой защитой в ЕС как минимум до марта 2025 года.

Первое - это вопрос временной защиты корейцев, бегущих из Украины. Обеспечение доступного жилья для беженцев важно на ранних этапах интеграции. Для немедленного приема беженцев с временной защитой такие страны, как Чехия, Польша и Словакия, полагаются на сочетание частного жилья и государственных центров приема. Эти страны оказали финансовую поддержку лицам, принимающим украинских беженцев. Хотя поддержка, оказанная частными лицами, была важной частью реакции государства, зачастую она была временной мерой.

Хотя первоначально в приграничных странах и по всей Европе осуществлялась широкомасштабная гуманитарная помощь, большая часть помощи беженцам была организована на лету агентствами по оказанию помощи и отдельными добровольцами. Группам и волонтерам, работающим с беженцами на пограничных переходах и в транзитных пунктах, не хватало формальной организации, и эта проблема постепенно была решена.

Излияние солидарности волонтеров было трогательным, но национальная организация не смогла за ним поспеть.

Второе - доступ к рынку труда корейских беженцев из Украины. Беженцам очень важно найти работу. Для этой цели необходима профессиональная подготовка, образование взрослых и обучение языку принимающей страны. В частности, языковое образование может оказать существенное влияние на интеграцию и долгосрочный доход беженцев. Исследование Хеесео Лее и Брендан Хове подчеркивает важность признания квалификаций для беженцев как основополагающего элемента их самоопределения и устойчивого развития сообществ, анализируя политики признания квалификаций в Южной Корее сравнительно с Канадой, Норвегией и Австралией [5].

Третье - доступ к медицинской поддержке корейских беженцев из Украины. Из-за насилия, травм и осложнений, связанных с конфликтом, потребности беженцев в медицинской помощи, вероятно, будут выше, чем у обычных граждан в странах-получателях. Принимающие страны в той или иной степени в целом расширили медицинское обслуживание украинцев, спасающихся от насилия. В частности, подтверждена травма у корейцев, бежавших из Украины. Беженцы страдали эмоционально.

Четвертое - доступ к социальной поддержке для корейцев-беженцев из Украины. Мероприятия по социальной защите должны в первую очередь быть сосредоточены на чрезвычайных и основных потребностях посредством социальной помощи и интеграции беженцев в системы социального страхования. Большинство стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предоставляют финансовую поддержку для удовлетворения основных потребностей, но ее целесообразность и форма различаются. Месячная квота на взрослого составляет 61 евро в Венгрии, 68,8 евро в Словакии и 360 евро в Германии. Помимо материальной поддержки, ключевой проблемой для беженцев является доступ к основным платежным счетам и финансовым услугам. Любой, кто легально проживает в стране ЕС, имеет право открыть базовый банковский счет. Чтобы облегчить доступ к основным финансовым продуктам и услугам, европейские банковские власти не требуют от финансовых учреждений получения паспортов для проверки личности беженцев. Вместо этого потенциальные клиенты могут полагаться на независимые альтернативные документы в качестве доказательства того, что они являются беженцами, бегущими из Украины.

Пятое - доступность образования для детей корейских беженцев из Украины. Учитывая большой приток детей-беженцев, крайне важно повысить потенциал системы образования. Дети составляют 33.3% беженцев ЕС, причём более высокая доля в странах, граничащих с Украиной.

Поэтому важно адаптировать политику образования к потребностям украинских детей. Для управления ими услуги образования и ухода должны получать адекватную поддержку и финансирование. Доступное дошкольное образование и уход имеют решающее значение для семей, бегущих из Украины. Отсутствие доступных услуг по уходу за детьми может стать серьезным препятствием для семей с одним родителем в поиске работы в странах ОЭСР.

В исследовании авторы Х.Д. Кима, С. Оказаки призывает углубить понимание адаптационного опыта международных беженцев в Южной Корее и предоставить академическое обоснование для разработки политик, способствующих интеграции и защите прав беженцев в этом регионе. Автор проведя глубокий анализ адаптационного опыта международных беженцев в Южной Корее, выявил ключевые аспекты их интеграции через метод интерпретативного феноменологического анализа [6, с.43].

Между тем корейские беженцы из Украины имеют статус соотечественников, проживающих за рубежом. По состоянию на конец декабря 2022 года число корейцев, проживающих за границей, достигло 7,08 миллиона человек, а в июне 2023 года правительство Кореи передало функцию корейской политики за рубежом Министерству иностранных дел и

интегрировало бизнес-функции Фонда зарубежных корейцев для создания Управление по делам корейцев за рубежом при министре иностранных дел.

Этот правительственный департамент усиливает функции поддержки политики для корейцев, живущих за рубежом, и предоставляет комплексные услуги государственной службы, такие как консульские, юридические и военные вопросы, посредством сотрудничества с соответствующими министерствами. Он также выполняет такие функции, как обмен и сотрудничество с зарубежными корейцами и группами, активация сети, корейское образование нового поколения и проекты продвижения культуры. Кроме того, было решено создать Комитет по зарубежной корейской политике при Министерстве иностранных дел для определения среднесрочных и долгосрочных политических направлений и укрепления общей функции координации корейской политики за рубежом, включая сотрудничество с соответствующими министерствами.

Однако не обсуждалось принятие корейцев, которые не знали корейского языка и избежали таких катастроф, как война. В связи с этим, судя по всему, правительству необходимо принять и продвигать в качестве национальной задачи Основной закон для корейцев, проживающих за рубежом, включая улучшение юридических, социальных и экономических прав корейцев с иностранным гражданством и возвращающихся корейцев.

2. Уязвимость корейских беженцев из Украины после въезда в Корею

Большинство бегущих из Украины — женщины и дети. Корейские женщины, бежавшие из Украины и въехавшие в Корею, имели в своей жизни множество уязвимостей. Женщины-беженцы имели различную уязвимость в зависимости от их обстоятельств и обязанностей по уходу за сопровождающими их детьми и родителями. В частности, уязвимость была гораздо выше среди женщин-беженцев, чьими спутниками были дети, женщин с ограниченными возможностями в семье, тех, кто не имел мужа и был главой семьи, пожилых женщин, которым было трудно найти работу, а также женщин с травмами или проблемами со здоровьем из-за высокой нестабильности. В частности, это следующее:

Во-первых, корейские женщины-беженцы из Украины уязвимы с точки зрения средств к существованию и независимости. Женщины, бежавшие из Украины, сталкиваются с наибольшими экономическими трудностями при зарабатывании на жизнь, потому что они внезапно бежали в Корею из-за неожиданной войны. Они совершенно не готовы к новой жизни в Корее. Кроме того, были случаи, когда у женщин-беженок из Украины в семье было от одного до девяти человек. Большой семье, состоящей из многих членов, нелегко прожить самостоятельно за короткий период времени. Это связано с тем, что в Корее нет доступа к социальной поддержке корейских беженцев из Украины.

Во-вторых, женщины, которые заботятся о детях и обучают их, уязвимы. Помимо уязвимости к вреду и пренебрежению, дети имеют уязвимости к самостоятельному развитию. Они могут повлиять на будущее ребенка. Поэтому дети нуждаются в заботе не только для того, чтобы выжить, но и для развития основных физических, интеллектуальных и эмоциональных способностей.

Украинско-корейские женщины, имеющие детей школьного возраста, не считали, что вопрос ухода за детьми является серьезной проблемой. Забота о детях школьного возраста не сразу стала главным приоритетом в жизни. Но даже в этом случае самой большой проблемой было совмещение работы и ухода за детьми дошкольного возраста. Кроме того, доступное дошкольное образование и уход имеют решающее значение для семей, бегущих из Украины. Это связано с тем, что отсутствие доступных услуг по уходу за детьми может стать серьезным препятствием для семей с одним родителем в поиске работы. Для корейских женщин, бежавших из Украины, самой большой проблемой, с которой сталкиваются их дети в Корее, является их способность использовать корейский язык. Таким образом, поскольку родители не могут нести ответственность за домашнее задание или обучение членов своей семьи, особенно детей, представляется необходимым предоставить родителям программы обучения

корейскому языку. «Многие корецы нашли убежище в Южной Корее после вторжения России в Украину в 2022 году. Несмотря на усилия Министерства юстиции, беженцы сталкиваются с проблемами, такими как безработица и языковые барьеры. Материальная поддержка в основном поступает от некоммерческих организаций. Визовая политика требует дальнейших реформ, а долгосрочные меры, такие как сотрудничество с местными властями и найм русскоязычных учителей, необходимы для интеграции корейцев» [7].

В-третьих, женщины, которые заботятся о своих родителях, уязвимы. Больше внимания следует уделять женщинам-беженцам с особыми условиями, которые маргинализируются в большинстве политик в отношении беженцев. Улучшение защиты и расширение прав и возможностей женщин-беженцев, по-видимому, является насущной необходимостью из-за их собственных условий и потребностей, а также их морального обязательства заботиться о детях и родителях. Семья несет ответственность за заботу о родителях, и особенно для женщин, не имеющих мужа, забота о родителях не только трудна, но и болезненна. Проблемы ухода за детьми и родителями воспринимались женщинами как самые большие трудности наряду с вопросами продовольствия, одежды и жилья.

В-четвертых, одной из самых больших трудностей для корейских беженцев из Украины является отсутствие доступа к медицинской помощи. Медицинские потребности беженцев неизбежно будут высокими из-за насилия, травм и осложнений, связанных с конфликтом.

«В рамках исследования Организацией Объединенных Наций и Всемирной организацией здравоохранения сотрудники центров отбирали потенциальных участников через скрининг предварительно записанных встреч или индивидуальные визиты. Включение в исследование предусматривало следующие критерии: несовершеннолетние беженцы до 18 лет, въехавшие в Республику Корея после российского вторжения в Украину в 2022 году, и добровольно согласившиеся участвовать в опросе. Исключались несовершеннолетние беженцы, находившиеся на психотерапии во время исследования. Участников опрашивали о их личном трагическом опыте» [8]. Родители и дети многих беженцев сталкиваются с серьезными проблемами со здоровьем и адаптацией. Многие из них обращаются в бесплатные медицинские центры для проверки здоровья. Им требуется лечение и хирургическое вмешательство, что представляет собой значительные проблемы. Они также испытывают психологическое давление из-за войны. В основном медицинские услуги они получают через частные организации. У многих наблюдаются симптомы посттравматического стресса, тревожные расстройства, диабет, высокое кровяное давление, а также дискомфорт в различных областях, включая спину.

Без медицинской страховки медицинские услуги в больницах общего профиля очень дороги. Оформление медицинской страховки обходится беженцам очень дорого, и даже если вы регистрируетесь сразу, вы увидите льготы только через шесть месяцев. Необходимо оказать срочную медицинскую помощь, чтобы вы могли получить пособие сразу после оформления медицинской страховки.

В-пятых, уязвимы женщины, ухаживающие за инвалидами. Уход за детьми-инвалидами не только труден, но и мучителен для женщин, оставшихся без мужа. Беженцы с ограниченными возможностями, как правило, подвергаются большему риску уязвимости из-за трех факторов: женщины, инвалидность и перемещение. Помимо заботы о себе как о жене и матери, женщины также должны заботиться о своих детях-инвалидах.

В этом процессе корейские женщины-беженцы ожидали, что Корея защитит их из-за их этнической принадлежности как корейцев, но защиты не было. Однако уязвимость корейских женщин-беженцев из Украины в Корее была более серьезной из-за их гендерной идентичности как женщин.

На самом деле, женщинам гораздо труднее стать беженцами, чем мужчинам. Женщины-беженцы находятся в тяжелом положении. Женщины сталкиваются с особыми проблемами не только в своей жизни, но и в уходе за детьми, инвалидами или пожилыми женщинами,

поскольку они испытывают экономические трудности. Поэтому они чувствуют ответственность за свою нынешнюю жизнь и боятся опасного и трудного путешествия.

Таким образом, корейские женщины-беженцы из Украины сталкивались с трудностями в своей повседневной жизни из-за своей уязвимости и гендерной идентичности как женщины-беженцы из Украины, но они не получали поддержки и защиты на уровне прав человека на нормативном, политическом и институциональном уровне. Они показали, что их экономические и социальные права не были защищены как иммигрантов, за исключением корейских этнических женщин, в миграционном пространстве Кореи. Это может быть связано с уникальностью корейской местности, которая рассматривается как мультикультурный феномен, сформировавшийся в результате глобальной миграции. Однако опыт уязвимости, который появляется, когда горизонт восприятия, созданный перспективой беженцев в корейском обществе, и экспериментальное пространство, подразумеваемое этнической идентичностью корейцев и гендерной идентичностью женщин, пересекаются, он обычен, как и любой другой беженец, но это остается проблемой прав человека, на которую Республика Корея должна обратить внимание.

Конечно, для снижения уязвимости женщин-беженцев необходима устойчивость. Самое главное, что государство и его институты должны нести ответственность и играть роль в уменьшении социальных процессов, которые создают уязвимость, а также рисков и последствий уязвимости.

Устойчивость и самостоятельность очень важны в процессе восстановления жизни женщины-беженки после въезда в Корею. С этой целью корейскому правительству необходимо реализовать что-то вроде программы устойчивости для беженцев, прибывающих в страну из Украины. Это потому, что их жизнь, восстановленная и выжившая без разрушения, также будет полезна будущему корейскому обществу.

Между тем, в Украине война создала кризис защиты детей огромного масштаба. Большинство спасающихся от войны, разразившейся 24 февраля 2022 года, - дети и женщины. Подсчитано, что около 20% корейских беженцев из Украины, обосновавшихся в Корею, - это дети и подростки. Однако их экономические, социальные и культурные права не защищены в иммиграционном пространстве под названием Корея.

В частности, на качество жизни детей-беженцев большое влияние оказывают обстоятельства их родителей. Чтобы обеспечить здоровый рост и психологическую стабильность детей-беженцев, стабильность их жизни не может быть гарантирована без постоянного обмена и общения между членами семьи и социальными службами по расселению и социальной интеграции семей беженцев.

Корейские женщины, бежавшие из Украины, похоже, не испытывают серьезных проблем с образованием своих детей в Корею. Это связано с тем, что начальная, средняя и старшая школы являются обязательными, а образование до средней школы бесплатное. Больше всего этим детям нужна программа по изучению корейского языка. Проблема в том, что матери не могут взять на себя ответственность за выполнение домашних заданий или обучение членов своей семьи, особенно детей, поэтому образование корейского языка для матерей кажется необходимым.

Кроме того, корейскому обществу необходимо обратить внимание на основные аспекты повседневной жизни корейских детей, бежавших из Украины – личную, семейную, школьную и общественную жизнь. Их повседневная жизнь часто сталкивается с совершенно особыми ситуациями. Из-за войны в армию были призваны мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, поэтому некоторые приехали в страну с матерями-одиночками. В таких случаях и в случаях, когда в Корею нет родственников, это обязательно будет очень сложно. По этой причине низкое качество жизни и социальный статус взрослых корейских беженцев в Украине передается детям, которых они воспитывают. В таких ситуациях правительство или органы местного

самоуправления должны принять меры, чтобы гарантировать права, пусть даже временные, обеспечить процессуальную защиту и внимание для этих людей.

Корейские дети-беженцы из Украины испытывают множество трудностей в адаптации к корейскому обществу в повседневной жизни. Во-первых, дети-беженцы из Украины подвергаются стрессу из-за таких переживаний, как травмы, связанные с войной, эвакуация, разлука и потеря, а также переселение в их личной жизни.

Кроме того, проблемы средств к существованию могут сильно повлиять на личную жизнь детей и вызвать у них большой стресс. Особенно в случае неполных семей нелегко сразу устроиться на работу из-за ухода за детьми и их образования. Вот они истощены и морально, и физически. Если вы не работаете, вы также беспокоитесь о том, как заработать на жизнь. К счастью, у тех, кто уже приехал в Корею до эвакуации, есть сеть родственников. Это потому, что мы можем получить их помощь на данный момент. Им приходится бросить все и вернуться только с сумкой, поэтому им приходится начинать свою жизнь заново. Поскольку они пришли ни с чем, за них полностью отвечают родственники. Они также получили помощь от родственников с домашней утварью и предметами домашнего обихода для еды семьи. Поскольку родители-одиночки озабочены не только домашними делами, но и образованием и уходом за своими детьми, вся семья сейчас переживает трудные времена.

Во-вторых, в семейной жизни корейские дети-беженцы проявляли стремление помогать друг другу как члены семейной организации и как сообщество, проявляющее солидарность внутри семьи. В рамках социальной интеграции семья служит очень сложным, но важным фактором для беженцев, которым необходимо адаптироваться к новой среде. Это связано с тем, что наличие семьи является важной основой для обеспечения психологической стабильности отдельным беженцам в процессе интеграции. Семейные убеждения (семейный долг, соблюдение традиций, упорный труд, жизнь через детей) часто становятся для членов семей беженцев основными ценностями и смыслами, влияющими на их жизнь после войны. В частности, корейские беженцы осознают, что семья – это самое важное. Когда началась война и они приехали в Корею, первыми им помогли другие члены семьи. Итак, знание того, что это прежде всего семья, может послужить возможностью восстановить хорошую семью.

В-третьих, в школьной жизни дети обычно заводят друзей, улучшают свою успеваемость, испытывают положительные эмоции, получают консультации, наставничество и посещают внеклассные занятия, если они доступны, а также участвуют в уроках корейского или английского языка или клубных мероприятиях. Общение и взаимодействие со сверстниками в школе и культурные программы сыграют важную роль в оказании помощи детям-беженцам в их школьной жизни. Они могут помочь детям-беженцам преодолеть издевательства, отсутствие принадлежности и эмоциональные трудности.

Дети многих беженцев возвращаются домой из школы, не участвуя ни в каких внеклассных программах. Дома они только смотрят на свои смартфоны, не проверяют школьную работу и ничего не делают. По выходным они не ходят в церковь, никуда не выходят и просто сидят дома. Они даже не гуляют со своими русскоязычными друзьями и не имеют корейских друзей, которых могли бы навестить. Им очень трудно оставаться дома. «Исследование Х.Д. Кима, С. Оказаки показало, что международные беженцы в Южной Корее демонстрируют решимость противостоять политическим преследованиям на родине, готовность пройти трудный процесс получения признания, чувство культурного отчуждения и оценку новых возможностей в Корее, выходящих за рамки базового выживания» [9, с.35].

В школе друзьями детей-беженцев из Украины были русскоязычные этнические корейцы из Узбекистана или Казахстана. Уровень корейского языка детей-беженцев находится в тяжелом состоянии. Как и ее дети, матери также испытывают трудности с речью. В этой ситуации школы пробуют различные адаптации, такие как программы обучения корейскому языку, психологическое консультирование и двуязычное образование для учащихся иммигрантского происхождения, но, как говорят, это непросто. В будущем, по всей

видимости, в школах здесь будут функционировать подготовительные школы для детей иммигрантского происхождения, в том числе корейских детей-беженцев из Украины, а также в двуязычных инструкторах или преподавателях-носителях, которые будут немедленно проводить занятия.

В школе также много иностранных учеников средних классов, поэтому необходима специальная программа для их поддержки. Например, существуют программы для детей-переребечиков из Северной Кореи, которые знают корейский язык, но проходят обучение в течение нескольких месяцев, чтобы преодолеть идеологические барьеры. Однако учащихся из числа иностранных иммигрантов просто бросают в школу, несмотря на то, что они не понимают язык и имеют совершенно другую культуру. Их навыки корейского языка не улучшаются даже после нескольких лет обучения, что является большой тратой ресурсов как для страны, так и для детей. Поскольку их будущее в Корее может измениться, необходимо предоставить им профессиональное образование, консультации и языковую подготовку в течение нескольких месяцев, прежде чем официально отправить их в школу.

А корейские дети-беженцы из Украины не участвовали в кружках, хобби, отдыхе и творческих программах. Учащиеся средних классов мало что знали о клубных программах. Корейский язык можно изучать не только посредством языкового обучения, но и посредством различных клубов. Заведение корейских друзей в клубе также может иметь большой эффект. Эти дети до сих пор не знают языка из-за военной травмы, поэтому занятия в клубе должны были быть для них трудными. Дети-беженцы или учащиеся средних школ иммигрантского происхождения начинают процесс аккультурации, в котором одна культура влияет на другую. Обычно для этого требуется многогранная программа, которая была бы достаточно всеобъемлющей и гибкой для удовлетворения этих потребностей.

В-четвертых, у детей-беженцев нет образования, которое могло бы помочь им адаптироваться к корейскому обществу, и им не обеспечена достаточная информация или доступ к образованию. Это связано с тем, что корейское правительство рассматривает корейских детей-беженцев из Украины не как беженцев или соотечественников, живущих за рубежом, а как международных мигрантов. В результате дети-беженцы рассматривали возможность возвращения в Украину из-за отсутствия адаптации к корейской культуре, идентичности, отсутствия социальной поддержки со стороны корейского общества и безразличия к детям-беженцам. Тем не менее, для социального взаимодействия, общения и доступа к жизненной информации семьи и дети беженцев посещают русскоязычные корейские церкви, но некоторые из них также хотят напрямую общаться с корейским обществом.

Таким образом, проблемы, с которыми дети-беженцы сталкиваются в своей повседневной жизни, сложны. Чтобы решить эту проблему, школы должны наладить партнерские отношения с семьями и помочь детям-беженцам добиться успеха в учебе и жизни, включая предоставление социальной, эмоциональной и академической поддержки. Для оказания социальной и эмоциональной поддержки перемещенным детям социальным работникам, консультантам и учителям можно предложить воспользоваться специальными консультационными услугами. Оказание академической поддержки детям-беженцам может предоставить отличные возможности для репетиторства и помощи после школы. Кроме того, школам необходимо переводить и распространять информацию о политике и родительских правах на родном языке детей-беженцев.

Для детей-беженцев опыт перемещения из-за войны влияет на их психосоциальную адаптацию. Дети-беженцы из Украины живут в незнакомой среде и обществе с новыми одноклассниками, новыми учителями и новым языком. Самой неотложной и насущной потребностью является проблема связи и стабильности между отдельными людьми, семьями, школами и обществом. Это будет связано с интересом корейского общества к детям-беженцам из Украины, пережившим войну, и сейчас настало время для нас сделать все возможное, чтобы вместе защитить и поддержать их.

3. Неадекватность реакции корейского правительства

Что касается корейских беженцев из Украины, то очень сложная задача определить, где и как провести границу между беженцами и добровольной миграцией. В настоящее время корейские беженцы из Украины не признаются беженцами в Корее, поэтому необходима новая концепция для более широкой категории людей, которые должны иметь нормативные права в отношении беженцев, основанные на правах человека.

Фактически, корейские беженцы из Украины — это люди за пределами страны своего происхождения, которые не могут получить доступ к помощи или решениям в Корее из-за экзистенциальных угроз. Пересечение границы становится для них крайней мерой. Итак, что здесь важно, так это концепция основных прав с этической точки зрения. Основные права — это минимальные условия человеческого достоинства и самоуважения.

Чтобы изучить эти условия, мы рассмотрим политику корейского общества по приему корейских беженцев из Украины посредством следующих законов: Закона о корейцах за рубежом, Закона о северокорейских перебежчиках и случая особых доноров в Афганистане. Корейцы-беженцы из Украины имеют статус зарубежных корейцев, но они не получают защиты и поддержки с точки зрения основных прав, как северокорейские перебежчики или специальные доноры в Афганистане. Какова причина?

Во-первых, хотя корейские беженцы из Украины имеют статус заграничных корейцев, к ним относятся как к трудовым мигрантам. Это связано с тем, что корейские соотечественники иностранного гражданства по-прежнему рассматриваются как категория иностранной рабочей силы в конкретной стране посредством их рабочего визита и статуса проживания. В 1999 году был принят «Закон об иммиграции и правовом статусе корейцев за рубежом» [10].

Однако в современном корейском обществе нет специализированной государственной организации поддержки соотечественников. Бюджета поддержки нет. Правовых оснований для поддержки соотечественников, находящихся в Корее, нет. Можно сказать, что задача ликвидации дискриминации соотечественников лежит на пути к тому, чтобы корейское общество стало здоровым обществом.

В этой ситуации представляется необходимым принять «Основной закон о корейцах за рубежом» в отношении корейцев, имеющих иностранное гражданство. Принятие этого закона связано с тем, что Закон о корейцах за рубежом ограничивается иммиграцией, правовым статусом и внутренней деятельностью корейцев за рубежом и не регулирует всестороннюю корейскую политику за рубежом. Это связано с необходимостью гарантировать базовые вопросы, такие как поддержка расселения зарубежных корейцев в стране их проживания, обмен со страной их происхождения, а также расширение удобства при въезде, выезде и пребывании в стране.

Если бы Основной закон о корейцах за рубежом был принят, он, вероятно, сыграл бы роль в поддержке внутренней деятельности корейских беженцев из Украины, содействии их средствам к существованию (визы, медицинское страхование и т. д.), расширении их прав и интересов, таких как трудоустройство и расселение, и социальная интеграция. Даже сейчас принятие Рамочного закона о корейцах за рубежом в качестве нормативной базы необходимо для стабильного расселения корейцев за рубежом.

Во-вторых, хотя корейские беженцы из Украины имеют такое же корейское происхождение, они не имеют такого же правового статуса, как перебежчики из Северной Кореи. Согласно статусу въезда северокорейских перебежчиков, предоставленному Министерством объединения Республики Корея, по состоянию на 2020 год в Корее проживает в общей сложности 33752 северокорейских перебежчика. Законодательство Южной Кореи рассматривает перебежчиков из Северной Кореи как граждан, когда они входят в дипломатическую миссию за границей или въезжают в страну, поэтому нет места для применения концепции беженцев. Однако, если они в большом количестве покидают Северную Корею и переезжают в третью страну, третья страна должна предоставить им защиту в соответствии с

законодательством о беженцах или предоставить временную защиту. В этом отношении международно-правовые нормы, касающиеся создания массовых беженцев, таких как северокорейские перебежчики, могут быть применены к корейским беженцам из Украины. Однако когда северокорейские перебежчики прибывают в Южную Корею, с ними обращаются как с гражданами, но в случае беженцев, покидающих Украину, не существует никаких правовых или институциональных мер для оказания помощи или защиты.

В настоящее время социальные услуги, предоставляемые северокорейским перебежчикам, включают социальное обеспечение, выплату средств на поселение, расходы на проживание в экстренных ситуациях и медицинские расходы, трудоустройство, поддержку трудоустройства, формирование активов, юридические консультации, образование для северокорейских студентов-перебежчиков и расходы на образование. Это предусмотрено действующим Законом о защите и поддержке переселенцев из Северной Кореи (Закон о северокорейских перебежчиках), который является своего рода «основным законом» для северокорейских перебежчиков.

Однако необходимо учитывать перспективу социальной интеграции, учитывая, что значительное количество корейцев, проживающих в Корее, желают проживать в Корее в течение длительного времени. Конечно, если сформулировать непосредственную политику в отношении корейских беженцев из Украины сложно, то, судя по всему, существует необходимость экстренной помощи на уровне соотечественников, учитывая тот факт, что это миграция выживания.

В-третьих, корейские беженцы из Украины не являются особым вкладчиком, как люди из Афганистана. 26 августа 2021 года в Корею прибыли люди, нанятые агентствами корейского правительства, которое направило войска в Афганистан для развертывания войск и проекта региональной реконструкции. Всего их было 391 человек. Корейское правительство назвало их особыми донорами, а не беженцами. Специальные доноры отличались от обычных беженцев и нуждались в особой защите со стороны корейского правительства. Хотя это продвигалось под термином «специальный вкладчик», на самом деле это ничем не отличалось от предоставления тех же законных прав, что и «признанным беженцам». Министерство юстиции предоставило статус проживания (F-2), аналогичный статусу признанных беженцев, иностранцам, которые внесли особый вклад в Республику Корея или способствовали продвижению общественных интересов. Они смогут свободно трудоустроиться, оставаясь в Корее на срок до пяти лет.

Вопрос о специальном вкладчике Афганистана был повесткой дня, которую необходимо было рассматривать на макроуровне с точки зрения глобальной гражданственности и с точки зрения альянса РК-США. Однако особый вклад Афганистана был внесен в корейское общество на уровне, выходящем за рамки основанного на крови националистического дискурса. В этом отношении может показаться, что корейцы той же национальности, приехавшие из Украины, не получили преференций в плане пребывания в стране, трудоустройства или экономической деятельности, поскольку они не внесли особого вклада в Республику Корея. Сомнительно, можно ли сказать, что оказание помощи корейцам, спасающимся от войны, нарушает гуманитарные принципы, глобальное гражданство, Международный пакт о правах человека или Конвенцию о ликвидации расовой дискриминации.

Южная Корея в настоящее время не предоставляет статус беженца корейским беженцам из Украины. Однако 8 марта 2022 года правительство Кореи приняло решение упростить процесс выдачи виз украинским соотечественникам. Кроме того, даже если не будет случаев въезда в Корею корейских беженцев из Украины, если будет доказано, что они являются корейцами, проживающими за рубежом, будет выдана краткосрочная виза (С-3), позволяющая пребывание в Корее сроком до 3 лет.

Корейскому правительству необходимо немедленно предоставить чрезвычайную гуманитарную помощь корейским этническим корейцам из Украины, пострадавшим от войны, как с точки зрения социального, так и экономического статуса. Это потому, что это разумно с точки зрения социальной интеграции, прав человека и гуманизма.

4. Слабое управление для поддержки корейцев-беженцев из Украины

В процессе создания политики поддержки корейских беженцев, покидающих Украину, важно добиться значимого участия правительства (центрального правительства и местных органов власти) и частных организаций (НПО). Однако правительство отсутствует в этом процессе, и участвуют только частные организации. Для этих людей особенно желательно создание управления по поддержке соотечественников иностранного гражданства внутри страны и за рубежом.

Большую роль в приезде корейских беженцев из Украины в Корею сыграл тот факт, что это была их историческая родина. Однако корейское правительство до сих пор не отреагировало на корейских беженцев из Украины. После начала войны член Национальной ассамблеи заявил, что посетит Польшу, чтобы понять ситуацию с беженцами в Украине и найти пути оказания поддержки корейским беженцам из Украины, но четких мер защиты не существует.

Тем не менее, поддержка корейских беженцев из Украины была сосредоточена вокруг организаций поддержки корейских соотечественников. С февраля по март 2022 года организации поддержки украинских корейцев в Корею выступили с заявлением, призывающим упростить оформление въездных документов для корейских беженцев, прибывающих из Украины, и оказать поддержку беженцам, а Минюст реализовал меры по упрощению выдачи виз. В апреле была сформирована сеть поддержки корейцев, пострадавших от войны в Украине, с участием 12 организаций из 8 регионов страны.

В частности, в апреле 2022 года 71 отечественная частная организация призвала правительство оказать чрезвычайную помощь корейцам из Украины. В их число входит разрешение полноценного въезда в страну всем корейцам в Украине и их семьям, желающим вернуться на историческую родину, поддержка чартерных рейсов и авиабилетов для соотечественников, возвращающихся на историческую родину, определение текущего статуса корейцев в европейских беженцах и предоставление экстренной помощи. Помощь им, и они потребовали поддержки, чтобы соотечественники, возвращающиеся в свои страны, могли поддерживать минимальный уровень жизни. Однако они не получили никакой поддержки или защиты от корейского правительства. В настоящее время корейские беженцы из Украины демонстрируют многочисленные уязвимости в основных жизненных ситуациях, таких как жилье, экстренные средства к существованию и доступ к медицинской помощи, что очень затрудняет им ведение стабильной жизни.

Впоследствии с мая по июнь 2022 года был проведен национальный митинг солидарности в ответ на поддержку беженцев, прибывающих в Корею. Поддержка расходов на проживание стала предоставляться корейским беженцам из Украины через различные социальные организации, такие как Корейский Красный Крест и Общественный фонд Кореи. Эти митинги солидарности просили оказать поддержку корейским беженцам из Украины посредством встречи с министром иностранных дел, но этого не было достигнуто.

Однако корейское гражданское общество часто поддерживало или сотрудничало с корейскими беженцами из Украины. В целом эти сети поддержки стремились создать комплексную систему поддержки соотечественников из Украины.

Его цель состояла в том, чтобы создать поддержку въезда и пребывания, поддержку проживания, поддержку восстановления и институциональную систему безопасности, чтобы надеяться на скорейшее окончание войны в Украине и дать соотечественникам возможность вести стабильную жизнь в своей родной стране и восстанавливаться после физических и психических повреждений.

В настоящее время гуманитарную поддержку корейским беженцам из Украины оказывают многие частные организации, но она недостаточна. Поэтому корейскому правительству представляется необходимым создать правовую и институциональную основу, принимая во внимание тот факт, что корейские беженцы из Украины — это корейцы, живущие за рубежом. Кроме того, в условиях войны и стихийных бедствий представляется необходимым разработать новую политику для решения проблемы корейцев-беженцев из Украины путем создания управления по поддержке корейцев за рубежом.

В зависимости от того, как правительство Юн Сок Ёля будет формировать корейскую беженскую, иммиграционную и этническую политику в будущем, статус и национальное благосостояние корейских беженцев из Украины, вероятно, окажутся затронуты. Это связано с тем, что решение этих проблем будет связано с ценностями и будущим Кореи не только с точки зрения социальной интеграции, но и с точки зрения национальной интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом исследовании проанализирована миграция с точки зрения беженцев, мигрантов и соотечественников за рубежом, через опыт беженцев корейцев из Украины. Результаты исследования следующие.

Первое – это статус корейских беженцев из Украины. В частности, корейские женщины, бежавшие из Украины, имели в своей жизни множество уязвимостей. Женщины-беженцы имели различную уязвимость в зависимости от их обстоятельств и обязанностей по уходу за сопровождающими их детьми и родителями. В частности, уязвимость была гораздо выше среди женщин-беженцев, чьими спутниками были дети, женщин с ограниченными возможностями в семье, тех, кто не имел мужа и был главой семьи, пожилых женщин, которым было трудно найти работу, а также женщин с травмами или проблемами со здоровьем из-за высокой нестабильности.

Корейские дети-беженцы из Украины также испытывают трудности с адаптацией в корейском обществе. В частности, проблемы, с которыми дети-беженцы сталкиваются в своей повседневной жизни, сложны. Дети-беженцы из Украины живут в незнакомой среде и обществе с новыми одноклассниками, новыми учителями и новым языком. Самой неотложной и насущной потребностью был критический вопрос связи и стабильности между отдельными людьми, семьями, школами и обществом.

Во-вторых, корейцы-беженцы из Украины, имеющие статус соотечественников за рубежом, уязвимы с точки зрения социального и экономического статуса в Корее. Однако никакой помощи со стороны центрального правительства с точки зрения социального и экономического статуса не было, и их поддержка была обязанностью частных организаций.

Таким образом, корейцы, бежавшие из Украины, не имеют статуса беженца в Корее и находятся в ситуации, когда к ним относятся только как к иммигрантам, хотя они корейцы лишь по внешнему виду. Что касается проблемы беженцев, каждая страна должна реализовать универсальные гуманитарные принципы и глобальное гражданство в соответствии со своими приоритетами, но верно и то, что существуют трудности.

В этом отношении, если корейцы из Украины не имеют особого вклада в Республику Корея и им сложно срочно получить государственную поддержку из-за их этнической принадлежности, гуманитарную поддержку корейского правительства можно назвать разумной с точки зрения прав человека, например как национальные интересы, нормы и моральные ценности. В конце концов, глядя на результаты, показанные для корейских беженцев из Украины, правительство демонстрирует тенденцию относиться к ним как к иммигрантам на уровне иммиграционной политики, а не подходить к своей политике как к беженскому или этническому вопросу, поэтому представляется, что меры по защите их следует подготовить.

References:

1 Department of Justice, Department of Justice Monthly Report on Immigration and Foreign Policy Statistics, December 2023. / [Electronic resource] / Republic of Korea, 2023. – URL: https://www.moj.go.kr/moj_eng/index.do (date of viewing: 08.10.2023).

2 Status of Koreans Abroad. Report of the Office of Consular Planning for Koreans Abroad for 2021. / [Electronic resource] / Republic of Korea, 2021. – URL: https://www.moj.go.kr/moj_eng/index.do (date of viewing: 08.10.2023).

3 Ukrainian Refugees of Korean Descent Seek Fresh Start in South Korea // Asia Pacific Foundation of Canada. Published: March 28, 2023. – URL: <https://www.asiapacific.ca/publication/ukrainian-refugees-korean-descent-seek-fresh-start-south> (date of viewing: 15.11.2023).

4 Ivasechko O. & Turchyn Y. & Astramowicz-Leyk T. (2023). Mechanisms for the Protection of Ukrainian Refugees in the EU Member States. *Nowa Polityka Wschodnia*. 38. 15-37. – URL: <https://czasopisma.marszalek.com.pl/en/10-15804/npw/1368-npw2023/npw20233/12325-npw2023301> (date of viewing: 15.11.2023).

5 Lee H. & Howe B. Providing Access to Higher Education for Refugees: Comparative Analysis and Policy Recommendations for South Korea. *International Journal of Asia Pacific Studies*. 2023. – URL: https://ijaps.usm.my/?page_id=7120 (date of viewing: 25.12.2023)

6 Kim H., Okazaki S., Kim J. An Exploratory Study on the Adjustment Experiences of Refugees Living in South Korea: Focusing on a positive perspective // *비교교육연구*. Korean Comparative Education Society. – 2023. – №2 (33). 31-62.

7 Won Seok Lee. Modifying Visa Laws for Korean-Ukrainian Students / Won Seok (Eric) Lee. // *Georgetown Public Policy Review*. 2023. – September 21. – URL: <https://gppreview.com/2023/09/21/modifying-visa-laws-for-korean-ukrainian-students/> (date of viewing: 05.11.2023).

8 Park S, Lee JS, Kim H-J, Lee H, Lee M, Kim S-Y, Choi H. Mental Health Screening for Korean Ukrainian Refugee Minors in the Republic of Korea: A Cross Sectional Pilot Study. *Adolescents*. – 2023. № 3(1) p.141-152. – URL: <https://www.mdpi.com/2673-7051/3/1/11> (date of viewing: 10.11.2023).

9 Kim H., Okazaki S., Kim J. An Exploratory Study on the Adjustment Experiences of Refugees Living in South Korea: Focusing on a positive perspective // *비교교육연구*. Korean Comparative Education Society. – 2023. – №2 (33). 31-62.

10 Закон о корейцах за рубежом // *Korean Laws*. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=53349&type=part&key=44 (date of viewing: 10.11.2023).

**МЕРЕЙТОЙ
ЮБИЛЕЙ
ANNIVERSARY**

ЮБИЛЕЙ-70 лет

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ-КОРЕЕВЕД

Масштабность и глубина происходящих в Казахстане и мире преобразований, новый облик, который обретает республика и мировое сообщество, современный ритм жизни создают ощущение некоторой утраты исторической преемственности, связи времени и т.д. В этих условиях и для всех нас – современников и участников этих событий – становятся особенно важным методологически корректное освоение истории, не только той, которая уходит вглубь веков, но и совсем недавней. И нет лучшего способа реализации этой задачи, чем концентрация нашего внимания на крупных местностях уходящей эпохи. Такой личностью для казахстанской исторической науки стал известный ученый – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель Казахстана – Ким Герман Николаевич.

Г.Н. Ким – выдающийся ученый-кореевед, гордость казахстанской науки, патриот. Он является талантливым научным исследователем и педагогом, внесшим неоценимый вклад в развитие отечественной науки и высшего образования, основателем казахстанской научной школы корееведения. Сегодня казахстанская общественность, научный мир празднует замечательный юбилей – 70-летие со дня его рождения. Его жизненный путь – достойный пример служения интересам страны, созидания ее научного, образовательного потенциала. Я знаю Г.Н. Кима со студенческих лет. Он был моим студентом, активным и талантливым.

Г.Н. Ким родился в 1953 году. После окончания средней политехнической школы № 5 (с математическим уклоном) в г.Алматы в течение 6-ти лет обучался на специальном отделении исторического факультета КазГУ имени С.М. Кирова. Уже в студенческие годы проявились такие качества Германа Кима, как трудолюбие, организованность, целеустремленность, способность, тяга к знаниям, наукам, иностранным языкам. На старших курсах проявил великолепное знание немецкого языка, поэтому его после окончания университета оставили работать преподавателем немецкого языка в родном университете. Германистика могла стать уделом всей его жизни, но в стране началась горбачевская перестройка и в его жизни произошёл крутой поворот.

В начале 1987 года он поступил на вакантное место в очную аспирантуру и стал заниматься исследованием истории советских корейцев. Его научный руководитель – известный учёный, академик-востоковед Р.Б. Сулейменов, увидев потенциал и рвение соискателя, отпустил его в «вольное плавание». В аспирантские годы Герман Ким опубликовал несколько статей, три брошюры, выступил на международных конференциях, читал лекции по линии общества «Знание», поэтому ему была назначена «Ленинская стипендия». Через три года была успешно защищена диссертация «Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946-1966 гг.)» на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

В 1990 году он приступил к работе научным сотрудником Центра по изучению национальных и межнациональных отношений Института философии и права Академии наук КазССР, параллельно читал лекции на корейском отделении факультета журналистики КазГУ имени С.М. Кирова.

Правительство Республики Кореи через фонд поддержки зарубежного корееведения выделило ему 18-месячный грант для изучения корейского языка. Проучившись полгода, он закончил экстерном полный курс обучения в Институте языкознания Сеульского национального университета. Затем в том же лучшем университете прошёл научно-исследовательскую стажировку в Институте кросскультурных исследований, во время которой определился с темой докторской диссертации – Иммиграция корейцев в мировом масштабе.

Вернувшись из Сеула, он стал работать сначала старшим научным сотрудником, а через три года – заведующим отделом корееведения Института востоковедения. Работая в системе Академии наук, Герман Ким имел возможность часто выезжать в зарубежные командировки для сбора материалов и источников по теме исследования. Ему удалось получить научно-исследовательские и проездные гранты фондов разных стран: Кореи, Японии, Великобритании, США и побывать во многих странах, где проживали корейские иммигрантские сообщества.

Не проходя очную докторантуру, без научного руководителя он сумел защитить в 1999 г. докторскую диссертацию на тему «История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. – 1945 г.» и стать одним из немногих казахстанских учёных по специальности «Всемирная история».

С 1999 по 2008 годы Г.Н. Ким занимал должность заведующего кафедры корееведения факультета востоковедения КазНУ имени аль-Фараби, а также по совместительству заместителя декана по научной работе. В течение семестра временно исполнял обязанности декана факультета востоковедения, однако не связал свою научную карьеру с административной работой. В 2000 году решением Государственной аттестационной комиссии ему было присвоено учёное звание – профессор.

Г.Н. Ким оказался среди первого поколения казахстанских востоковедов, и он по праву относится к основателям научной школы корееведения Казахстана. Совместно с ведущими профессорами он выступил за реформирование структуры факультета востоковедения. В итоге кафедры, имевшие филологическую специальность, стали страноведческими кафедрами.

За 10 лет руководства кафедрой численность студентов корейского отделения увеличилась в три раза, сформировался костяк преподавательского состава кафедры, была создана материальная и техническая основа, сформирован большой книгофонд – целая библиотека, разработана вся учебно-методическая литература, составлена необходимая документация. Кафедра стала готовить специалистов от бакалавров до PhD по всем 4 специальностям факультета востоковедения.

В первое десятилетие кафедры, когда ещё не появились преподаватели с ученой степенью, профессор Г.Н. Ким читал все курсы лекций по Кореи, а также специальные курсы по источникам и историографии корейцев Казахстана, актуальным проблемам зарубежных корейских диаспор и другие. Его лекции по дисциплинам «Введение в регионоведение» и «Введение в востоковедение» вызывали и вызывают огромный интерес у студентов-востоковедов, а рейтинг профессора Кима всегда находится на самой высоте.

В это период он также сосредоточился на подготовке молодых ученых-корееведов: руководил научно-исследовательской работой аспирантов, стажеров-исследователей, соискателей, являлся членом докторских диссертационных советов по специальностям «Всемирная история», «История международных отношений» и «Отечественная история».

Г.Н. Ким вырастил целую плеяду высококвалифицированных научных кадров: под его руководством защищены 30 кандидатских и магистерских диссертаций, из них 15 – ученые из Южной Кореи, США и Японии. К его ученикам относятся Стивен Ли – профессор университета Беркли, Алиса Пак – профессор университета Айова, Нацуко Ока – научный сотрудник Института развивающихся экономик Японии, Эрия Ли – профессор университета Васеда, Чжон Сен Хва – PhD университета Хоник, Линда Штокелова – магистрант Пражского Университета, к.и.н. Чжан Чун Хи (университет Ханъянг), Хан Ен Сук (Университет иностранных языков Хангук), к.и.н. Козельский Денис, Ем Наталья, Берлибаева Асель, Ибраева Жанна – работают в вузах Казахстана. В настоящий момент он является научным руководителем 3 докторантов PhD.

Профессор Г.Н. Ким успешно преподавал в зарубежных вузах: в 2004 году в Университете иностранных языков Хангук (Сеул) читал курс лекций «История просвещения и образования в России и Казахстане». В 2006 году в качестве приглашенного профессора в Мичиганском университете – спецкурс «Актуальные проблемы диаспорологии». С ноября 2008 по апрель 2009 год – он приглашенный профессор-исследователь Центра славянских исследований университета Хоккайдо. В 2014 году работал профессором кафедры внешней политики и дипломатии Женского университета Сунгсин (Сеул) и прочитал 4 курса лекций на английском языке. С 2015 по 2018 годы он являлся штатным профессором кафедры истории университета Конгук (Сеул) и возглавлял Центр по сотрудничеству с Центральной Азией. Его авторский курс «Евразийская инициатива и Корейский полуостров», который он читал на английском языке в течение 6-ти семестров неизменно привлекал сотни студентов, магистрантов и докторантов разных факультетов не только из Кореи, но и полутора десятков других стран. Возглавляемый им Центр проделал огромную работу по развитию научного и образовательного сотрудничества с национальными университетами Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. До наступления пандемии Герман Ким в течение одного семестра выполнял научный проект в Институте Юго-Восточной Азии университета Киото.

Профессор Г.Н. Ким выступал со специальными лекциями в ведущих университетах США (Harvard, Columbia, Stanford, Berkeley, USLA, штата Огайо, Гавайского университета, штата Мичиган (Лэнсинг) и Миганского университета (Энн-Арбор, Джона Хопкинса, СмитсоНИЕвских институтах), Великобритании (SOAS, London University); Японии (Токио, Kyoto, Хоккайдо, Ниигата), Германии (Humboldt Universitaet, Mark Plank Institute), Индии (J.Nehru University), Канады (UBC), в десятках университетов Южной Кореи, Узбекистана, России, Кыргызстана и Таджикистана. Профессору Г.Н. Киму неоднократно поступали предложения подписать контракты штатного профессора в университетах России (Международный Центр корееведения МГУ им. Ломоносова), Южной Кореи (университет Тэгу), Майями (США), Австралийского Национального университета (Канберра), однако он всегда оставался верен своей родине – Казахстану и родному университету – КазНУ имени аль-Фараби.

Как ученый и преподаватель профессор Герман Николаевич вполне соответствовал и соответствует мировым стандартам и ничуть не уступает по уму и знаниям своим именитым коллегам из других стран мира. Многие зарубежные профессора, особенно корейские, которые работали с Германом в Южной Кореи, Японии и других странах с большой теплотой вспоминают о нем как о замечательном человеке, ученом и преподавателе.

Современное университетское образование немыслимо без международных связей и, благодаря усилиям профессора Г.Н. Кима, были подготовлены и подписаны договоры со многими десятками зарубежных, в первую очередь – с ведущими университетами Кореи. В итоге более 150 студентов и магистрантов кафедры корееведения, а также других факультетов КазНУ обучалось в течение одного семестра или академического года в Кореи.

Г.Н. Ким является автором учебников и учебных пособий, которые изданы издательством КазНУ. Его учебное пособие «История религий Кореи» широко используются не только студентами КазНУ, но и в других университетах Казахстана, а также России, Узбекистана, Украины и Белоруссии. Оно было переведено на казахский язык «Кореяның діндер тарихы» (2011) и издано в со-авторстве с Б.Ж.Ташкинбаевой. Учебно-справочное издание «Корея Республикасы» (2016) стало одной из первых книг по корееведению на казахском языке. Продвигая в казахстанской науке новое направление диаспорологии, Г.Н. Ким подготовил и издал первые в СНГ учебные пособия «Введение в диаспорологию» (2016) и «Основы диаспорологии» (2018).

По учебникам, учебным пособиям, написанным Г.Н. Кимом, учатся тысячи студентов, магистрантов, докторантов. Как лектор, профессор Г.Н.Ким пользуется уважением, его увлекательные и содержательные лекции слушали каждый год сотни студентов, магистрантов, докторантов. Слушали и учились многие историки, этнографы и т.д., из которых потом выросли известные ученые, педагоги, руководители и общественные деятели.

Свою педагогическую деятельность Г.Н. Ким совмещает с активной научно-исследовательской работой. Всего опубликовано в Казахстане и за рубежом более 250 научных печатных трудов, в том числе свыше 25 монографий. Его научные статьи опубликованы в престижных академических журналах, а также в коллективных монографиях, изданных в США, Японии, Южной Кореи, Великобритании, Германии, Индии, России и других стран. Фундаментальный научный труд в трех томах «История иммиграции корейцев», охватывающий весь мир со второй половины XIX в. до наших дней и внёсший значительный вклад в мировое корееведение, издан в Казахстане и Южной Кореи. Первый том – «한인 이민 역사» (서울, 박영사, 2005) по решению корейской правительственной комиссии вошел в число пяти лучших научных трудов среди изданных в 2005 году в Кореи книг (свыше 1200 наименований) в области исторических наук. Он издан повторно тиражом 20 тыс. экземпляров и распределён по всем библиотекам страны.

Многолетние научные интересы профессора Г.Н. Кима связаны с исследованием истории и современности корейцев, проживающих за пределами Корейского полуострова, отношений между Казахстаном и двумя корейскими государствами, межкорейских отношений, теоретических вопросов мировой диаспорологии. Однако он опубликовал также статьи по разным научным направлениям, в том числе по этнографии, этносоциологии, этнодемографии, этнокультурологии, миграциологии, дипломатике, социолингвистике. Междисциплинарный и кросскультурный подход присущ многим его публикациям.

Мировое корееведение и научная общественность признает профессора Г.Н. Кима ведущим экспертом по всем вопросам, связанным с прошлым и настоящим корейцев Казахстана, Центральной Азии, Советского Союза и СНГ. Общее число цитирования его печатных трудов в Google scholar (<https://scholar.google.com/citations>) на первый день 2024 года составляет 656, а в научных публикациях по статистике academia.edu – 349 (<https://kaznu.academia.edu/GermanKim>).

Профессор Г.Н. Ким получил множество приглашений и выступил с научными докладами на более чем 150 международных конференциях и семинарах в топовых университетах и исследовательских центрах Европы, Азии, Северной Америки.

Он является членом международной комиссии по источникам истории Кореи при Национальном комитете по истории Кореи, международных корееведческих ассоциаций в Европе (AKSE, London) и Азии (ASKO, Seoul), Америке – AAS (Ann-Arbor, США), Ассоциации профессоров университетов на Шелковом пути, Ассоциации по изучению культуры зарубежных корейцев и т.д.

Профессор Г.Н. Ким является членом редколлегии международного журнала Acta Koreana (индексируемый в Scopus), International Area Review (HUFS, Seoul), Central Asian Review, Acta Rossiana (Института изучения России и СНГ. Korea University, Сеул), Studies of Koreans Abroad (ASKO), Korea Forum (журнал зарубежных корейцев Лос-Анджелес-Нью-Йорк – Сеул – Токио, Центральная Азия и Кавказ (HUFS, Seoul), Journal of Endangered Languages- Turkic Languages (Istanbul, Turkey), Journal of Contemporary Korean Studies (JCKS), International

Journal of Diaspora & Cultural Criticism (Konkuk University), Journal of Overseas Korean Culture (Kongju National University), S/N Korean Humanities (Konkuk University), «Зарубежные исследования. Общество. Политика. Экономика». Журнал Института социополитических исследований (Астана), «Вестник востоковедения» – журнал по востоковедению КазНУ им. аль-Фараби и др.

В течение 20 лет Г.Н. Ким является главным редактором научного журнала «Известия корееведения Казахстана», который с 2004 года изменил формат и название на «Известия корееведения в Центральной Азии». Всего вышло в свет 24 номера, содержащие 600 научных статей отечественных и зарубежных исследователей по актуальным вопросам корееведения.

Признание научного авторитета профессора Г.Н. Кима на мировом уровне выразилось в выделении ему международных грантов, в том числе: Korea Research Foundation (1991), Korea Foundation (1992, 1994, 2004, 2006), British Academy Академии (1992-1993), фонда Сороса (1998), фонда Korean Global Foundation (USA, 2000), Korea Research Foundation (2001), Японского института региональных исследований (2003), IREX (International Research Exchange), фонда Эндрю У. Меллона (USA, 2006), POSCO Foundation (2007), Institute of Developing Economics (Japan, 2008-09), Center of Slavic Studies University of Hokkaido (2008-09), Institute for East-Asian Studies Kyoto University и т.д. Он неоднократно проходил научные стажировки в ведущих университетах Южной Кореи, Великобритании, Японии и США.

Решением Ученого совета КазНУ им. аль-Фараби от 2 марта 2020 был создан Институт Азиатских исследований, директором которого назначили профессора Г. Н. Кима. За прошедший период, несмотря на пандемию Covid-19, проделана работа по выполнению целей и задач вновь образованного научного подразделения. ИАИ имеет несколько фокусных научных направлений, интегрирующих весь ИПС факультета востоковедения, а также других социально-гуманитарных факультетов.

В период пандемии Институт Азиатских исследований провёл в формате онлайн международные конференции, семинары, церемонии подписания договора о сотрудничестве с Волгоградским государственным университетом, с университетами Кореи, Инха, Чунбук, Центром культуры зарубежных корейцев Национального университета Конгчжу, Центром Центрально-Азиатских исследований Хангук университета иностранных языков, Центром по изучению межнациональных отношений Узбекского национального университета им. М. Улугбека.

Совместно с научными центрами других вузов были разработаны и поданы заявки на три грантовых проекта; изданы 5 книг в серии ИАИ, запущен институтский сайт (<http://institute-asian-studies.kz/>), готовится к выпуску первый номер электронного журнала, а также серия справочных изданий «Современные страны Азии» на русском и казахском языках.

ИАИ планирует в ближайшее время наладить контакты и сотрудничество с университетами и научными центрами таких стран в Юго-Восточной Азии, как Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Малайзия, Индонезия и т.д. Учитывая полное отсутствие специалистов в Казахстане по этому важному региону, в Азии планируется подготовка магистров и докторов PhD по современным странам ЮВА и АСЕАН.

Г.Н. Ким активно вовлечён в общественную работу. С 1999 по 2022 годы он являлся вице-президентом Ассоциации корейцев Казахстана. Параллельно с вице-президентством в АКК принимал активное участие в деятельности других корейских общественных организаций, таких как Научно-Техническое общество КАХАК, Общество потомков борцов за независимость Кореи, Консультативного Совета по мирному объединению Кореи, Совета консультантов по политике в отношении зарубежных корейцев при канцелярии премьер-министра Республики Корея. Свободное владение корейским, английским, немецким, знание иностранных языков, страноведческих сведений, приобретённых не только из книг, но и зарубежных поездок (около 50 стран мира), стали основанием для еще одной общественной работы. Он выступил переводчиком между президентами Казахстана и Кореи, министрами,

губернаторами провинций, мэрами городов, акимами областей, городов и районов, ректорами университетов, руководителей учреждений науки, образования, культуры и спорта.

С самого начала создания Научно-Экспертного Совета Ассамблеи народа Казахстана он активно участвует в обсуждении претворении политики дружбы, толерантности, формирования единства народов Казахстана. Важное место в его общественной деятельности занимает публикация в СМИ многих сотен популярных и просветительских статей.

Г. Н. Ким – это человек высоких личных качеств. Мне приходилось много общаться с ним в разных ситуациях. Главное, что определяло его поведение, отношение к другим людям – это высокая интеллигентность, преданность принципам, чувство чести и долга, ответственности и гражданственности, которые проявились тем острее, чем ближе они касались интересов народа, страны. Эти понятия были для него органичны и очень естественны как в повседневных житейских ситуациях, так и в общественной и научной деятельности. Он очень любит жизнь, своих родителей, свою супругу, очаровательных детей. Его порядочность, скромность, коммуникабельность и душевность привлекали и привлекают к нему много людей. Он стремится помочь всем окружающим, причем абсолютно бескорыстно.

За свои научные труды и активную общественно-педагогическую деятельность получил признание у себя на Родине и в Корее. В 2007 году удостоен почётного звания «Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері» (Заслуженный деятель Казахстана). Через два года ему вручили нагрудный знак Министерства образования и науки Республики Казахстан «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан». 2014 год стал особым годом признания, так как он получил юбилейную медаль «80-летие КазНУ им. аль-Фараби», медаль Ассамблеи народа Казахстана «Бірлік» и престижную премию ТРК KBS, которой раз два года награждаются 5 видных представителей из 7,5 миллионов зарубежных корейцев в разных номинациях. Награда ему была присуждена в номинации «Гуманитарные и социальные науки».

В 2015 году был удостоен в Казахстане юбилейной медалью «20-летие АНК» и в Корее награждён орденом Республики Корея «Кукмин пхочжанг» («За гражданские заслуги»).

27 апреля 2023 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Кемелевич Токаев на XXXII сессии Ассамблеи народа Казахстана вручил в столичном Дворце Мира и Согласия государственные награды особо отличившимся своим трудом деятелям Казахстана. Первым в списке стоял профессор Г.Н. Ким, награждённый орденом «Достык» II степени.

В 2023 году его также отметили важными для него ведомственными и общественными наградами: Туймебаев Ж.К. – Председатель правления-ректор КазНУ им. аль-Фараби вручил Большую золотую медаль аль-Фараби. Директор Института востоковедения Д. Максимхан наградил медалью имени академика Р.Б. Сулейменова, а Национальная академия наук Высшей школы Казахстана – нагрудным знаком «Заслуженный деятель науки».

В заключение можно сделать вывод, что доктор исторических наук, профессор Ким Герман Николаевич – выдающийся ученый-кореевед, гордость казахстанской науки, основатель научной школы корееведения Казахстана, внесший большой вклад в развитие исторической науки. Сегодня профессор Г.Н. Ким не намерен сбавлять обороты, полон планами на будущее, читает лекции, пишет книги и статьи, выступает с докладами, продолжает заниматься общественной работой.

Накануне 70-летия со дня рождения Г.Н. Кима его учителя, соратники и коллеги поздравляют юбиляра и желают долгой и плодотворной творческой жизни на благо родной страны.

Раушанбек Абсаттаров,
член-корреспондент НАН РК,
доктор философских наук, профессор

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ

Абаған Ақерке Болатбекқызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті Шығыстану факультеті, Қиыр Шығыс кафедрасының меңгерушісі. Қиыр Шығыс кафедрасының доцент м.а., PhD, Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: abagan_a@mail.ru

Әбдіқұлова Гүлжанар – PhD, Қазақстан тарихы кафедрасының аға оқытушысы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қаласы, Қазақстан Республикасы; e-mail: gabdykulova@mail.ru

Әбсаттаров Раушанбек Бурамбаевич – ҰҒА корреспондент-мүшесі, философия ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

Ким Герман Николаевич - тарих ғылымдарының докторы, профессор. Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Азиятану институтының директоры, Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: germankim01@yahoo.com

Ким Ён Суль - Чоннам ұлттық университеті, Кванжу Митрополиті, Оңтүстік Корея. E-mail: eurasia12@hanmail.net

Қалиева Гүлден Бауржанқызы - Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті Шығыстану факультеті, шығыстану мамандығының магистрі, Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: gulden.qali@gmail.com

Лоранс Тайн - Әлеуметтану ғылымының құрметті профессоры, Люмьер Лион 2 университеті, Макс Вебер орталығы, Лион қ., Франция; e-mail: laurencetaun@gmail.com

Мионг Сунок - Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті Қиыр Шығыс кафедрасының профессоры, PhD, Философия ғылымдарының докторы. Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: okmyong@gmail.com

Сапаров Бахытжан Жолдыбаевич - PhD, Әлеуметтану және саясаттану кафедрасының аға оқытушысы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті. Алматы, Қазақстан Республикасы. e-mail: s.baha81@mail.ru

Үдербаева Лаззат Дулатовна – саясаттану және әлеуметтік- философиялық пәндер кафедрасының «Әлеуметтану» мамандығының докторанты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы; e-mail: luderbayeva@gmail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абаган Акерке Болатбекқызы – PhD, и.о. доцента кафедры Дальнего Востока, Заведующий кафедрой Дальнего Востока, факультета востоковедения Казахского национального университета имени Аль-Фараби, г.Алматы, Республика Казахстан; e-mail: abagan_a@mail.ru

Абдыкулова Гулжанар – PhD, старший преподаватель кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, город Астана, Республика Казахстан; e-mail: gabdykulova@mail.ru

Абсаттаров Раушанбек Буранбаевич – член-корреспондент НАН РК, доктор философских наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан

Калиева Гулден Бауржанқызы – магистр востоковедения, факультет востоковедения Казахского национального университета имени Аль-Фараби, г.Алматы, Республика Казахстан; e-mail: gulden.qali@gmail.com

Ким Герман Николаевич – доктор исторических наук, профессор. Директор Института азиатских исследований КазНУ им. Аль-Фараби, г.Алматы, Республика Казахстан; e-mail: germankim01@yahoo.com

Ким Ён Суль – Чоннамский национальный университет, Метрополитен Кванджу, Южная Корея. E-mail: eurasia12@hanmail.net

Лоранс Тайн – Заслуженный профессор социологии, Университет Люмьера Лиона 2, Центр Макса Вебера, г. Лион, Франция; e-mail: laurencetaun@gmail.com

Мионг Сунок – PhD, доктор философских наук, профессор кафедры Дальнего Востока, Казахского национального университета имени Аль-Фараби, г.Алматы, Республика Казахстан; e-mail: okmyong@gmail.com

Сапаров Бахытжан Жолдыбаевич – PhD, старший преподаватель, кафедры социологии и политологии, Казахский национальный Педагогический университет имени Абая. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: s.baha81@mail.ru

Удербаета Лаззат Дулатовна – докторант специальности «Социология» кафедры политологии и социально-философских дисциплин, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г.Алматы, Республика Казахстан; e-mail: luderbayeva@gmail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abagan Akerke Bolatbekovna – Al-Farabi Kazakh National University Faculty of Oriental Studies, acting associate professor of the Department of the Far East, PhD doctor. Head of the Department of the Far East, Almaty, Kazakhstan; e-mail: abagan_a@mail.ru

Abdykulova Gulzhanar – PhD, Senior Lecturer of Department of History of Kazakhstan, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; e-mail: gabdykulova@mail.ru

Absattarov Raushanbek – Corresponding member of NAS, doctor of philosophical Sciences, Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

Kalieva Gulden Baurzhankyzy – Al-Farabi Kazakh National University Faculty of Oriental Studies, Master of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan; e-mail: gulden.qali@gmail.com

Kim German Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor. Director of the Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University; Almaty, Kazakhstan; e-mail: germankim01@yahoo.com

Kim, Young Sool – Chonnam National University, Gwangju Metropolitan City, South Korea. E-mail: eurasia12@hanmail.net

Laurence Tain – Emeritus Professor of Sociology, Lumière Lyon 2 University, Max Weber Centre, MSH Lyon, France; e-mail: laurencetayn@gmail.com

Myong Sunok – Al-Farabi Kazakh National University PhD doctor, Professor of the Department of the Far East, Doctor of Philosophy, Almaty, Kazakhstan; e-mail: okmyong@gmail.com

Saparov Bakhytzhан – PhD, senior lector of the Department of Sociology and Political Science, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan. e-mail: s.baha81@mail.ru

Uderbayeva Lazzat Dulatovna – Doctoral of the specialty «Sociology» of the department Political Science and Socio-Philosophical Disciplines of Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: luderbayeva@gmail.ru

Мақалаға қойылатын талаптар:

Мақаланың негізгі элементтері:

Мақала мәтіні **кіріспеден** (өзектілігі, ғылыми маңыздылығы, зерттеу мақсаты), **негізгі бөлімнен** (негізгі ережелер, зерттеу әдістемесі, әдеби шолу, әдістер, нәтижелер, талдау) және **қорытындыдан** тұрады;

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі. References.

Мақаланы рәсімдеу талаптары:

• Мақаланың басында FTAXP (орыс тілінде МРНТИ; ағылшын тілінде SRSTI) белгілеу қажет. Қаріп: **қалың** Туралау: сол жақта.

• FTAXP-дан төмен орталықта автордың аты-жөні, дәрежесі, төменде жұмыс орны, мен елі көрсетіледі. Қаріп: *тұрақты, курсив* Туралау: ортасында.

• Тақырып жұмыс орнынан кейін бір бос орынмен бөлінеді. Тақырыптар БАС ӘРІПТЕРМЕН қалың қаріппен басылады. Қаріп: **ҚАЛЫҢ, ҮЛКЕН** Туралау: ортасында

• Тақырып кейін *Аңдатпа* (орыс тілінде *Аннотация*, ағылшын тілінде *Abstract*). Құрылымдық аңдатпада қысқаша мақаланың барлық бөлімдерін анықтау мәтіні болу керек: кіріспе, мақсат, материалдар мен әдістер, нәтижелер мен талқылау, қорытынды. 100-300 сөз. Қаріп: қалыпты Туралау: ені бойынша.

• Аңдатпадан кейін үш тілде түйін сөздер (кемінде 3-8) көрсетіледі. Қаріп: қалыпты Туралау: ені бойынша.

• Мақаланың толық мәтіні журналдың қолданыстағы талаптарына сәйкес рәсімделгеннен кейін. Қаріп: қалыпты Туралау: ені бойынша.

• Мақала мәтінінің соңында *Әдебиеттер (Литература; References)* көрсетіледі. Әдебиеттер мақалаларды рәсімдеу негізгі 7.1-2003 «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама. Құрастырудың жалпы талаптары мен ережелері» баспа стандартына сәйкес жасалуы керек. Қаріп: *тұрақты, курсив* Туралау: ені бойынша.

Microsoft Word мәтіндік редакторы. Мәтіннің Көлемі аңдатпаны, кілт сөздерді қоспаған 3000 сөзден – 12000 сөзге дейін болу қажет.

Times New Roman компьютерлік жазу кегль 12.

Жиктері: сол және оң жағы – 2 см, жоғарғы және төменгі жағы – 2 см, 1 аралықтан кейін. Әдебиеттер тізімі мәтіннің соңында орналастырылады және жұмыстарды атап өту тәртібіне (толассыз нөмірлеу) сәйкес жасалады. Библиография кемінде 10 дереккөзді қамтуы керек. Шетелдік еңбектерге сілтемелер-кемінде 30%, Өзін-өзі бағалау-15% аспайды. Әдебиет ағылшын тіліндегі мақалаларға транслитерацияланады. Мәтіндегі әдебиетке сілтемелер осы жұмыстың әдебиет тізіміндегі нөміріне сәйкес келетін нөмір түрінде «шаршы» жақшада рәсімделеді. Дәйексөздерді пайдаланған кезде дереккөз бетін міндетті түрде көрсету қажет, мысалы: [1, 1386.], орысша нұсқасында [1, С.138], ағылшын нұсқасында [1, р.138]. Интернет-дереккөздерді пайдаланған жағдайда дереккөзге сілтемені көрсету міндетті емес.

Суреттер, кестелер, графиктер, диаграммалар нөмірлеуді көрсете отырып, тікелей мәтінде ұсынылады (мысалы, сурет 1, 1-кесте). Суреттер, кестелер, графиктер және диаграммалар саны мақаланың барлық көлемінің 20% -ынан аспауы тиіс (кейбір жағдайларда 30% - ға дейін).

Требования:

Основные элементы статьи:

При оформлении рукописи необходимо придерживаться следующей структуры метаданных, представленных на казахском, русском и английском языках: Название статьи (заголовок); аннотации; ключевые слова; Текст статьи включает: **введение** (актуальность, научная значимость, цель исследования), **основную часть** (основные положения, методология исследования, обзор научной литературы, методы, результаты, дискуссия) и **заключение**; Список использованных литератур, References.

Требование к оформлению статьи

- В начале статьи необходимо обозначить **МРНТИ** (на казахском языке FTAXP, на английском языке SRSTI). Шрифт: **полужирный**. Выравнивание: по левому краю

- Над МРНТИ в центре указываются инициалы и фамилия автора, ниже должность по месту работы, учебы, ученая степень и ученое звание, страна. Шрифт: **обычный, курсив** Выравнивание: *по центру*.

- Заголовок отделяется от места работы пробелом. Заголовки печатаются **ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ ЖИРНЫМ ШРИФТОМ**. Шрифт: **ЖИРНЫЙ, ПРОПИСНОЙ** Выравнивание: по центру

- Над заголовком *Аннотация* (на казахском языке *Аңдатпа*, на английском языке *Abstract*). Структурированное Аннотация должно содержать кратко все разделы статьи: введение, цель, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение или выводы. 100-300 слов. Шрифт: **обычный** Выравнивание: по ширине.

- После Аннотации указываются ключевые слова (не менее 3-8) на трех языках. **Ключевые слова:** власть, общество и т.д. Шрифт: **обычный** Выравнивание: по ширине.

- После полный текст статьи оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала. Шрифт: **обычный** Выравнивание: по ширине.

- **Литература (Әдебиеттер; References)** указываются в конце текста статьи. Литературы должны быть оформлены согласно базовым издательским стандартом по оформлению статей в соответствии 1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Шрифт: *обычный, курсив* Выравнивание: по ширине.

Текстовый редактор Microsoft Word. Объем от 3000 слов без аннотации и ключевых слов до 12000 слов компьютерной машинописи Times New Roman кегль 12.

Поля: правое, левое, верхнее и нижнее – 2 см, через 1 интервал. Список литературы помещается в конце текста и составляется в соответствии с порядком упоминания работ (сквозная нумерация). Список литературы должен содержать не менее 10 источников. Ссылки на зарубежные труды – не менее 30%, самоцитирование – не более 15%.

Литература транслитерируется. Ссылки на литературу в тексте оформляются в «квадратные» скобки, в виде номера, соответствующего номеру данной работы в списке литературы. При использовании цитат обязательно указывать страницу источника, например: [1, С.138] в казахском варианте [1, 138б.], в английском варианте [1, p.138] в случае использования интернет-источников указывать ссылку на источник.

Рисунки, таблицы, графики, диаграммы представляются непосредственно в тексте с указанием нумерации (Например, Рисунок 1, Таблица 1). Количество рисунков, таблиц, графиков и диаграмм не должно превышать 20% от всего объема статьи (в некоторых случаях до 30%).